

Ольга Ерёмина
Николай Смирнов

ИВАН ЕФРЕМОВ

Ольга Ерёмина

**Иван Ефремов. Издание
2-е, дополненное**

«Еремина Ольга Александровна»
«Смирнов Николай Николаевич»

2017

Ерёмина О. А.

Иван Ефремов. Издание 2-е, дополненное /
О. А. Ерёмина — «Еремина Ольга Александровна»,
«Смирнов Николай Николаевич», 2017

Книга рассказывает о жизни и творчестве крупного учёного-палеонтолога, геолога и всемирно известного писателя Ивана Антоновича Ефремова. Для широкого круга читателей.

© Ерёмина О. А., 2017

© Еремина Ольга
Александровна, 2017

© Смирнов Николай
Николаевич, 2017

Содержание

От авторов	6
Предисловие ко второму изданию	8
Глава первая. Детство (1908–1921)	10
Антип Харитонович Ефремов	10
Купец и благотворитель	12
Ваня открывает мир книг	15
Очарование камня	17
«Век драконов» и книги Пржевальского	19
Фотография	22
Вольный ветер Бердянска	23
Аллан Квотермейн в Херсоне	26
Вихри гражданской войны	31
Глава вторая. Отрочество (1921–1924)	34
Возвращение в Петроград	34
Школа и работа	36
На подступах к палеонтологии	39
Пётр Петрович Сушкин	43
Орнитолог и палеонтолог	47
Дмитрий Афанасьевич Лухманов	49
Навигация на Дальнем Востоке	52
Глава третья. Юность (1924–1928)	55
В университете	55
Кызыл-Агачский залив и навигация на Каспии	58
Сотрудник Геологического музея	62
Тургайские раскопки	66
На горе Богдо	70
Лабиринтодонты Шарженьги	75
Прощание с учителем	80
Глава четвертая. Ленинград (1929–1935)	86
Динозавровый горизонт Средней Азии	86
Медное поле Каргалы	93
Палеозоологический институт	98
Нижне-Амурская геологическая экспедиция	104
Олёкмо-Тындинская экспедиция	111
Раскопки в Каменном овраге	115
Верхне-Чарская экспедиция	119
Станция «Иван Ефремов»	132
Кандидат биологических наук	134
Глава пятая. Москва (1935–1941)	137
Большой Спасоглинищевский	137
Письмо Сталину и восстановление музея	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

**Ольга Ерёмина, Николай Смирнов
Иван Ефремов. Издание
2-е, дополненное**

© Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н., 2017

* * *

Посвящаем нашим детям – Нине, Ладе, Всеславу

От авторов

В 2012 году мы отметили сорокалетие памяти Ивана Антоновича Ефремова. Необычность этого человека стала очевидна уже в середине XX века, когда Евгений Павлович Брандис и Владимир Иванович Дмитриевский начали писать о нём книгу «Через горы времени» (1963). Первая глава пунктиром рассказывала о биографии писателя, следующие посвящались литературоведческому разбору уже опубликованных рассказов, повестей и романа «Туманность Андромеды». В семидесятые годы авторы хотели переиздать свою книгу, дополнив её новыми фактами. После ухода из жизни Дмитриевского Брандис продолжал работу, но завершить и опубликовать её не успел.

В 1987 году палеонтолог, ученик Ефремова Пётр Константинович Чудинов издал книгу «Иван Антонович Ефремов». Первая глава вновь была посвящена биографии, следующие – достижениям Ивана Антоновича в области палеонтологии. В последней главе Чудинов рассказывал о своём знакомстве и общении с учителем.

Идея создания книги о жизненном пути Ефремова буквально витала в воздухе.

В 2004 году вокруг сайта «Нооген» и его создателя и редактора Андрея Ивановича Константинова собралась небольшая группа единомышленников, усилиями которой стал накапливаться биографический и аналитический материал. Через несколько лет, составив подробную хронологию, мы начали работу над книгой. Задачу поставили себе непростую – написать художественную биографию Ефремова, чтобы увлекательная, богатая жизнь героя была представлена живо и подробно на фоне важнейших событий эпохи. При этом факты должны быть точными, а информация о событиях – по возможности исчерпывающей.

По ходу работы в наши руки часто попадали редкие книги, статьи в изданиях, которые можно найти лишь в архивах. Мы сочли возможным достаточно обширно цитировать их, чтобы у современного читателя была возможность самому, не в пересказе, услышать голос эпохи.

Главы об экспедициях строятся на документах: командировочных удостоверениях, отчётах, альбомах с фотографиями. В то же время потребовалось тщательно изучить различную литературу по теме, чтобы картина путешествий была красочной и точной.

Биография писателя немыслима без обращения к его творчеству, а биография мыслителя – без исследования корпуса его основных идей. Поэтому в книгу включены главы, посвящённые произведениям Ефремова и его мировоззрению.

Таисия Иосифовна, вдова писателя, позволила нам использовать не опубликованную ранее переписку, что помогло ярче осветить личность нашего героя, уточнить многие факты и подробности. В данной книге при цитировании писем из личного архива И. А. Ефремова, хранящегося у Т. И. Ефремовой, мы ограничиваемся указанием адресата, адресанта и даты письма. Если цитируются письма из других архивов, следует отдельное указание.

В последней главе мы с разрешения наследников используем фрагменты неизданного романа Спартака Фатыховича Ахметова «Чёрный шар», который создавался в течение пяти лет (1973–1977). Это роман о жизни научно-исследовательского института, о людях науки, о любви, верности, предательстве. Вещь разноплановая, в основном реалистическая, с элементами сказки и научной фантастики. «Многие описанные события произошли со мной или во мне, или были рассказаны близкими людьми. Отдельные главы я обсуждал с прототипами и постарался учесть их замечания. В этом смысле авторов у книги много, и тем ближе она к истине», – делился автор с читателями в эпилоге.

Очерк «Последний день», являющийся составной частью «Чёрного шара», – это расширенный вариант опубликованного очерка «Броненосец с пробойной под ватерлинией». Предлагаемые читателю фрагменты главы «Обыск» никогда прежде не публиковались.

Вымышленные имена героев, использованные автором в романе «Чёрный шар», специально для этого издания заменены на подлинные.

Мы благодарим родственников И. А. Ефремова, его друзей и единомышленников:

- Таисию Иосифовну Ефремову, вдову писателя, и его сына Аллана Ивановича Ефремова за поддержку и помощь в сборе материалов и подготовке рукописи;
- Альберта Фаритовича Сайфутдинова (Новосибирск) за предоставление и дополнительное уточнение материалов рукописи «Открой в себе талант» и меценатство;
- Эльгу Борисовну Вадецкую (Санкт-Петербург) за рассказ о своей дружбе с Ефремовым;
- Галину Леонидовну Ахметову и Камилла Спартаковича Ахметова (Москва) за предоставление материалов книги С.Ф. Ахметова «Чёрный шар»;
- Геннадия Исааковича Беленького (Москва) за внимательное прочтение и доброжелательную критику;
- Андрея Константинова (Москва) за подготовку к публикации переписки И. А. Ефремова;
- Антона Нелихова (Москва) за щедрое предоставление архивных материалов, консультации по истории палеонтологии и редакторскую помощь;
- Ларису Павловну Ерёмину (Калуга) за постоянную заботу и поддержку;
- Аллу Борисовну Егорову (Киров) за географические сведения о реках Чаре и Олёкме и за сведения об А. П. Быстрове;
- Даниила Наумова (Москва) за предоставление материалов о биографии А. П. Быстрова;
- Алексея Афанасьева (Одесса) за техническую поддержку и помощь в обработке материалов;
- Нину Грицай (Санкт-Петербург) за помощь в работе с архивом Горного института Санкт-Петербурга;
- Любовь Данилову (Великий Устюг) за предоставление материалов и консультации по Шаржёнзской экспедиции;
- Сергея Макарова и Сергея Мищенко (Тында) за помощь в работе с материалами Музея истории БАМа в городе Тында;
- Александра Ермошкина (Хабаровск) за консультации по материалам Нижне-Амурской экспедиции;
- Виктора Бурю (Хабаровск) за предоставление краеведческих материалов по Нижне-Амурской экспедиции;
- Ирину Сяэск (Тарту) за материалы о дружбе И. А. Ефремова и П. Ф. Беликова;
- Семёна Лопато (Москва) за плодотворные идеи и товарищескую поддержку;
- Сергея Беякова (Иваново) за внимательное прочтение и корректорскую помощь;
- Елену Егорову (Киров), Ольгу Цыбенко, Ларису Михайлову (Москва), Миру Покорук (Винница), Татьяну Смирнову (Санкт-Петербург) за помощь в подготовке материалов;
- Ольгу Хлынину, Ирину Голенкову, Александра Голенкова, Ларису Волохову, Николая Кузнецова, Фаниля Ахметова (поселок Уранбаш, село Комиссарово, хутор Херсонский Оренбургской области) за помощь в знакомстве с Каргалинскими рудниками;
- Сергея Мельникова (Москва) за дружескую критику и материальную поддержку.

Предисловие ко второму изданию

Летом 2013 года мы закончили нашу книгу «Иван Ефремов» – итог многолетнего изучения творчества и биографии выдающегося писателя и учёного-космиста XX века. Она вышла в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» в декабре того же года. Некоторое время казалось, что работа наша завершена. Точка поставлена.

Затем возникла необходимость провести несколько презентаций книги. За годы получилось больше полусотни встреч – в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Калуге, Клину, Кирове, Тольятти, Ярославле, Дмитрове, Калининграде, Барнауле, Кемерово, Ангарске. Наиболее яркими оказались выступления в Горных институтах Санкт-Петербурга и Москвы, в геологоразведочном университете в Москве, на биологическом факультете СПбГУ, в Музее Землеведения МГУ, в Минералогическом музее им. Ферсмана, в библиотеке Автоваза г. Тольятти, в центральной библиотеке Калининграда, в квартире-музее В.И. Белова, библиотеках и университетах Вологды, в лектории Музея Востока, дважды – в институте Востоковедения. В Международном центре Рерихов мы провели цикл из четырёх лекций.

Были получены глубоко прочувствованные умные отклики от таких замечательных мастеров своего дела и профессионалов как писатели В. П. Крапивин, Г. М. Прашкевич, Д. В. Морозов (автор романа «Дваждырождённые» и основатель педагогического сообщества Китеж), директор центра русских исследований института фундаментальных и прикладных исследований при МГУ историк А. И. Фурсов, профессор филологии КГПУ В. Х. Гильманов (Калининград), видный геолог и специалист по сибирскому золоту А. В. Сурков, доктор физико-математических наук и крупный эволюционист А. Д. Панов (ГАИШ), доктор медицинских наук и зав. кафедрой нормальной физиологии КемГМА Д. Ю. Кувшинов (Кемерово), доктор технических наук и профессор М. Д. Рукин (Москва), профессор и зав. кафедрой социологии БелГУ С. Д. Лебедев (Белгород), кандидат философских наук и доцент кафедры истории и философии ТГУ Б. В. Царёв (Тольятти) психолингвист и директор музея писателя Белова Э. Л. Трикоз (Вологда)...

Презентации дарили нам общение с людьми, которые с юношеских лет любили рассказы и романы Ефремова, с теми, кто выбирал специальность и прокладывал свой жизненный путь под влиянием идей Ивана Антоновича. Среди них были геологи, палеонтологи, историки, археологи, физики, математики, биологи, педагоги... Нам приносили статьи из старых газет, где говорилось о палеонтологических раскопках Ефремова, научные работы по истории и литературоведению, где речь шла о творчестве нашего героя, и даже письма, написанные Ефремовым своим друзьями-учёными и бережно сохранённые их учениками или родственниками. Особенно дорого нам было общение с теми, кто лично встречался с Иваном Антоновичем.

Так, встреча с Евгенией Михайловной Величко помогла узнать о дружбе Ефремова и Сергея Алексеевича Мухина, знаменитого врача-гомеопата. Писатель Геннадий Мартович Прашкевич рассказал о своих встречах с Иваном Антоновичем. Поиски в архивах библиотек привели к находке стихотворения Сергея Житомирского «Ночь в пустыне», посвящённого Монгольской палеонтологической экспедиции. Встреча с историком Павлом Фёдоровичем Николаевым дала возможность познакомиться со стихами Ефремова, написанными в Верхне-Чарской экспедиции.

Специалисты в разных областях знания делились с нами своими наблюдениями над творчеством Ефремова, размышлениями о его экспедициях. Задавали вопросы, которые

заставляли по-новому осмыслять разные стороны жизни героя. Замечали проблемные места. Какие-то недоговорённости видели и мы сами.

За это время подошла к финалу работа по изданию переписки Ефремова, стал ещё более очевиден поистине возрожденческий масштаб личности писателя и учёного.

В этой связи необходимо несколько слов сказать о нашем подходе к личности Ивана Антоновича.

Жизнеописание построено по принципу сдвоенной биографии – событийной и духовно-интеллектуальной. Такова была вся жизнь Ефремова – на балансе экстравертности и интровертности. Сам переживший немало приключений в многочисленных экспедициях и различного рода жизненных коллизиях, он в литературу вошёл с концепцией «приключений мысли», показав этим дорогу для творческого преображения накопленного опыта. Иван Ефремов предстаёт перед нами прежде всего как мастер жизни, сумевший в труднейших условиях России XX века воплотить свою миссию – через научное творчество, через искусство, через выстраивание отношений с другими людьми – что особенно важно и имеет непреходящее значение.

Всё это привело к необходимости вносить в книгу уточнения и дополнения. Разумеется, говорить о завершённости работы не приходится и сейчас – такова судьба всякого перспективного многовекторного исследования, находящегося в непрерывном становлении.

К сожалению, в 2014 году без нашего ведома текст нашего исследования был выложен в интернете пиратским образом – с теми неточностями, которые были допущены в первом издании.

Первое официальное издание книги – бумажное.

Настоящий текст подготовлен в 2017 году для первого официального электронного издания, по существу – второго издания книги.

В 2016 году в издательстве «Вече» вышел том «Переписка Ивана Антоновича Ефремова», сопровождающийся отдельно изданными «Алфавитными указателями» (автор-составитель О. А. Ерёмина). Более тысячи двухсот пятидесяти писем расположены в хронологическом порядке и дают максимально возможное представление о знакомствах и общении писателя и учёного. В 2017 году автор-составитель был удостоен Международной АБС-премии в номинации «Критики и публицистика».

Включены в данное издание ЖЗЛ и новые отрывки писем, а в качестве приложения – статья «По лезвию – за горизонт!», являющая послесловием в уже ставшей библиографической редкостью переписке. Помимо ряда специфических акцентов, касающихся исключительно эпистолярного наследия мастера, статья имеет актуальность как анализ отношения к Ефремову и его творчеству в современном обществе, а также роли и места самого Ефремова в русской культуре.

Однако точка не поставлена и сейчас. Мы продолжаем находить документы, связанные с именем Ефремова, в том числе и не известные нам ранее письма. Всё это позволяет посмотреть на произведения писателя свежим взглядом, и лучший результат, которого могут пожелать авторы, – это обращение читателей к рассказам и романам нашего героя.

Глава первая. Детство (1908–1921)

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные её нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий...

И. А. Ефремов. Лезвие бритвы

Антип Харитонович Ефремов

Антип Харитонович выбирал себе жену. Был он уже не молод – аккурат между четырьмя и пятью десятками, однако женихом почитался завидным. Да и собой ещё хорош. Знал он цену времени, потому и выбирал не спеша, как строевой лес покупал – каждое дерево оглядывал. Пора, пора наследниками обзавестись. Будет что им передать!

Так рассуждал Антип Харитонович, сидя в коляске, которая катила полевой дорогой из Вырицы в село Тосно. Долог путь, да кони резвы, и под сердце подкатывает комок горячий, и в ярких вспышках сознания, словно навек впечатанные, видит он картины.

Родное староверческое Заволжье¹. Луговина – сочные травы. С дальнего конца поля заходят косари – все в красных рубахах. Впереди – кряжистый, как старый дуб, с жилистыми руками – старик-отец. Шаг задаёт. За ним – уступами – сыны-богатыри, как на подбор. Восемь старших сыновей косят, а двое меньших с бабами сено перебивают. Он, Антип, успокаивая дыхание, встраивается вслед за старшими братьями. На душе легко!

В 1882 году, через год после того, как царя-батюшку убили, в осеннюю распутицу пришла в село весть о новом наборе на военную службу, который сменил прежнюю рекрутчину. Да уж и ясно было, что Антипу идти – теперь призывали всех, ведь срок службы сократили. Антип, двадцати одного года, молодец хоть куда! Перед проводами отец ввёл Антипа в горницу, взял в руки икону, велел стать на колени. Но прежде родительского благословления строго произнёс:

– Вот что, сыне мой, едешь ты в дальнюю сторону. Много будет вокруг тебя молодчиков, кто и обидным словом задерёт, а ты порохом пыхнешь. Но-но, не перечь! Знаю я тебя. Клянись мне на кулаках не биться и в драки не вступать. Клянись перед ликом Богородицы!

Когда завтрашний новобранец с пылающими щеками вышел из горницы, он заметил в глазах старших братьев понимающие усмешки. Потом уже понял Антип, что клятву таковую отец брал с каждого из сыновей. Чем согрешили дед или прадед, что потребовалась такая крепкая мера?

Двухэтажные казармы рядом с Царскосельским вокзалом, выкрашенные коричнево-розоватой краской. Утопанный тысячами ног плац. На площади – огромный Введенский собор о пяти золочёных главах. А мимо – туда-сюда кареты, офицеры на конях, дамы в пышных городских нарядах. Всё казалось диковинным молодому солдату Семёновского полка. Однако Антип быстро обвык в полку, присмотрелся к жизни в Петербурге. После курса полковой учебной команды – звание ефрейтора. Затем с гордостью отписал родителям, что стал унтер-офицером. Шесть лет службы вышли, но возвращаться домой Антип Харитонович не спешил – резону не было. Он остался на сверхсрочную, имел награждения

¹ А. Х. Ефремов родился на реке Керженец (левый приток Волги), в окрестностях уездного города Макарьево (ныне посёлок) в Нижегородской губернии. Вероятно, его родина – село Богородское. Волгу и паромную переправу с левого берега на правый, из Макарьево в Лысково, конца 1920-х – начала 1930-х годов, И. А. Ефремов описал в первой главе романа «Лезвие бритвы».

и повышения по службе. Однако воевать не довелось: государь Александр Александрович войн не любил. Видно, слишком хорошо помнил он, к чему привели Крымская, а затем и Турецкая войны.

Казармы, лагерные сборы, учения, манёвры... Дни текли как смола по стволу. Шестнадцать лет прошло – и стал крестьянский сын, а затем унтер-офицер лейб-гвардии Семёновского полка коллежским регистратором. Низшим гражданским чином XIV класса его наградили за годы беспорочной службы.

В эти годы родилась у Антипа Харитоновича дочь – вне брака.

Уволившись, он некоторое время состоял помощником казначея хозяйственного комитета Покровской общины сестёр милосердия. Но душа просила иного – широкой работы не под чужим началом, а по своему разумению. Ещё во время манёвров Антип Харитонович присмотрел небольшое местечко за Гатчиной, на берегу реки Оредеж. На небольших холмах там росли стройные сосны и высокие мрачные ели. Из Петербурга отправился Антип Харитонович в Вырицу, срубил там себе избу-пятистенку и, обустроив тылы, со всей силой и напором приступил к выполнению главной для себя задачи – выбиться в люди.

Хозяином вырицких земель был светлейший князь Генрих Фёдорович Витгенштейн, правнук знаменитого маршала. На берегу Оредежа стоял его охотничий замок, а неподалёку работала лесопилка. Однако возможность поохотиться привлекала господ больше. И тогда Антип Харитонович арендовал у князя лесопилку. В Петербурге строительство идёт бойко, доска в цене. А когда промышленники начали строить через Вырицу железную дорогу, решился вопрос о доставке леса в город. В злосчастный год, когда всех волновала война с Японией, главным интересом Антипа Харитоновича стало открытие железной дороги и широко развернувшаяся – его собственная – торговля.

И вот купец второй гильдии на собственной коляске едет к одному из знакомых крестьян-старожилов, знатному шорнику Лександру Ананьеву. Сказывал тот, дочь у него на выданье. Семья у Ананьевых строгая, работающая, отец здоровьем крепок, стало быть, и дочь – доброго корня побег. Любая чиновница или купеческая дочь была бы рада такому жениху, но Антип Харитонович знает, каковы они – городские девицы! Сейчас им давай наряды да забавы, а хозяйки они никудышные. Да и своевольны весьма. А крестьянская дочь из повиновения не выйдет.

В избе – терпкий запах клея и кож, но его перебивает смачный дух сдобных пирогов, что хозяйка напекла к приезду важного гостя. Дочка Варвара – пёстрая юбка, расширяющаяся к талии светлая блуза, волосы гладко зачёсаны, на голове повязка девичья. Тонкие, но отчётливые черты лица, широкий разлёт бровей, твёрдый взгляд внимательных голубых глаз. Сидит за столом прямо, кусочек пирога – и тот не съела! А отец, словно не замечая пристальных взглядов Антипа Харитоновича на дочь, ведёт речь о новой дороге да о выгоде своего ремесла, приговаривая:

– Шорник – полковник, портной – майор, а сапожник – в грязь – так князь, а сухо – пали его в ухо!

Антип Харитонович говорит: мол, с глазу на глаз с хозяином перемолвиться надо. Шорник отослал хозяйку и дочь, выслушал гостя да призадумался.

Вот так дела: сват – да не сват. Желал Антип Харитонович, чтобы непременно наследник у него родился. Сначала, мол, сын, а потом – свадьба. А если дочь? Небывалое творится!

Долго ли, коротко ли думал Ананьев – да согласился.

Купец и благотворитель

Жить Антип Харитонович и Варвара Александровна стали в новом просторном доме на пересечении улицы Балтской и проспекта Сегаля. Дом поставлен основательно, из отборных брёвен. Двор вымощен деревянным торцом – ни грязи, ни воды не будет.

Прошло лишь несколько дней после переезда, а Варвара чувствовала себя одинокой, покинутой. Нет, помыслы Антипа Харитоновича были заняты не другими женщинами – всё время и силы он посвящал своим проектам.

Землями к югу от станции Вырица владел Матвей Яковлевич, британский подданный Мэтью Эдвардс. Целебный воздух, настоенный на хвойных ароматах, а также удобство нового сообщения с Петербургом навели его на мысль разбить лес на дачные участки. Чтобы новоявленным дачникам легче было добираться до места со своими узлами и детишками, он отвёл от линии ветку с тремя платформами и поставил станцию «Посёлок». Дачный городок на земле Сегаля, компаньона Антипа Харитоновича, тоже рос с каждым годом. Рабочие Ефремова прорубали в нём просеки под новые улицы, а Антип Харитонович давал им имена городов родного Поволжья: Самарская, Сызранская, Астраханская, Нижегородская²...

Дачи – это ладно, рассуждал Антип Харитонович. Господа, чай, дома-то не из глины лепят. Также лес понадобится. А к кому и податься, как не к Ефремову? Всё прибыток. Да и от «Платформы № 2» до лесопильного завода всего ничего – и двух вёрст не будет. Но легко сказать – проложить свою ветку, а хлопот-то сколько! Но зато какой гордостью светилось обветренное лицо лесопромышленника, когда первый вагон с пиленным лесом выкатил на Московско-Виндаво-Рыбинскую магистраль! Ведь это не телегами до станции лес везти. Дело набирало обороты, ефремовский лес шёл уже во многие города России.

Заводу нужны грамотные рабочие. Стало быть, требуется школа, где бы дети учились грамоте и счёту. И вот на берегу Оредежа построена начальная школа. Не сразу повели рабочие детей к учителю, но добрая слава разнеслась по Вырице и окрестностям, и в 1911 году было в школе уже 64 ученика: мальчиков и девочек поровну.

Контору Антип Харитонович решил ставить не где-нибудь, а напротив вокзала. Такое мог себе позволить только ещё один человек в Вырице – сам Витгенштейн. Венчал здание не привычный шпиль, а глобус. Уж очень по нраву пришлась Антипу Харитоновичу мысль, что Земля наша не плоская, как отец говаривал, а словно арбуз на саратовской бахче. Её, стало быть, и кругом обогнуть можно. И свои, и дачники сразу окрестили контору «дом под глобусом».

Так Антип Харитонович доказал сам себе, что не происхождение и привилегии дают человеку настоящую цену.

Бывшие подруги завидовали Варваре Александровне. Каждой лестно в таком богатом доме хозяйничать! Много глаз наблюдали за ней, как шла она по посёлку, в городском платье, лёгкая, стройная, но уже с округлившимся животом. Но Варе не часто приходилось радоваться. Где тут радость, когда один друг в доме – и тот медведь!

Четверть века назад Антип поклялся отцу, что не будет встречать в драки, не станет участвовать в кулачных боях. Но могучее тело просило испытаний, чтобы кровь стучала в висках и жаркой волной обдавала сердце. Он пристрастился к самой опасной и оттого такой желанной охоте – на медведя. Но, боже упаси, не с ружьём! По старинке – с рогатиной и топором. Чтобы не было у тебя преимуществ перед зверем, чтобы мог ты узнать себе настоящую цену.

² Названия улиц сохранились и по сей день.

На одной из таких охот, уже весной, поднял он с берлоги медведицу, управился с ней. А медвежонка – маленького, что мохнатая рукавица – домой взял, сам выпаивал его молоком из бутылочки. Теперь этот медведь на цепи по двору бегает, ребятишек пугает.

В 1907 году родилась у Варвары дочка Надя, а через год и первый наследник появился – Иван. Варвара Александровна разрешилась утром, легко. Тяжкий груз словно упал с её сердца: теперь кончится её странное, двойственное положение, теперь Антип Харитонович исполнит своё обещание. К вечеру она ощутила такое желание двигаться, увидеть лес да поле, что приказала заложить лошадей и отправилась кататься на тройке.

Антип Харитонович на радостях немалую сумму пожертвовал на строительство церкви во имя апостолов Петра и Павла.

...В Суйдинском парке хлопотали беспокойные дрозды, перелетали с липы на липу. Вековые дубы, посаженные еще Абрамом Петровичем Ганнибалом, выпустили молодые, с красноватыми прожилками, листочки. Отцветали лиловые хохлатки, поляны белели ветре-ницами. Солнце заливало аллею, на которой стоял каменный диван, высеченный из огромного серого валуна. В основании аллеи стоял двухэтажный дом Ганнибалов, где сто с лишним лет назад жила семья Пушкиных. Недалеко, возле старого кладбища, притулился домик няни поэта, Арины Родионовны.

Варвара Александровна устало опустила на мягкую вышитую подушечку, заботливо положенную прислужгой на холодный камень. Она и не знала, что здесь любил отдыхать прадед Пушкина. В голове светлым колокольцем звучало: «Богородице, дево, радуйся... Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего...»

Этот день – 18 мая³ 1908 года – надолго останется в её памяти. Отстояв с младенцем на руках всю обедню, она поднесла ребёнка к купели. Архивариус записал в метрической книге, в графе «Родители», только одну фамилию – матери. Но Варвара Александровна знала, что слово Антипа Харитоновича твёрдо. Наследник родился – и теперь она станет законной женой.

Так и случилось. 18 декабря 1910 года постановлением суда «Иоанн по отчеству Антипов» был признан «законным сыном титулярного советника Антона⁴ Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны»⁵.

Погодкой Ивану родился сын Василий. Он был уже сразу записан как сын Ефремова.

Шумно, беспокойно стало в доме.

И раньше муж то постоянно пропадал на заводе, то ездил в Петербург по торговым делам, а теперь и недвижимостью в столице обзавёлся. На паях с несколькими купцами построил доходный дом на Троицкой улице, возле Пяти углов⁶. В этом огромном шестиэтажном доме недалеко от Фонтанки была и собственная квартира Антипа Харитоновича. Позже он уже единолично прикупил доходный дом на Лиговском проспекте.

Частенько, заключая торговые сделки, вспоминал сын слова отца: «Нам, старолюбцам, Бог за верность помогает. Нам всегда удача. Но богатства копить не след. Грех это!»

Что же самое ценное? Чего так не хватало самому Антипу Харитоновичу и чего он страстно желал своим подрастающим детям?

Широко мыслил купец, далеко. Своим детям он мог дать образование и в Петербурге, денег бы на это хватило. Но видел он Вырицу городом, а городу нужна полноценная школа.

³ По старому стилю.

⁴ Антип Харитонович сменил имя вскоре после крещения Ивана, выбрав более модное. Вероятно, это связано с его вхождением в деловые круги Петербурга.

⁵ Суйдинской Воскресенской церкви, Царскосельского уезда метрической книги на 1908 год, часть первая о родившихся. Выписка хранится в личном архиве И. А. Ефремова и Т. И. Ефремовой.

⁶ Ныне ул. Рубинштейна, 23.

Не хуже, чем в столице. И ничего, что его дети ещё малы. Когда до школы дорастут, как раз всё устроится.

В 1910 году в помещении конторы Ефремова и Сегалю состоялось первое собрание господ членов Вырицкого школьного общества. Надо построить здание для школы. Но зачем откладывать начало занятий? Владельцы конторы предложили, как написал потом корреспондент газеты Царскосельского уезда, «настоящее, вполне приспособленное, помещение для школы бесплатно на один год, с отоплением, предоставляемым А. Х. Ефремовым».

Утром 19 сентября у «дома под глобусом» собралось не только всё постоянное население Вырицы, но и дачники. Впереди стояли дети – сорок один человек. Отслужили молебен, и Вырицкая торговая школа открылась.

Через год на участке, который купил Витгенштейн для школы, началось строительство. Как председатель общества, Антип Харитонович хлопотал об освобождении участка под школу от крепостных пошлин и гербового сбора. Пришлось даже испрашивать соизволение Его Императорского Величества. Здание школы предполагалось строить из бетонных блоков – чтобы сто лет простояло⁷. Пять учебных классов, рекреационный и физический залы, библиотека, кабинеты и Приют, где будут жить малоимущие ученики. По смете требовалось 30 тысяч рублей. У школьного общества к началу строительного сезона имелось около пяти тысяч. Средств явно не хватало. Антип Харитонович хлопотал, не жалея своих средств. Он словно наяву видел, как будут учиться в этой школе его подрастающие дети, и все силы вкладывал в строительство. Правда, второй этаж пришлось всё же сделать деревянным.

Деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери вознесла свои главы среди сосен – вновь Антип Харитонович жертвует. На этот раз он молится о здоровье младшего сына, Василия. Тот растёт болезненным мальчиком, и мать заботится о нём больше, чем о других детях. Надя всегда возле матери, а вот Иван...

⁷ Здание школы стоит до сих пор.

Ваня открывает мир книг

В раннем детстве Ваня любил играть тяжёлыми предметами. Его привлекали ступки, гирьки от часов. Ваня обнаружил, что гирьки только снаружи медные, а внутри они свинцовые. Наполнение не соответствовало внешнему виду.

В четыре года Ваня открыл для себя особый, никому из домашних не доступный мир. В кабинете отца, где тот бывал так редко, вдоль стен стояли громоздкие шкафы со стеклянными дверцами. В них – книги в сафьяновых и коленкоровых переплётах. К отцу приходили компаньоны или заказчики, часто люди образованные, в зарубежных университетах учились. Чтобы поддерживать своё реноме, отец оптом купил в Петербурге целую библиотеку, шкафы – и с тех пор к книгам не притрагивался. Ни привычки у него не было, ни надобности.

Ваня тихо входил в кабинет, едва оглядываясь на стол из тяжёлого морёного дуба, украшенный замысловатым письменным прибором, и распахивал тяжёлые дверцы шкафов. Читал названия книг, разглядывал картинки. Однажды ему, уже шестилетнему, попался роман «Восемьдесят тысяч вёрст под водой». Ваня забрался в высокое кресло, придвинутое поближе к печке, и читал не отрываясь. Второй и третий раз он перечитывал эту книгу медленно, открывая для себя всё новые и новые подробности. Особенно нравился ему слуга профессора Аронакса – неутомимый Консель⁸, который всё время пытался определить, к какому виду относится тот или иной представитель морской флоры или фауны.

Вот бы раздобыть другие книги Жюль Верна! Случай помог – и Ваня, как откровение, читает «Путешествие к центру Земли».

Гулко шумят под влажным западным ветром вековые сосны и ели, вплотную подступающие к дому. В печке трещат сосновые поленья. Иной раз уголёк выскочит на жестяной поддон – светится алым цветком, прожигает серый сумрак ненастного дня. Так же прожигают сердце Вани строки Жюль Верна.

Как чудесно – быть истинным учёным, как профессор Отто Лиденброк!

«Как бы то ни было, но мой дядюшка – я особенно подчёркиваю это – был истинным учёным. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, всё же дарование геолога в нём сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооружённый молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твёрдости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней».

Вот бы научиться этому искусству!

Профессор был не только геологом и минералогом, он знал, кроме обязательной латыни, ещё множество иностранных языков и свободно общался в путешествии с жителями разных стран.

Дорого бы дал Ваня, чтобы вдруг оказаться вместе с профессором Лиденброком и его племянником Акселем на корабле, высадиться в Исландии и спуститься в жерло вулкана. Как заманчиво было бы увидеть своими глазами сокровенные глубины Земли! Вместе с Акселем так увлекательно мечтать о том, чего никогда не видел ни один живой человек: «Между тем моё воображение уносит меня в мир чудесных гипотез палеонтологии. Мне снятся сны наяву. Мне кажется, что я вижу на поверхности вод огромных Херсид, этих допотопных черепах, похожих на плавающие островки. На угрюмых берегах бродят громадные млекопи-

⁸ В оригинале Консель – обычный слуга-подросток. Русский переводчик сделал из него начитанного и образованного человека средних лет, который постоянно пытается классифицировать увиденное. В результате русский перевод книги заметно отличается от оригинала.

тающие первобытных времён: лептотерий, найденный в пещерах Бразилии, и мерикотерий, выходец из ледяных областей Сибири. Вдали за скалами прячется толстокожий лофиодон, гигантский тапир, собирающийся оспаривать добычу у аноплотерия – животного, имеющего нечто общее с носорогом, лошадью, бегемотом и верблюдом, как будто Создатель второпях смешал несколько пород животных в одной. Тут гигантский мастодонт размахивает хоботом и крошит прибрежные скалы клыками; там мегатерий взрывает землю огромными лапами и своим рёвом пробуждает звучное эхо в гранитных утёсах. Вверху, по крутым скалам, карабкается предок обезьяны – протопитек. Ещё выше парит в воздухе, словно большая летучая мышь, рукокрылый птеродактиль. Наконец, в высших слоях атмосферы огромные птицы, более сильные, чем казуар, более крупные, чем страус, раскидывают свои широкие крылья и ударяются головой о гранитный свод».

Стукнет кольцо калитки, звякнет цепь на дворе – Ваня догадывается: отец идёт. Если приходят чужие, то медведь начинает глухо рычать, как сторожевая собака. Негоже мишке на цепи сидеть, считает Ваня, он в лесу жить должен.

Когда в прихожей слышались шаги отца, мальчик осторожно прикрывал дверцы книжного шкафа и убегал в детскую. Кабинет отца из таинственного, полного опасностей и неожиданностей жерла вулкана превращался в место, где заботы всех входящих тут же подчинялись лесоторговле, где дрова, сложенные в печь, являли себя миру не теплом и светящимися угольками, а колонками цифр и рублями.

В детской Ваня продолжал переживать приключения путешественников. Особенно сильно билось сердце мальчика, когда они заблудились, направившись не по тому туннелю, и остались без воды. «Если бы я оказался на месте Акселя, испугался бы я?» – размышлял он. Но каков Лиденброк! Он сберёг для племянника последнюю каплю воды. Он вынес его к развилке и поддерживал в нём силы и веру. В воображении Вани вставал образ не только большого учёного, но и настоящего человека.

В критический момент Аксель спрашивает дядюшку:

«– Как? Вы ещё верите в возможность спасения?»

– Да! Конечно, да! Я не допускаю, чтобы существо, наделённое волей, пока бьётся его сердце, пока оно способно двигаться, могло бы предаться отчаянию».

Очарование камня

Проезжая по Петрограду мимо Исаакиевского собора, Ваня долго смотрел вверх. В своём воображении он поднимался по ступенькам на самую верхотуру и смотрел оттуда вниз. Люди оттуда должны казаться совсем крошечными, трамваи и экипажи – игрушечными, а река, напротив, – огромной. Когда Аксель поднялся на колокольню храма Спасителя в Копенгагене, то услышал:

«– Теперь взгляни вниз, – сказал дядя, – и взглядись хорошенько. Ты должен приучиться смотреть в бездонные глубины!»

А ведь действительно: чтобы посмотреть вниз, надо подняться вверх!

И радостная волна поднималась в груди: Ваня уже второй раз ехал на выставку камней, которые очаровали его своей красотой, впитавшей все оттенки Земли, её светоносность и силу.

О выставке художника-камнереза Алексея Кузьмича Денисова-Уральского, открывшейся 5 марта 1916 года, писали все газеты. Свозить Ваню, на время приехавшего с матерью из Бердянска в Петербург, на выставку камней посоветовал князь Витгенштейн. Конечно, сам Антип Харитонович не поехал – не то время сейчас, чтобы по выставкам кататься. А вот Варваре Александровне не помешает проветриться, людей посмотреть и себя показать. Заодно и мальчик стоящие камни увидит – вон сколько голышей с речки в дом натаскал, интересуется, значит.

«Ещё внизу, в гардеробной, где сутились, угодливо кланаясь, слуги, веяло слабым ароматом французских духов и проплывали, шелестя тугими платьями, дамы, можно было заключить, что выставка пользуется успехом. Низкие залы казались пустоватыми и неуютными в тусклом свете пасмурного петроградского дня. В центре каждой комнаты стояли одна-две стеклянные витрины с небольшими скульптурными группами, вырезанными из лучших уральских самоцветов. Камни излучали собственный свет, независимый от капризов погоды и темноты человеческого жилья», – так спустя 46 лет описывал выставку Иван Ефремов в прологе к роману «Лезвие бритвы».

Коллекция Денисова-Уральского в том же году попала в только что открытый Пермский университет, где она хранилась в Минералогическом музее, практически неизвестная широкому кругу специалистов и общественности. Иван Антонович не знал о её судьбе. Какие же глубокие борозды должен был провести резец мастера, чтобы почти полвека спустя Ефремов сумел с документальной точностью описать экспонаты коллекции, среди которых были скульптурные группы-миниатюры: «Белый медведь из лунного камня, редкого по красоте, сидел на льдине из селенита, как бы защищая трёхцветное знамя из ляпис-лазури, красной яшмы и мрамора, а аметистовые волны плескались у края льдов. Две свиньи с человеческими лицами из розового орлеца на подставке из бархатно-зелёного оникса – император Австро-Венгрии Франц Иосиф и султан турецкий Абдул Гамид – везли телегу с вороном из чёрного шерла, в немецкой каске с острой пикой. У ворона были знаменитые усы Вильгельма Второго – торчком вверх. Дальше британский лев золотисто-жёлтого кошачьего глаза; стройная фигурка девушки – Франции, исполненная из удивительно подобранных оттенков амазонита и яшмы; государственный русский орёл из горного хрусталя, отделанный золотом, с крупными изумрудами вместо глаз...»

«Искусство художника-камнереза было поразительно. Не меньше восхищало редкостное качество камней, из которых были выполнены фигурки. Но вместе с тем становилось обидно, что такое искусство и материал потрачены на дешёвые карикатуры, годные для газетёнки-однодневки, “недопрочитанной, недораскрытой”.

Вдоль стен и окон были расставлены другие витрины – в них экспонировались горки, где «сверкала нетронутая природная красота: сростки хрусталя, друзы аметиста, щётки и солнца турмалина, натёки малахита и пёстрые отломы еврейского камня...»

«Беленький мальчишка лет восьми, с круглой белой головой и огромными голубыми глазами, зачарованно уставившийся на витрину с горками» – таким себя увидел Ефремов спустя годы.

В сцене, описанной в прологе, появляется и дама – её образ создан под влиянием воспоминаний о матери: «Рядом с инженером послышалось шуршание шёлка, повеяло духами “Грёзы”. Инженер увидел высокую молодую даму с пышной причёской пепельно-золотистых волос и такими же ясными озёрами голубых глаз, как у мальчика.

– Ваня, Ваня, пойдём же, пора! Ужасно поздно! – Она поднесла к носу мальчишки браслет с крохотными часами.

– Простите, господа, я должна увести сына. Он у меня чудак – не оторвёшь от камней. Второй раз здесь из-за него...

– Не считайте сына чудачком, мадам, – улыбнулся Ивернев. – За необычными интересами часто кроются необычные способности. Мы по нему проверяли правильность наших собственных впечатлений.

– И не ошиблись! – склонил лысеющую голову Анерт, явно восхищённый красивой дамой».

Ещё одно сильнейшее детское впечатление – посещение цирка. На всю жизнь в памяти отпечаталась такая картина: блестящий силач посадил на ладонь женщину – и несёт! «Вот бы мне так суметь!» – думал мальчик.

«Век драконов» и книги Пржевальского

Когда человек ищет, нужные книги сами идут к нему в руки.

В лавке, где продавались дешёвые издания, Ваня разглядел тоненькую десятикопеечную книжицу с завораживающим названием «Век драконов»⁹. Подзаголовок гласил: «Мое знакомство с допотопными животными».

На обложке был нарисован неведомый зверь с массивным телом на четырёх лапах – задние толще передних, с вытянутой, слегка заостренной головой на длинной толстой шее и широким, тоже заостряющимся хвостом.

Ваня выпросил у мамы десять копеек и стал счастливым обладателем своего сокровища. И вправду, книжка эта принесла мальчику много чудесных переживаний. Одно только её начало чего стоило!

«Для меня не было большего удовольствия, как играть в рыцаря Альберта. Мы снимали дачу недалеко от старой заброшенной каменоломни. В каменоломне водилось множество ящериц. Я бегал за ними и кричал:

– О, гнусные чудовища!

Если бы только вы могли меня видеть! На мне был шлем и панцирь, и в руке я держал обнажённую саблю... Правда, мне этот шлем, и саблю, и панцирь купили в игрушечном магазине, и они были сделаны из жести, но я всё-таки кричал:

– О, гнусные чудовища!

Я воображал, что ящерицы – страшные сказочные драконы, а я – рыцарь Альберт...»

Ваня представляет, что это он, набегавшись, решил ползать в старинных шахтах и встретил там странного невысокого старичка в широком плаще, большой чёрной шляпе, с белыми бровями. Старичок оказался вовсе не колдуном, а палеонтологом. Он объяснил герою книжки, что живёт в каменоломне, чтобы собирать кости давно исчезнувших чудовищ: «Тут, где мы с тобой находимся, десятки тысяч лет назад росли леса и были озёра, болота, горы и скалы... Потом горы смыло реками, ручьями, дождями и всю страну занесло илом, песком и всякой дрянью...»

В пещере, куда учёный пригласил мальчика в гости, была дыра в стене, подобная аквариуму, где вместо обычного стекла стояло увеличительное. Через это волшебное окошко можно было увидеть необыкновенный мир с гигантскими папоротниками, огромными клопами и ящерицей, которая выглядела такой большой, что «если бы ей пришла охота, могла бы проглотить быка».

Мальчик испугался («а я бы не испугался», – думал Ваня), и палеонтолог, долго успокаивал его, рассказывая о далёком прошлом. Герою книжки очень хотелось узнать, были ли в древности моря. Мальчик спросил об этом учёного:

«– Были и моря, – ответил он.

– И в них тоже жили ящерицы?

– Да... Эналиозавры, ихтиозавры, плезиозавры и разные другие.

– Как? – переспросил я его.

– Э, всё равно не выговоришь. Так их называют в палеонтологии. Да это не важно, как они ни назывались бы».

В конце беседы старик показал мальчику скелет игуанодона: «Это был не скелет – это была какая-то постройка из костей!.. Я потом не мог забыть о нём долгое время. Даже во сне он мне снился обыкновенно в виде лягушонка величиной с мельницу».

⁹ Любич-Кошуровъ И. Векъ драконовъ. М: библиотечка А.А. Ступина, 1914.

Герой книги был ошеломлён. Ваня тоже. Вместе с героем он влюбился в палеонтологию. Мальчик из книжки стал большим приятелем учёного. Когда он уезжал с дачи, старик подарил ему на прощанье свой удивительный аквариум.

«Вот бы мне такой!» – думал Ваня.

Волшебного аквариума у Вани не было, и он стал внимательнее приглядываться к тому, что его окружало: к ящерицам – родственникам всяческих «завров», лягушкам, скелеты которых, оказывается, похожи на скелеты игуанодонов, и к скрытым в тени сосен обычным папоротникам, которые миллионы лет назад были огромными деревьями.

Пока мальчик постигал мир, живой и книжный, началась Первая мировая война. По железной дороге недалеко от дома Ефремовых теперь чаще проходили поезда – на юго-запад с солдатами и оружием, в Петроград – с ранеными. Взрослые вокруг говорили только о войне. А мальчик мечтал об ином. Неистовая фантазия превращала его в охотника, который пробирается по мрачному, заболоченному лесу, полному жарких испарений. Редкие стволы величественных деревьев перемежаются с зарослями причудливых папоротников, членистые столбики хвощей выглядят как живые существа. Спрятавшись за толстым поваленным стволом, охотник наблюдает за смертным боем свирепого горгозавра с неуклюжим, закованным в костяную броню стегозавром.

Каждая новая книга дарила Ване радость открытия новых земель и стран.

Как драгоценность, брал он в руки двухтомник знаменитого шведского географа Свена Андерса Гедина «В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан». Мальчик был потрясён: ведь Свен Гедин путешествовал не сто и не двести, а всего двадцать лет назад, в 1883–1897 годах. А ведь он был первопроходцем! Может быть, на земле остались ещё уголки, где не ступала нога учёного, может, и ему, Ване, когда-нибудь удастся совершить нечто подобное, нанести на карту новые хребты и реки?

Как заклинания, звучали азиатские названия: Памир, Мустанг-ату, Кашгар, Каракуль, Мараш-баши, Ак-су. Мальчику грезились развалины старинных городов в знойной пустыне Такла-Макан, стройные тополя Хотана, древнее озеро Лоб-Нор, гордые вершины Кунь-Луня, высочайшее нагорье на свете – сказочный Тибет. Куланы, дикие яки, верблюды и множество других животных, описанных путешественником, пробудили в мальчике жадный интерес. Как радовался Ваня, когда мама водила его в Зоологический музей! Стоит чуть прищурить глаза, как животные, замершие по велению таксидермиста, оживают, и вот уже кулан скачет по коричневой от жара степи, а по пустыне, мерно переставляя ноги, движется караван верблюдов.

А вот дикая лошадь, открытая великим путешественником Николаем Михайловичем Пржевальским. Ваня готов был часами простаивать перед ней, в голове словно бы звучал ясный и твёрдый голос: «Новооткрытая лошадь, называемая киргизами “кэртаг”, а монголами также “тахи”, обитает лишь в самых диких частях Чжунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5–15 экземпляров) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности звери эти, как говорят, игривы»¹⁰.

В благодарной детской памяти словно отчеканивались целые главы любимых книг. Это в музее лошадь стояла без движения – Ваня видел её такой, как описал Пржевальский: вот бежит она рысью, «оттопырив хвост и выгнув шею», и скрывается в мареве пустыни.

Как гордился Ваня тем, что Николай Михайлович был первым, что Свен Гедин и другие исследователи Центральной Азии шли по стопам его соотечественника!

¹⁰ Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии. 1879–1880 гг.

Пржевальский исследовал неизвестные районы как географ, этнограф, историк, ботаник, он наблюдал жизнь птиц, открывал и описывал новых, ещё неизвестных науке животных: кроме дикой лошади, он открыл дикого верблюда и тибетского медведя.

«Путешествия потеряли бы половину своей прелести, если бы о них нельзя было бы рассказывать», – говорил Пржевальский с полным правом, потому что рассказывать он умел великолепно. Но его книг «Путешествие в Уссурийском крае», «Монголия и страна тангутов», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор», «От Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки», «От Кяхты на истоки Жёлтой реки» не было бы, если бы географ не вёл ежедневных дневниковых записей. Это помогло ему не потерять ни одной детали пути. Путешественником надо родиться, говорил Пржевальский. А если ты родился купеческим сыном?

Иногда по ночам Ваня выходил на окружённый высоким забором двор усадьбы. Пахло разогретой за день сосновой смолой и чабрецом. Сосны молчали в безветрии, а неяркие звёзды цеплялись за иголки, словно боясь упасть. И тогда мальчик вспоминал другое небо, которое он рисовал в своём воображении: «Закатится солнце, ляжет тёмный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звёзд, и караван, пройдя ещё немного, останавливается на ночёвку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжёлых вьюков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприхотливый ужин. Прошёл ещё час, заснули люди и животные, и кругом опять воцарилась мёртвая тишина пустыни, как будто в ней вовсе нет живого существа...» И вот уже не медведь ворчит на цепи, а шумно вздыхают верблюды, и не сосны стоят вокруг дома – простираются кругом неоглядные равнины Гоби, «отливающие (зимою) желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборозждённые гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногого дзерена»¹¹.

Доведётся ли ему когда-нибудь увидеть эту картину самому?

¹¹ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии в 1870–1873 гг.

Фотография

Ваня рос на свободе – ничто не сковывало его любознательность, инициативу и фантазию. Пищу уму давали не только книги – мальчик пытливо вглядывался в мир, кипевший вокруг. Пробираясь на высокие обрывы Оредежа, он подолгу разглядывал красный песок, который начинался ниже серого слоя обычной земли. Рыхлый песок переслаивали плотные пласты, встречались слои глины красного и бурого цвета. Много позже Ваня узнает слово «девон», а пока он чувствует, что рядом скрыта тайна – и делится ею с Колей Яньшиновым, жившим по соседству с усадьбой Ефремовых. Вместе они лазают по обнажениям, собирают кусочки песчаника, пересыпают в руках красный песок. Раздвигают листья рдеста, лежащие на воде, ныряют с открытыми глазами в прохладные глубины, где бьют ледяные струи родников, плавают и возвращаются домой с ощущением открытия.

В 1916 году им предстоит расстаться – они встретятся снова уже после войны, и почти четверть века художник-график Николай Алексеевич Яньшинов будет иллюстрировать почти все статьи и монографии самого Ефремова, а также Ю. А. Орлова, К. К. Флёрова и других специалистов по ископаемым позвоночным.

На память о жизни в Вырице сохранится фотография. На деревянном кресле с резными ручками сидит молодая красивая женщина в тёмном платье, на груди и по подолу отделанном широкими чёрными кружевами, с искусственным цветком на поясе. Волосы её, пышно зачёсанные вверх по моде того времени, собраны в пучок, в ушах блестят серьги, на шее – жемчужное ожерелье. Левой рукой с кольцом на указательном пальце она обнимает мальчика полутора-двух лет, сидящего у неё на руках и одетого в светлое платье с широким бантом у воротника – так обычно одевали мальчиков в те годы в состоятельных семьях. Пухлые щёчки, светлые волосики, растопыренные пальчики маленькой ручки.

Справа стоит девочка в светлом полосатом платье с двумя рядами пуговиц, с кружевным воротником, длинными рукавами и поясом, который спущен чуть ниже талии. Серьёзный взгляд красивых маминых глаз, строгое лицо – Надя понимает важность момента, хотя она старше младшего брата Васи только на два года.

Встав на невидимую зрителю табуретку, обнимает маму за плечи белоголовый мальчик в матросском костюмчике с широким отложным воротником – широко раскрытые глаза Вани смотрят прямо, глаза, полные живости и любознательности.

Лицо матери излучает гордость: это мои дети, посмотрите, как они хороши! Запомните и меня такой – молодой и красивой!

Вольный ветер Бердянска

Горячий сухой ветер пахнул в лицо пряным запахом степных трав.

– Только не ходи в порт!

Ваня услышал, как мама ещё раз повторила эту фразу, и что есть духу помчался по улице туда, где едва покачивались стройные мачты с подобранными парусами.

Они приехали в Бердянск летом 1914 года – и надолго. Брату Васе нужно было лечение, и доктор посоветовал грязи Бердянска. Да и климат здесь здоровый.

Отец снял небольшой дом в нижней части города, помог Варваре Александровне устроиться, нанять прислугу – и уехал. Он не мог надолго оставить свой завод в Вырице, но пообещал вернуться к концу лета, чтобы определить детей учиться.

После отъезда Антипа Харитоновича мать и дети вздохнули свободней. Не нужно было подчиняться строгому распорядку, можно наконец оглядеться и вдохнуть ветер новой земли.

Варвара Александровна начала ходить с Васей на лечение, Надя подружилась с соседскими девочками, а Ваня оказался предоставлен самому себе.

Первым делом он познакомился с портовыми мальчишками – сыновьями рыбаков и матросов, которые приняли Ваню в свою компанию. Они сразу же побежали купаться на маленький каменистый пляж, где вода была тёплой, как парное молоко, и непривычно солёной для Вани.

Затем мальчишки, как хозяева, обежали весь порт, где отдыхали у далеко выдвинутого в море причала корабли, огромными горами лежали мешки и бочки, стояли лошади с телегами, гружёными тюками и ящиками. От складов к кораблям сновали грузчики. Кричали чайки, хохотали рыбаки, тащившие в корзинах колючую рыбу. Сухой чертополох хрустел на набережной, и уже желтела от жары листва акаций. Со станции изредка доносились резкие паровозные гудки.

Берег изгибался дугой, и справа налево, от Нагорной стороны, прочерчивал бирюзовое море каменный волнолом. Днём, когда море пускало солнечные зайчики, разглядывать волнолом было неудобно, но вечером, на закате, отчётливо была видна стрела, отделяющая бухту от моря, и портовые огни на её концах.

К западу от города в море уходила долгая песчаная коса, на южном конце которой зажигался призывный огонь на белой, с оранжевой полосой, восьмигранной башне Нижнебердянского маяка.

Приволье Азовского побережья поразило Ваню. Всю жизнь Иван Антонович будет помнить главное ощущение Азова – свежий, солоноватый привкус моря.

На следующий день мальчишки показали новому другу весь город: завод Гривеза, который выпускал жнейки, канатно-шпагатную фабрику, свечной и множество других заводиков, и – гордость города – электростанцию. Ване было гораздо интереснее на пыльных улицах Матросской слободки, в Лисках или Собачьей балке, где домишки белые, низенькие, с маленькими окошками, где во дворах стирали бельё простоволосые женщины, скребли сухую землю голосистые петухи и поджарые курицы, чем на Азовском проспекте, вдоль которого стояли дома купцов с магазинами и высокими заборами.

С Нагорной стороны город было видно как на ладони. Он ребрился черепичными крышами, белым песком сверкала коса с кружевами заливов, море дрожало расплавленным золотом. На юго-западе лежала сказочная Таврида, там из степи вздымались горы, там, на изрезанном бухтами берегу раскинулся легендарный Севастополь, ещё дальше, за морем, над Золотым Рогом теснился Стамбул, а в Средиземном море вставали из волн скалистые берега Греции. Оттуда, из-за моря, приходили в Бердянск корабли за русской пшеницей.

Сразу за городом начиналась степь, поутру розовая, а днём тонущая в дрожащем мареве. В степи на бахчах спели зелёные арбузы и желтобокие тыквы, а там, где впадала в Азовское море река Берда, в прогретых до дна лиманах ходила стайками серебристая рыба. А какой вкусной была кукуруза, испечённая на костре, посыпанная крупной солью!

Мальчики каждый день околачивались в бухточке, откуда выходили на промысел рыбаки. Рыбаки делились на бережных – тех, что ловили возле берега, и рисковых – надеявшихся на удачу и пытавших счастья на просторе. Бережные и рисковые трунили друг над другом, но и те, и другие были добры к ребятам. Хорошо было вытаскивать на берег лодку и хватать руками живую, бьющуюся рыбу!

Но Ваню неизменно тянуло в порт. Необычайно привлекала его чугунная пушка в городском сквере, стоящая здесь, казалось Ване, с незапамятных времён – с Крымской войны. Тогда англо-французская эскадра почти полностью разрушила город, порт сгорел. Высушенные солнцем бердянские старики ещё помнили этот обстрел и, воскрешая в памяти события молодости, сокрушённо качали головами: беззащитному городу нечем было ответить врагу. Всего несколько пушек... Кто-то из стариков обмолвился, что пушка-то не заклёпана...

Знавшим порт как свои пять пальцев мальчишкам ничего не стоило раздобыть «макароны» – так называли спрессованный трубками порох из разряженных артиллерийский снарядов. Вечером, во время гулянья, прогремел оглушительный выстрел – такой силы, что пушка слетела с постамента. Завизжали дамы, забегали полицейские, примчались пожарные. Виновники переполоха с перепугу разбежались по домам.

Через два дня Ваня с гордостью прочитал друзьям газету, где было написано: полиция напала на след злоумышленников, поиски продолжаются.

Пушку водрузили на место, но предварительно заклепали – чтобы впредь неповадно было честной народ пугать¹²...

Однажды Иван нашёл британский патрон и решил изготовить трубку для самодельного окуляра волшебного фонаря – эпидиаскопа. Устроившись на широком подоконнике, аккуратно извлёк из патрона взрыватель, начал резать трубку. Но в патроне оказалось два взрывателя, второй слой пороха в гильзе взорвался, повредив мальчишке руку.

Поднялся переполох, поскольку все решили, что на город внезапно напал враг.

– Я убит! Я убит! – повторял испуганный Ваня. Мама едва успокоила сына.

В августе приехал отец, и мама как-то сразу погрустнела, перестала петь по вечерам. Детям справили гимназическую форму. Ване купили высокие блестящие ботинки, штаны с гетрами и куртку – прекрасную суконную куртку с четырьмя объёмистыми карманами, каждый из которых застёгивался на пуговицу. Ваня особенно гордился этими карманами – в них умещалось множество мальчишеских сокровищ.

Вскоре Надя начала ходить в женскую гимназию, а Ваня – в мужскую.

Отец снова уехал, мама с детьми осталась в Бердянске.

Начались осенние шторма. Порт пустел. Но мечты о дальних странствиях не ушли вместе с кораблями – они вспыхнули ещё ярче.

Ваня стал постоянным читателем Бердянской библиотеки. Перечитал всего Жюль Верна. Затем пришли Уэллс, Рони-старший, Конан Дойл и Джек Лондон. Книги помогли ему через год спокойно пережить известие о разводе матери с отцом.

Тревожные вести приходили со всех сторон. В Петрограде свергли самодержавие, образовалось Временное правительство, а осенью власть взяли большевики. Установилась власть Советов и в Бердянске. Но не успела окончиться одна война, как началась другая. В восемнадцатом году запылало всё Приазовье и Причерноморье. Фабрики, заводы и порт

¹² Много лет спустя во время поездки на юг Ефремов нашёл эту пушку и сфотографировался с ней.

почти прекратили работу. Кто только не побывал в Бердянске! Большевики, белогвардейцы, австрийцы, германцы... Выстрелы с немецкого корабля, зашедшего в порт несколько месяцев назад, казались сущим пустяком.

В конце 1918 года, после возвращения красных, Варвара Александровна решила перебраться с детьми на правобережье Днепра, в Херсон, к родственнице¹³. Так дешевле будет, да и дети под присмотром останутся, если что...

¹³ По некоторым сведениям, этой родственницей была внебрачная дочь А. Х. Ефремова, сводная сестра Ивана Антоновича.

Аллан Квотермейн в Херсоне

Мать надеялась найти спокойное пристанище, но вихрь Гражданской войны уже закружил семью в своём водовороте.

Иван Антонович вспоминал: «Из гимназии запомнились строки Т.Г. Шевченко:

Було колись на Вкраїні
Ревіли гармати,
Були колись запорожці
Вміли панувати,
Панували, добували
І славу, І волю.

Мы, подростки, чувствовали себя тоже потомками запорожцев. У нас были свои атамань, нередко устраивались драки. Причём на довольно честных началах – выделялось равное количество кулашников по принципу “Сколько нас – столько вас”.

Впрочем, что наши драки по сравнению с тем, что нам, подросткам, пришлось увидеть и пережить. В городе происходила бесконечная смена властей. Врывалась какая-нибудь банда, стреляя в окна для забавы. На несколько дней в городе появлялся образный по своей форме приказ с угрозой натянуть на барабан шкуру своего противника...

Пришедшие в Херсон греческие и французские оккупанты оставили после себя трупы расстрелянных и повешенных на фонарных столбах. На всю жизнь запомнился горелый запах от заживо сожжённых оккупантами заложников в амбарах. <...>

В доме, где я жил, поселился матрос-чекист. Была у него такая примечательная фамилия – Поднебесный. Ну, конечно, и я приобщался к военным занятиям. Вооружился я до зубов. Однажды изъяли у меня винтовку, несколько пистолетов, гранаты. Но всё-таки один пистолет и пару гранат оставили. Это тринадцатилетнему¹⁴ мальчишке...

Жил в Херсоне в то время ярый естестволюб, учитель Теверацкий. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим интересным, влюблённым в природу человеком. Он много сделал для Херсонского краеведческого музея, для оснащения его сравнительно богатых экспозиций. Он готов был пожертвовать жизнью для защиты своих спиртовых препаратов от поклонников зелёного змия. Время-то было неровно. Мы засиживались с ним до поздней ночи, топили печку губернскими архивами и коротали время в разговорах. Больше говорили о будущем, о книгах. <...>

Я по-прежнему был близок с рыбаками. На белиндах¹⁵ они выезжали в лиман и дальше в сторону Одессы, ловили скатов. Эта рыба шла на рыбий жир. Он очень нужен был для детей в то тяжёлое время»¹⁶.

Мама в это время как бы отделилась от детей, жила особой, не знакомой раньше жизнью. Она вдруг ощутила необычайную жажду жизни, словно сердце стучало сильнее. Стройную молодую женщину заметил один из краскомов – красных командиров, и Варвара Александровна вдруг почувствовала, что крепко любит этого храброго человека в кожанке. На острие истории молодые спешили жить. И свадьба не заставила себя ждать.

¹⁴ И. А. Ефремов, будучи подростком, прибавил себе год и стал указывать не 1908-й, а 1907 год рождения.

¹⁵ «Белинда» – искажённое название немецкого дизеля «Болиндер», так в Херсоне называли шаланды с дизельными моторами этой фирмы.

¹⁶ Супруненко П. П. Куда зовёт мечта. Беседа с писателем И. А. Ефремовым. Авторизованная машинопись, 1968. Из архива И. А. Ефремова.

А по России уже звучал клич: «Все на борьбу с Деникиным!»

Натиск деникинцев был стремительным. Поддержанные казачеством, они быстро дошли до Орла и подступили к Туле – а оттуда и до Москвы рукой подать.

Белые приближались и к Херсону. Впереди них летела весть об их зверствах и расправах. Многие из тех, кому Советская власть была костью в горле, потирали руки, ожидая возвращения своих владений и наказания ненавистных большевиков.

Сил Красной армии для защиты Херсона не хватало, пришлось отступать. Стало ясно, что Варваре Александровне в городе оставаться нельзя.

Поцеловать детей, перекрестить их на прощанье, умолить тётку присматривать за ними – и вслед за мужем...

В городе, казалось, уже привычном к сменам власти, было страшно. С левобережья Днепра, со стороны Голой Пристани, где закрепились белые, непрерывно били орудия англо-французской эскадры – на рейде стояли миноносцы. Деникинские войска под командованием генерала Шиллинга на бронекатерах форсировали Днепр. Жестокий бой шёл за железнодорожный вокзал. Трещали пулемёты, щёлкали винтовочные выстрелы. Но очередь за хлебом, который выдавали по карточкам, продолжала стоять. Стоял в очереди и Ваня. Вернее, сидел, забравшись на пожарную лестницу и по-детски полагая, что угол дома является надёжнейшим прикрытием от снарядов.

Ваня, казалось, забыл обо всём на свете – о голоде, о снарядах, падающих на городские кварталы, о том, что уехала мама... Главным человеком для мальчика стал Аллан Квотермейн – невысокий, худощавый, мудрый охотник на слонов. Переехав в Херсон, Ваня привычно разыскал городскую библиотеку и стал наведываться туда каждый день. Однажды ему попались книги Хаггарда, и он уже не мог с ними расстаться. «Люди тумана», «Сердце мира», «Копи царя Соломона»...

Сидя на пожарной лестнице, полностью поглощённый удивительными приключениями трёх англичан и одного туземца-кукуана, Ваня читал не отрываясь, пока шальной снаряд не попал в ожидающую хлеба очередь. Взрывной волной Ваню сбросило вниз, контузило и засыпало песком. С этого дня мальчик начал слегка заикаться.

Всю свою жизнь Иван Антонович будет называть Генри Райдера Хаггарда любимым писателем и своего единственного сына назовёт Алланом.

Книги, которые мы любим в детстве, оказывают на нас на первый взгляд незаметное, но неизбежно мощное воздействие. Как губки, мы впитываем качества и даже привычки любимых героев.

С необычайной отчётливостью вставали перед Ваней герои «Копей царя Соломона».

Вот сэр Генри – высокий, могучий красавец, англичанин, в жилах которого течёт датская кровь, «настоящий мужчина», по мнению его слуги Амбопы; человек чести, готовый к смертельному единоборству и к нежной братской любви. В поисках своего брата он решается на труднейшее путешествие в глубь Африки, говоря своим спутникам: «Но на свете нет такого пути, которого человек не смог бы пройти, если для этого он отдаст все свои силы. Если человека ведёт любовь, то нет ничего на свете, Амбопа, чего бы он не преодолел. Нет для него таких гор, которых бы он не перешёл, нет таких пустынь, которых бы он не пересёк, кроме гор и пустынь, которых никому не дано знать при жизни. Ради этой любви он не считается ни с чем, даже со своей собственной жизнью, которой готов пожертвовать, если на то будет воля providения».

В рассказах, повестях и романах Ефремова герои тоже способны на невероятное напряжение всех сил ради любви.

Вот капитан Гуд – храбрец и щёголь, гордый своей принадлежностью к морскому флоту и способный отчаянно ругаться. Этот его талант оказался востребованным в самой необычной обстановке – когда белые люди пообещали племени кукуанов, что они погасят

Луну (ожидалось затмение), необходимо было произнести страшные заклинания: «Я никогда не предполагал, как виртуозно может ругаться морской офицер и сколь необъятны его способности в этой области. В течение десяти минут он ругался без передышки, причём почти ни разу не повторился».

Спустя десятилетия Иван Антонович говорил друзьям, что может ругаться пять минут без перерыва.

Капитан Гуд был всегда опрятен, аккуратно и хорошо одет. Посмотрите кадры фильма о палеонтологической экспедиции в Монголии: когда вы увидите, как выглядит Иван Антонович на совещании в Монгольской Академии наук, у вас отпадут всякие сомнения в его сходстве с капитаном Гудом.

Именно характеристика капитана Гуда, данная ему Алланом Квотермейном, через несколько лет заставит Ивана всерьёз выбирать между морем и наукой: «Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда встречаются исключения. Я думаю, что широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание Господа Бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми».

Амбопа, слуга-зулус, предложивший белым людям сопровождать их в далёкое опасное путешествие без платы, оказывается сыном короля кукуанов, на земле которых находятся копи царя Соломона. Отца Амбопы предательски убили, когда он был маленьким, мать бежала и вырастила сына как настоящего короля. Он обращается к белым без самоуничижения, как было принято в Южной Африке в те времена, а как к равным себе и ведёт себя с редким чувством собственного достоинства. Когда он нанимался слугой к англичанам, сэр Генри попросил его встать: «Сбросив с себя длинный военный плащ, зулус выпрямился во весь свой исполинский рост и предстал перед нами совершенно обнажённым, если не считать мучи¹⁷ и ожерелья из львиных когтей. Он был великолепен. Я никогда в жизни не видел такого красивого туземца. Роста он был шести футов и трёх дюймов, широкоплечий и удивительно пропорционально сложенный. При вечернем освещении кожа его была чуть темнее обычной смуглой, только многочисленные следы от нанесенных асегаями¹⁸ ран выделялись на его теле тёмными пятнами. Сэр Генри подошел к нему и пристально посмотрел на его гордое, красивое лицо.

– Какая прекрасная пара! – сказал Гуд, наклоняясь ко мне. – Посмотрите, они совсем одинакового роста».

Один из героев повести Ефремова «На краю Ойкумены» – негр Кидого «происходил из очень далёких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса»: «Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлёк внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатление необычайной мощи от крупных, будто кованых из железа мускулов как-то сочеталось с лёгкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза под выпуклым высоким лбом были полны внимания и поражали своей живостью».

Путешественники полюбили Амбопу: «Ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причём он сам никогда не терял чувства собственного достоинства».

Именно эту способность поддерживать в людях бодрость отмечали в Иване Антоновиче все участники экспедиций, которыми он руководил.

Амбопа считает, что не только отвага и сила, но и способность сказать «великие, возвышенные слова» присуща настоящему мужчине. Сам он так обращается к сэру Генри: «Слу-

¹⁷ Мучи – набедренная повязка.

¹⁸ Асегай – зулусское метательное копье с широким наконечником.

шай! Что такое жизнь? Это лёгкое перышко, это семя травинки, которое ветер носит во все стороны. Иногда оно размножается и тут же умирает, иногда улетает в небеса. Но если семя здоровое, оно случайно может немного задержаться на пути, который ему предначертан. Хорошо, борясь с ветром, пройти такой путь и задержаться на нём».

И, наконец, главный герой «Копей царя Соломона», от имени которого ведётся повествование – охотник на слонов Аллан Квотермейн, англичанин, большую часть жизни проживший в Южной Африке, знаток людей и охотничьих троп, мудрец, которому зулусы дали имя Макумазан – тот, кто встаёт до рассвета, тот, кто всегда начеку. Он может дотошно подсчитывать съестные припасы и патроны, а может и показать свою доблесть в бою. Он осторожен и предусмотрителен, прозорлив и великодушен.

Над телами погибших за своего короля воинов он горестно и торжественно размышляет: «Однако, пока существует мир, человек не умирает. Правда, имя его забывается, но ветер, которым он дышал, продолжает шевелить верхушки сосен в горах, эхо слов, которые он произносил, ещё звучит в пространстве, мысли, рожденные его мозгом, делаются сегодня нашим достоянием. Его страсти вызвали нас к жизни, его радости и печали близки и нам, а конец, от которого он пытался в ужасе бежать, ждёт также каждого из нас. Вселенная действительно полна призраков – не кладбищенских привидений в погребальных саванах, а неугасимых, бессмертных частиц жизни, которые, однажды возникнув, никогда не умирают, хотя они незаметно сливаются одна с другой и изменяются, изменяются вечно».

Что это, как не идея ноосферы?

Глубокий след в памяти Ефремова оставила главная идея романа, на которую, как на стержень, накручивается приключение: в глубокой древности в Южной Африке побывали народы Средиземноморья – египтяне или финикийцы.

Это художественное допущение отзовется в творчестве Ефремова повестью «Путешествие Баурджеда» (дилогия «На краю Ойкумены»).

Герои «Копей царя Соломона» ищут алмазы – мысль об алмазах будет необычайно увлекать Ефремова. В романе «Лезвие бритвы» друзья-итальянцы тоже будут искать эти сверкающие камни на берегу Южной Африки, а в рассказе «Алмазная труба» писатель предскажет открытие алмазов в Якутии.

В романе Хаггарда древние народы оставили алмазные копи, широкую дорогу, вдоль которой в скалах вырезаны барельефы типа египетских, три величественные статуи на пьедесталах из тёмной скалы – колоссальные фигуры двух мужчин и одной женщины.

«Одна из них, изображавшая обнажённую женщину, отличалась исключительной, хотя и строгой красотой. К сожалению, черты её лица сильно пострадали от времени, так как в течение многих веков они подвергались влиянию погоды. По обе стороны её головы подымались рога полумесяца. Две мужские фигуры были, в противоположность ей, изображены задрапированными в мантии. Лица их были ужасны, в особенности у сидевшего справа. У него было лицо дьявола. Лицо сидевшего слева было безмятежно-спокойно, но спокойствие это вселяло ужас. Оно выражало бесчеловечную жестокость, ту жестокость, которой, по словам сэра Генри, в древности фантазия человека наделяла могущественные существа, может быть способные совершать и добрые дела, но тем не менее созерцающие страдания человечества если не с наслаждением, то и без всяких терзаний. Три фигуры, одиноко сидящие в вышине и веками созерцающие расстилающуюся внизу долину, действительно вселяли благоговейный ужас. Мы смотрели на Молчаливых, как их называли кукуаны, и нами овладело огромное желание узнать, чьи руки высекли из камня этих колоссов, проложили дорогу и вырыли огромную копь. Когда я в изумлении смотрел на них, мне внезапно припомнилось (так как я хорошо знал Ветхий завет), что Соломон отрёкся от своей веры и стал поклоняться иноземным богам. Имена трёх из этих богов я также вспомнил: Ашторет – богиня Сидонян, Чемош – бог Моабитов и Мильком – бог детей Аммона. Я высказал своим спутникам пред-

положение, что три фигуры, сидящие перед нами в вышине, возможно, изображают именно эти три ложных божества.

– Может быть, в этом и есть доля истины, – задумчиво сказал сэр Генри. Он был очень образованный человек и, когда ещё учился в колледже, достиг больших успехов в изучении классиков. – Ведь древнееврейская Ашторет, – продолжал он, – называлась Астартой у финикийцев, которые вели крупнейшую торговлю во времена Соломона. Астарту же, которую греки впоследствии называли Афродитой, изображали с рогами, напоминающими полумесяц, а на голове женской фигуры отчетливо видны рога полумесяца. Возможно, что эти колоссы были созданы по воле какого-нибудь финикийского должностного лица, управлявшего копиями. Кто знает!»

Читатель, которому знаком роман «Таис Афинская», сразу увидит родство этих абзацев со страницами последнего произведения Ефремова.

На всю жизнь в душе Ивана Антоновича осталась мечта об Африке – загадочном и прекрасном континенте. Африка появится в его рассказах «Голец Подлунный» и «Афанеор – дочь Ахархеллена», в дилогии «На краю Ойкумены», в романах «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская». Он будет собирать книги об Африке и переписываться с людьми, любящими этот континент. Прекрасная женщина, которая будет дружить со львами, попытается помочь больному сердцу писателя, продлить ему жизнь...

Вихри гражданской войны

Шёл 1919 год. 13 августа деникинцы заняли Херсон. Тюрьмы переполнились, начались обыски, аресты и казни. В первый же день расстреляли 18 человек. Среди них был молодой типографский рабочий Леонид Хаенко – он печатал большевистские прокламации. Затем схватили и повесили Георгия Полякова – член подпольного ревкома разместил в своём доме подпольную типографию и готовил восстание против деникинцев. Шашками изрубили белые юного подпольщика-студента Фёдора Солоняря.

Город был подавлен, глухо роптал. На Херсонщине действовали партизаны.

Осенью стали доходить слухи о боях на Дону, о наступлении Красной Армии. С холодами в Херсоне появились беженцы, а вместе с ними – страх, вши и тиф.

Родственница, на попечение которой оставались дети Варвары Александровны, заразилась тифом и вскоре умерла в больнице. Двенадцатилетняя Надя и братики-погодки Ваня и Вася остались одни в чужом городе, занятом деникинцами, не зная, где мама и жива ли она, не имея возможности связаться с отцом.

Голодной и холодной была зима 1920 года. Детям ничего не оставалось, как начать продавать вещи. Они долго совещались, что можно снести на рынок, что нельзя, а потом надо было суметь продать вещь так, чтобы за неё дали хотя бы половину настоящей цены, а затем купить продукты так, чтобы не обманули хитрые торговцы. А чтобы еду приготовить, дрова нужны... Верно, и вовсе бы пропали ребята, если бы в феврале в город не вернулись красные.

На этот раз Советская власть установилась всерьёз и надолго.

Ребята не знали, что вскоре в Херсон приехал народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. Он хорошо понимал, что сейчас одна из самых важных задач всего юга – ликвидация детской беспризорности. Нужно было искать педагогов, открывать школы, определять беспризорников в колонии, которые приходилось создавать на пустом месте, а тех, кто живёт у себя дома, но лишился родителей, спасти от голода, который часто толкал детей на воровство.

В дом к Ефремовым неожиданно пришли «дяди из наробраза» – записали детей в тетрадку, откуда родом и кто родители, и стали снабжать талонами в столовку. Кулеш, сушёная рыба, кипяток с леденцом – неплохая еда! Жить можно.

Пришла весна, затем лето. Жизнь в городе понемногу налаживалась. Но тут пришла новая беда: разбитых деникинцев сменил барон Врангель. Против него выступила Первая Конная Армия.

Городские мальчишки распевали:

Будённый – наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ: «Голов не вешать
И глядеть вперед!»

21 сентября был создан Южный фронт под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, в Херсоне разместилась 6-я армия красных. В соседнем доме появились бойцы – но не простые. Главным их оружием были не винтовка, не шашка и даже не пулемёт. Их инструменты – гаечные ключи, главное оружие – баранка и педали. Во дворе стояли фырчащие авто.

Отложив приключения в дебрях Африки, Ваня стал пропадать на автобазе. Машины здесь были самые разные, многие с цепной передачей. Они часто ломались, и требовалось

быстро понять причину и суметь изготовить нужную деталь – запчастей практически не было. Ваня всегда был готов подать нужный инструмент, поддержать что-нибудь или привинтить. Однажды на автобазу зашёл сам командарм, Константин Алексеевич Авксентьевский. Увидев мальчика, строго взглянул на него. Представим себе, как это могло быть.

– А ты что здесь крутишься? – строго спросил командарм.

– Помогаю, – смело ответил Ваня.

Командарм с улыбкой кивнул на разобранный мотор:

– Неужто смыслишь в технике?

– А то! – гордо ответил Ваня.

– Мальчишка смышлёный, – вступился за Ваню механик, старый питерский рабочий, который мог сделать из железа всё, что угодно. – Всё дни у нас старается. Одни они втроём живут. Почитай, что при живых родителях сиротами остались. Может, его к нам на довольствие поставить?

Командарм зорко оглядел мальчика.

– Как тебя зовут?

– Ваня.

– Разве так положено отвечать командарму? Так как тебя зовут?

– Иван Ефремов, – вытянувшись, звонко произнёс мальчишка.

Командарм обернулся к начальнику автобазы:

– Приказываю зачислить Ивана Ефремова во вторую роту, выдать обмундирование и поставить на довольствие.

Главными покровителями подростка стали механик автороты Сергей Баячко и Гавриил Прожога, водитель «Даймлера», в кабине которого и обосновался Ваня.

14 октября 6-я армия остановила наступление Врангеля на правом берегу Днепра, а 28 октября в наступление перешёл весь Южный фронт. Вместе со второй ротой автобазы 6-й армии из Херсона выступил и красноармеец Иван Ефремов. Бойцы пели:

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее...

С этой песней красноармейцы подошли к Перекопу.

Белая армия, разбитая в степях, готовилась к обороне по Турецкому валу высотой в 10 метров, с тремя линиями проволочных заграждений. Мощные укрепления были возведены у Чонгарских переправ. Белые защищали последний оплот барона Врангеля – Крым. Главный удар командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе решил нанести именно на Перекопском направлении. В ударный кулак входила и 6-й армия.

Жесток и страшен был штурм перекопских укреплений. Невозможным казалось форсировать Сиваш.

Иван видел, с каким героическим напряжением работали водители, подвозя снаряды и эвакуируя раненых, как слаженно работали механики, приводя в порядок пострадавшие машины. Он знал, что укрепления, которые невозможно было прорвать, взяты, что враг бежит от Красной Армии по крымским степям.

17 ноября Крым был полностью освобождён.

До весны бойцы 6-й армии вели относительно спокойную жизнь: охраняли Черноморское побережье и гонялись за бандами по Херсонской и Одесской губерниям. Красноармейцы были веселы: война окончена, скоро по домам – налаживать мирную жизнь. Ивана

в автороте полюбили, научили его разбираться в автомобиле и водить машину. Подросток порой не доставал до педалей, но понимал – он сейчас отвечает за себя сам, и ни разу не потерял управления.

13 мая 1921 года произошло долгожданное событие – 6-я армия была расформирована, бойцы уволены в запас.

Не мальчик, а высокий тринадцатилетний подросток в военной форме, с тощим заплечным мешком за плечами, добрался до Херсона. От соседей он узнал, что сестру и брата забрал в Петроград отец.

Железные дороги были разбиты Гражданской войной, поезда часто останавливались – не хватало топлива. Много дней Иван провёл в «телячьем» вагоне. Было голодно и весело, пассажиры – в основном демобилизованные солдаты и матросы – шутили, пели песни. На станциях бегали за кипятком, дружно делили скудные запасы. Жизнь виделась просторной светлой дорогой, на которой просто не может быть непреодолимых препятствий.

Глава вторая. Отрочество (1921–1924)

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, как много я успел сделать и как много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что слишком рано я был предоставлен самому себе. В том возрасте, когда мальчики ещё учатся в школе, я уже вынужден был работать...

Г. Р. Хаггард. Копи царя Соломона

Возвращение в Петроград

С Троицкой – налево, в Щербиков переулок, затем ещё раз налево – на набережную Фонтанки. Вот оно, знакомое здание училища, теперь – 23-я единая трудовая школа¹⁹. Масивное трёхэтажное здание с высокими окнами отодвинуто в глубь двора, по бокам – двухэтажные флигели, присоединённые к главному зданию светлыми переходами. Давно, ещё до Бердянска, Ваня проходил здесь вместе с отцом, который тогда с гордостью сказал:

– Вот, Иван, подрастёшь – в лучшем заведении учиться будешь!

И действительно, Петровское коммерческое училище, основанное на деньги купеческого сословия в 1880 году, недаром получило золотую медаль на Всемирной выставке в Париже. Купцы и промышленники последней трети XIX века, часто малообразованные, энергией и неукротимостью выбившиеся в люди, не жалели денег на образование своих детей. Здесь всё было лучшим: лучшие учителя, великолепно оборудованные кабинеты географии, истории, естествознания и рисования, лаборатории химии и физики. В поместительных шкафах, где нижние дверцы были деревянными, а верхние стеклянными, хранились чучела птиц, препараты в колбах, образцы минералов, наглядные пособия. Особенным богатством отличалась физическая лаборатория.

До революции в училище готовили купцов-приказчиков, банковских и конторских служащих. Сейчас сюда ходили дети со всей округи. От квартиры Ефремовых на Троицкой улице до школы – минут семь, не больше.

Высокая тяжёлая дверь, широкая лестница с гладкими деревянными перилами на чугунном узорчатом ограждении. Учебный год ещё не начался, в школе пусто и тихо. Иван оглядывается – со стула в углу поднимается старый швейцар, помнивший ещё открытие Петровского училища, без удивления оглядывает высокого тринадцатилетнего подростка в гимнастёрке, украшенной обильными, неумело пришитыми заплатками:

– Чего изволите?

– Записаться хочу.

– Сюда, пожалуйста.

Дверь налево вела к директору. Он и несколько педагогов жили в квартирах при школе.

– В Бердянке и Херсоне учились, стало быть... Три класса гимназии окончили. А потом воевали. Запишем вас в школу 2-й ступени²⁰, в шестой класс. Вы, вероятно, многое забыли... Ну что ж, догонять придётся!

– Догоню! – весело отозвался Иван.

¹⁹ Номер был присвоен школе в 1919 году. Ныне это общеобразовательная школа 206 (этот номер был присвоен в 1940 году).

²⁰ Школой 2-й ступени в 1918–1934 годах в Советской России и затем в СССР называлась средняя общеобразовательная школа в составе шестых-девярых (с 1923 года – пятых-девярых) классов.

Возбуждённый, выбежал он на Фонтанку и быстрым шагом направился в сторону Невского проспекта. Постепенно мысли его упорядочивались: учиться-то он будет, это бесспорно, но ведь надо что-то есть. Не зря у него сначала мелькала мысль, что учёбу вообще придётся бросить. Отец постоянно помогать не сможет: он сейчас служит на своей бывшей лесопилке в Вырице простым работником при конторе. Стало быть, надо искать заработок.

Иван знал, что при университетах и институтах созданы рабфаки – рабочие факультеты, где студентам платят стипендию, но чтобы там учиться, надо было иметь рабочий стаж. Стажа у Ивана не было, да и возраст ещё не подходил. Придётся как-то исхитриться. Обратиться за помощью к отцу казалось просто невозможным, надо было обеспечивать себя самому.

Петроград был совсем не тем городом, который запомнил, прощаясь шесть лет назад, маленький Ваня. Тогда приезжих ошеломяли шум и суета. По мощёным булыжником улицам громыхали ломовые телеги, проносились извозчичьи пролётки, проезжали грузовики и легковые автомобили, звенели и грохотали трамваи. Казалось, что даже громады домов раскачиваются в такт напряжённому жизненному ритму.

В голодающем, малонаселённом Петрограде двадцать первого, пережившем войну и блокаду империалистов, было тихо. В домах – много свободных квартир: их обитатели покинули страну или уехали в деревни, туда, где легче было добыть пропитание.

Заводы стояли, тихо было и в порту. На бирже труда каждый день выстраивалась огромная очередь – люди надеялись получить хоть какую-то работу.

Но на Сенной было по-прежнему оживлённо: именно сюда сходил народ в поисках заработка, здесь и торговали чем придётся. В толпе сновали беспризорники. Здесь Иван узнал, что подзаработать можно на разгрузке вагонов.

Школа и работа

По Загородному проспекту, мимо Пяти углов, мимо знакомого с раннего детства Витебского вокзала – туда, где несколько узких улочек подряд носят названия малых городов самого сердца России. Там, за Рузской, Можайской, Верейской и Подольской – улица Серпуховская. Каждый раз, приезжая в Ленинград, известный учёный и писатель Ефремов приезжал в Серпуховскую и стоял, склонив голову, у одного из тесно поставленных домов с дворами-колодцами. Сюда, к Василию Александровичу, мудрому наставнику, прибегал он по вечерам, принося исписанные задачами тетрадки, здесь его всегда ждала поддержка старшего мудрого друга.

Когда в школе начались занятия, Иван узнал, что теперь уроки проводятся не так, как в старых гимназиях. Если строится новый мир, то и учиться дети должны по-новому. Не существовало стабильных программ. Педагогика находилась в поиске новых форм обучения, одни методы вводились, другие отменялись. Распространение получил бригадный принцип обучения: на уроке класс делился на несколько бригад по пять человек, они готовили заданную тему так, чтобы мог ответить любой из бригады. Учитель спрашивал одного, а оценка ставилась всем ученикам.

Часто устраивались диспуты: обсуждали законы диалектики, спорили о том, каким должен быть человек нового мира, каково будет устройство коммунистического общества.

Проверяли знания детей по тестам, которые приходили из отдела народного образования, причём время ответов было строго ограничено. Были и обычные уроки.

Иван чувствовал, что ни тесты, ни бригадная система не дают возможности углубиться в предмет. Он привык беречь каждую минуту, чтобы успеть и учебник почитать, и денег на жизнь заработать, и поспать. Горько было ощущать, как драгоценные часы и минуты уходят в ненужных спорах с одноклассниками, в попытках объяснить тему товарищам, которых ни математика, ни русский язык особенно не интересовали.

Все ребята в школе имели прозвища, это было в порядке вещей. Царь Иван Пёстрый – так ребята окрестили Ивана Ефремова за многочисленные заплатки на одежде. Вот на этого «царя» и обратил внимание старый учитель математики Василий Александрович Давыдов – и решительно вмешался в его судьбу. Он предложил подростку смелый эксперимент – учиться экстерном, окончить два класса за один год.

Чтобы справиться, требовалась полная самоотдача – ведь приходилось ещё зарабатывать на жизнь. Тогда, возможно, впервые Иван узнал, что такое длительное – в течение многих месяцев – напряжение всех сил. Это был тот опыт, который могучим толчком вывел его на более высокую орбиту, помог осознать, что граница его сил ему ещё неведома. Казалось, что он уже на пределе, что нет никакой возможности справляться одновременно с синтаксисом, алгеброй и немецким языком, с бесконечными дровами и необходимым самообслуживанием, но наступал миг высшего напряжения – и после него то, что казалось раньше невыносимым, превращалось в привычное. Василий Александрович всегда был рядом, ироничной, но доброй улыбкой снимал многие сомнения, делился собственным жизненным опытом.

Большую радость доставляло Ивану общение и с другими учителями – талантливыми, пытливыми, влюблёнными в своё дело.

Природоведение вёл Виктор Михайлович Усков, автор многих учебников, известный популяризатор науки. Могучий и весёлый грузин Давид Николаевич Чубинов (Чубиновшили) организовал при школе зоологический сад в миниатюре – живой уголок природы.

Виктор Феликсович Трояновский блестяще преподавал физику. Молодой учёный Александр Игнатьевич Андреев²¹, знаток петровской эпохи и истории Сибири, вёл курс истории.

В голодном и холодном Петрограде тринадцатилетний подросток все свои силы отдавал учению. Но мечты о далёких прекрасных странах не оставляли его. Порой он забирался в громадную пальмовую оранжерею Ботанического сада, сидя на чугунной скамейке, вдыхал влажный тёплый воздух, грезил о тропиках. Тогда же он начал писать – ни много ни мало – книгу про Атлантиду. Он не любил вспоминать о своих первых литературных опытах. Однако спустя десятилетия Атлантида вернётся к Ефремову...

Величественные пальмы оранжереи навевали ему мысли о громадных существах, бродивших по Земле в незапамятные времена. В Публичной библиотеке Иван нашёл диапозитивы с изображением этих чудовищ и решил показать в школе – устроить для всех урок палеонтологии.

В классе с Иваном училась Оля Садовская – милая девочка, которую он называл Олюшкой. Иван увлёк идеей палеонтологического урока её брата Мишу, двумя годами старше. Договорились, что Миша будет показывать диапозитивы, а Ваня – рассказывать. В его сознании сразу всплыли образы, волновавшие его в детстве: таинственные пещеры, учёный в крылатке, спуск в жерло вулкана... На необычный урок собралась почти вся школа, устроителям бурно аплодировали.

1970 год. «Узкое» – санаторий Академии наук. Уютная столовая. Иван Антонович с женой только сели за стол, как к ним, раскрыв руки в радостном приветствии, подошёл незнакомый мужчина:

– Здравствуй, Ваня! Сколько же лет мы с тобой не виделись!

– Миша? Неужто ты?

Так спустя 46 лет Ефремов встретил своего школьного товарища – Михаила Александровича Садовского, академика, директора Института физики Земли.

В очерке «Путь в науку» Иван Антонович рассказал, как ему приходилось работать в школьные годы:

«Я начал с разгрузки дров из вагонов на товарных станциях Петрограда. В одиночку удобнее всего выгружать “швырок” – короткие поленья по пол-аршина в длину. “Шестёрку” (110 см) один далеко не отбросишь, завалишь колёса вагона, и придётся перебрасывать её дважды. За разгрузку вагона в 16–20 тонн швырковых дров платили три рубля. Если втянуться в работу, то за вечер можно было заработать шесть рублей – примерно треть месячной студенческой стипендии. Но после такой работы домой приходил далеко за полночь, в беспокойном сне виделись бесконечные дрова, а на следующий день я почти ни на что не годился. Кроме того, такая работа требовала усиленного питания, потому что надо было жить и питаться не как студенту, а как грузчику, расходуя гораздо больше денег, чем зарабатывал.

Когда я сообразил, что не могу учиться в таких условиях, то перешёл на выгрузку дров с баржей. Отапливающийся дровами Петроград снабжался ими не только по железной дороге, но и по реке. Деревянные баржи подходили прямо к домам по многочисленным протокам-речкам, пронизывавшим весь город. Снимали решётку набережной, прокладывали доски, и дрова катали прямо на тачках во дворы. Тут можно было заработать в день рубля четыре и не уставать так сильно, как на выгрузке дров в одиночку. Катали дрова артель, поэтому работа шла с роздыхом и при ловком обращении с тачкой не была слишком тяжела.

И всё же при том напряжении, какого требовало учение за два класса сразу, так работать можно было только летом, и то эпизодически. Когда я стал регулярно засыпать над

²¹ А. И. Андреев впоследствии стал членом-корреспондентом Академии наук СССР.

задачниками и видеть во сне белые булки, которые никак не удавалось съесть, я понял, что снова надо менять род работы.

И тут я нашёл товарища. Вдвоём мы стали ходить по дворам, пилить, колоть и укладывать дрова в обширные ленинградские подвалы, использовавшиеся как сараи. На этой работе можно было в любое время сделать перерыв и даже кое-что соображать по прочитанному из учебников, когда работа не требовала особого внимания. Так я прожил бы кустарём-дровяником, если бы не подвернулась вакансия шофёра в одном из артельных гаражей. Затем произошло повышение в должности до шофёра грузового автомобиля системы “Уайт” с цепной передачей, модели 1916 года²².

С таким трудом найденную работу пришлось, однако, тут же оставить, чтобы сдать выпускные экзамены²³.

Работа эта на пивзаводе «Красная Бавария» была весьма престижной: должность шофёра (именно так писал это слово Ефремов в своих письмах) хорошо оплачивалась. Выдавалась даже форма. Иван Антонович долго хранил форменную фуражку, в которой сфотографировался в 1923 году.

Зимой 1924 года, через два с половиной года после зачисления в школу, на общем собрании учеников Иван Ефремов получил удостоверение об окончании полного курса первой и второй ступени и прошёл следующие предметы: литература, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, естествознание, физика, химия, география, обществознание, политграмота...

Высокий двусветный зал в стиле классицизма, огромные люстры, ровные ряды стульев. Бывшие одноклассники и учителя радостно поздравляют Ивана. А у него в сладкой тревоге бьётся сердце: его ждёт дальняя дорога, такая дальняя, которую из его знакомых преодолел только один человек – Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

²² Машина американской компании «White Motor Corp», один из самых распространенных грузовиков в России 1920-х годов.

²³ Ефремов И. А. Путь в науку // Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 268–269.

На подступах к палеонтологии

«На роду написано», «судьба распорядилась»...

Октябрьская революция отменила эти расхожие выражения.

Ну что было бы написано на роду у Ивана Ефремова? Учиться в коммерческом училище, наследовать отцовскую лесопилку, стать купцом или промышленником.

А сейчас Иван, как Иван-царевич, стоит на распутье и понимает: только он сам будет выбирать дорогу. Точнее, не выбирать готовую, а прокладывать свой собственный путь. Чтобы определить направление, нужно ясно видеть цель. Какова же цель?

Подростки в тринадцать-четырнадцать лет глубоко в душе ощущают своё предназначение. Но часто «белый шум» поверхностной социальной адаптации мешает осознать это. Под влиянием повседневности, чужих мнений и ложных советов мы теряем ощущение подлинности, забываем то знание, которое было нам дано в зерне нашего духа. И счастье тому, кто не дал заглушить внутренний голос, вовремя прислушался и распознал верные сигналы, идущие из тонких миров.

Вот кончилась Гражданская война, мирная жизнь налаживается, и у Ивана всё устроилось: он сам себе зарабатывает на жизнь, учится в школе – ради чего? Что впереди? К чему стремиться?

И всплыла из глубины полузабытая детская мечта о необыкновенных животных, населявших древнюю Землю, о дальних дорогах, тяжёлых поисках и прекрасном счастье первооткрывателя.

И другая мечта бередила душу, мечта, взлелеянная на азовских волнах – стать бесстрашным моряком, покорителем океанских просторов, лихим морским бродягой с трубкой в сурово сжатых губах.

Каждый из нас по-своему прокладывает путь. Кто-то выжидает удобного случая, ищет обходные тропы... Иван видел цель и шёл к ней прямо, кратчайшим из возможных в тот момент путём.

Две прочитанные книги – «Вымершие животные» Эдвина Рея Ланкестера и «Превращения животного мира» Шарля Депере – расширили представление Ефремова о палеонтологии. Книга Ланкестера была прекрасно иллюстрирована изображениями скелетов и реконструкций древних животных, в ней же рассказывалось о раскопках профессора В. П. Амалицкого на севере России. Депере рассматривал основные теоретические положения палеонтологии, писал об изменчивости видов в пространстве и времени, о причинах вымирания и появления новых форм. Читать Депере было сложнее, чем Ланкестера – требовалась широкая биологическая подготовка.

В 1922 году Ефремов написал робкое письмо профессору Горного института Николаю Николаевичу Яковлеву, председателю Русского палеонтологического общества. Просил принять, выслушать и помочь советом. Иван тогда ещё не знал, что Яковлев считался среди студентов сухарём. Он был крайне неразговорчив и даже экзамены у студентов принимал молча. Подавал студенту камень – и тот должен был рассказать всё, что знает об этом камне. Молча выслушивал ответ. Если студент пребывал в замешательстве, подавал второй, затем третий камень. На этом экзамен заканчивался.

Профессор ответил Ефремову, при встрече внимательно выслушал и написал записку в библиотеку при Геологическом комитете. Иван зажал её в руке и, лишь пройдя несколько кварталов, остановился. Чёткие буквы гласили: «Дать этому щенку книги и пускать в читальный зал». Парня словно ударили в грудь. Он задохнулся, охваченный весёлой злостью: «Вы ещё услышите обо мне, господин профессор!»

Иван стал постоянным посетителем геологической библиотеки. Ему и вправду сначала казалось, что книги решат судьбу, ответят на все его вопросы. Но толстые тома на меловой бумаге, многие на иностранных языках, были непонятны, немы для подростка.

Однажды в лавке букиниста Иван нашёл учебник по палеонтологии, изданный в 1905 году. Автором его был Алексей Алексеевич Борисяк. Учебник стоил дорого, но Ивану так хотелось поскорее окунуться в науку, что он заплатил, примчался домой и тут же принялся читать. Он буквально проглотил книгу, но ясно ощутил, что не понял чего-то главного. Какая-то тайна была скрыта за сухим перечнем геологических эпох, описаниями беспозвоночных и позвоночных.

Надо найти автора, встретиться с ним!

Ивану помог справочник «Наука и научные работники»: Горный институт, Васильевский остров, 21-я линия.

Идя на встречу с пятидесятилетним профессором, Иван, конечно, не мог догадываться, что ему предстоит почти полтора десятилетия проработать под его руководством...

«Огромная профессорская квартира. Не кабинет, а целый зал! Из-за необъятного стола поднялся и пошёл навстречу Ефремову среднего роста хрупкий и неестественно прямой человек в очках с толстыми стёклами. Был Борисяк близорук, бледен и сед, а деревянная прямота его корпуса, как позже узнал Ефремов, объяснялась тем, что профессор носил специальный корсет из-за болезни позвоночника. Неожиданно сильный, почти трубный голос как-то не вязался с типичной внешностью кабинетного учёного. Вежливо расспрашивая юного посетителя, Алексей Алексеевич присматривался к нему, поднимая на лоб очки. Правда, Борисяк был очень внимателен и даже обещал привезти из Германии “Справочник по палеонтологии” Циттеля, но заронить “священный огонь” в душу Ефремова не смог. Всё, что тогда говорил профессор, казалось академичным и холодным. От его слов минералы не начинали светиться и не оживали тёмные кости доисторических ящеров»²⁴.

В начале 1923 года, сидя в читальном зале, он задумчиво листал подшивку журналов «Наука и её работники». В тяжёлое для страны время журнал печатался на серой бумаге, но продолжал издаваться.

Внимание Ивана зацепил заголовок: «Северо-Двинская галлерей Российской Академии наук»²⁵. Автор – профессор П. П. Сушкин. Юноша с жадностью начал читать:

«Конец 1922 года в Российской Академии наук отмечен событием, которое надолго оставит свой след в истории русской геологии. После долгих перипетий Академии удалось получить здание для помещения в нём Геологического Музея. Потребность в таком здании назрела уже более 10 лет тому назад. Из-за тесноты помещения, коллекции музея, постоянно возрастающие, становились всё более трудно доступными и для специалистов. Пришлось надолго отказаться от просветительной работы, закрыв для публики доступ в музей. В 1914 году была намечена постройка нового специального здания, был проведён кредит на постройки – но из-за начавшейся войны планы эти рухнули. В настоящее время они воплотились в жизнь в ином виде: Академия получила часть зданий бывшего таможенного ведомства (по Тучковой набережной, д. 2) и приступила к спешному приспособлению их под помещение Геологического Музея и перевозке коллекций».

Написанная живым, выразительным языком, статья читалась легко, и Иван мгновенно проглотил четыре страницы. Затем начал сначала, смакуя каждое название древних обитателей Земли.

²⁴ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.–Л., 1963.

²⁵ Сушкин П. П. Северо-Двинская галлерей Российской Академии наук // Наука и её работники, 1922, № 5. С. 3–6. Сам Ефремов говорил о статье П. П. Сушкина в журнале «Природа» (Сушкин П. П. Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата // Природа, 1922, № 3–5. С. 3–32).

Описав значение пермской эпохи для истории наземной жизни, Сушкин перечисляет находки Амалицкого:

«Из панцырноголовых рептилий примитивная *Kotlassia* – новый род, близкий к американской *Seymouria*, небольшое животное, ещё сильно напоминающее стегоцефалов, и затем в изобилии найден *Pareiasaurus* – громадное, с бегемота ростом, неуклюжее животное, явно травоядное; но до сих пор парейзавры были известны только по трём-четырёх сравнительно полным экземплярам; Амалицкий нашёл их десятками. Из разнозубых рептилий *Dicynodon* – большеголовые, с клювообразными челюстями, напоминающими черепах, но большею частью с парю крупных клыков – найден в 4–5 видах, очень сходных с южно-африканскими, и в этом и состоит их значение; Северо-Двинские сравнительно мелкие, до величины крупной собаки, и мало разнообразны, тогда как в Южной Африке их насчитывается сотни видов. Другие представители этой группы все новые: крупный хищник *Inostrancevia*, с черепом в аршин длиной и острыми, зазубренными по заднему краю зубами, из которых клыки были вершка в три длиною; намечен к описанию другой, ещё более крупный хищник; далее род *Anna*, близкий к одному из африканских, и род *Dvinia* с многовершинными коренными зубами, уже напоминающими млекопитающих. Амфибии стегоцефалы представлены здесь также новыми и очень оригинальными *Dvinosauridae*. Это стегоцефалы средней величины (до метра), с слабыми ногами и сохраняющимся жаберным аппаратом и во взрослом состоянии – следовательно, жившими всю жизнь в воде. Так как у других – и притом более ранних стегоцефалов жаберный аппарат всегда терялся ко взрослому состоянию, то здесь мы имеем, по всей вероятности, регрессивную эволюцию, возврат личиночных признаков и личиночного образа жизни».

Но как все эти существа очутились в одном месте? Юный читатель был просто заворожен картиной, которую свободно и смело нарисовала кисть учёного:

«Условия нахождения позволяют воссоздать и картину условий жизни этого сообщества. Остатки позвоночных залегают в линзах рыхлого песчаника, которые выполняют впадины слоистой толщи мергелей, а сверху по большей части прикрыты более новыми пластами мергеля, если только последние не разрушены позднейшим размыванием. Сами кости лежат в более плотных отложениях или конкрециях песчаника, от величины кулака и до полутора сажень. Такая конкреция заключает то отдельные кости, то кучу костей разнообразных животных, то целый скелет, с частями, сохранившими свою естественную связь. В песчанике линзы находятся отпечатки самых разнообразных папоротников-глоссоптерисов, также общих с Южной Африкой и Индией. Та линза – из местности, носящей название Соколки, у дер. Ефимовской – которая разрабатывалась интенсивно и откуда происходит большая часть находок, представляет собою выполненное осадками русло, или, вернее, омут древней реки, которое теперь перерезано долиною Северной Двины и обнаружилось в её береговых обнажениях. Целый ряд признаков указывает, что местность, в верхне-пермский период, представляла степь или пустыню, по которой протекала довольно большая река с омутами. В этот омут сносились трупы или остатки животных, попадавшие в реку и в обычное время, и в особенности при наводнениях; в омуте они постепенно и скопились в большом количестве. Травоядные парейзавры, видимо кормившиеся растительностью, росшей у берега и в самой воде, находятся всюду и часто в очень хорошей сохранности, реже и дальше от берега попадают хищники-иностранцевии, большей частью в виде разрозненных выветрившихся костей – видимо, они жили поодаль от реки и в омут попадали в виде трупов, сносимых наводнением и долго перед тем пролежавших под открытым небом. К середине реки попадают и стегоцефалы, постоянно жившие в воде. Перед нами создаётся картина своеобразной фауны, жившей в условиях пустыни, с характерным разнообразием типов, но с малым разнообразием видов в пределах каждого из них. При этом резко преобладают рептилии, своей организацией защищённые от невзгод сухого климата; амфибии пред-

ставлены регрессивными формами, которые в этих условиях удержались ценою возврата личиночных приспособлений, делающих возможною постоянную жизнь в воде».

В завершении статьи профессор с горечью говорил: всё, «что сделано до сих пор в Северо-Двинских раскопках, сделано при очень скромных средствах, и начиная с 1914 года уже нельзя было не только продолжать исследований на месте, но и вывезти всё то, что было уже добыто и оставлено на месте. Даже поездку в 1922 году для ревизии раскопок и организации охраны удалось осуществить лишь после того, как явно наметилась угроза расхищения, и кое-что было действительно расхищено. И всё – не по недостатку желающих работать, а по недостатку средств. Необходимо, чтобы нашлась наконец материальная возможность достойным образом использовать это единственное в мире национальное сокровище».

Иван читал, и его властно охватывала жажда деятельности. Скелеты древних животных найдены не только в далёких Африке или Америке, но и в России. Значит, и на его, Ивана, долю открытий хватит!

Он вдруг понял, что ему вновь необходимо поговорить – именно с профессором Сушкиным. И написал автору письмо, умоляя о встрече.

Пётр Петрович Сушкин

«Приходите, но не на квартиру, а в Геологический музей. Мы побеседуем, а кстати, вы кое-что увидите...» Под текстом был нарисована схема, как пройти к кабинету.

Ответ Сушкина воодушевил Ивана.

18 марта 1923 года – эта дата навсегда осталась в памяти Ефремова. Как на крыльях помчался тогда юноша на Васильевский остров, в здание складов бывшей Петровской таможни, первое справа, если стоять лицом к Бирже. В этом здании на берегу Малой Невы располагался Геологический музей, ещё не открытый после Гражданской войны.

Из глубины огромных залов с высокими потолками навстречу Ивану вышел, сильно прихрамывая, невысокий человек пятидесяти лет. Юноша ощутил на себе острый взгляд его насмешливых глаз. Типичный профессорский облик: высокий, с залысинами, лоб, седые усы и борода клинышком, чёрные брови, крупный нос, благородные, но твёрдые черты лица.

Пётр Петрович крепко пожал руку четырнадцатилетнему искателю.

– Итак, Иван Антонович²⁶, вы намерены посвятить себя палеонтологии?

Ефремов смутился: по имени и отчеству его ещё никто не называл. Но глаза с доброй смешинкой глядели спокойно и внимательно, и Иван, ободрившись, принялся рассказывать свою историю.

Старинные серебряные часы отмеряли четверть за четвертью, но Сушкина словно вовсе не беспокоил бег стрелок. Он одобрительно покачивал головой, время от времени задавал уточняющие вопросы. А затем преподнёс юному гостю удивительный подарок – сам провёл Ивана по залам музея. Музей тогда лишь готовился к открытию – полвека в нём не было посетителей, Иван стал одним из первых – и, возможно, первым частным посетителем. Надолго задержались они в Северо-Двинской галерее, директором которой Сушкин стал в 1921 году, когда по приглашению Академии наук приехал в Петроград из Симферополя, где занимал профессорскую кафедру в Таврическом университете.

Северо-Двинская галерея – одно из главных сокровищ Геологического музея – располагалась на втором этаже, в просторном светлом зале.

Словно сквозь волшебное окно-аквариум заглянул Иван в неведомый мир – и наяву очутился среди скелетов диких животных. Вот череп хищной иностранцевии с огромными клыками, черепа дицинодонтов с черепашьими беззубыми клювами, поверх которых росли не то два больших клыка, не то два маленьких бивня, скелеты четырёхметровых парейазавров – крупных растительноядных ящеров величиной с медведя. В витринах покоились скелеты и черепа амфибий, притягивал взгляд скелет двинозавра с внешними жаберными дугами.

Пётр Петрович, отмечая про себя горящие глаза юноши, рассказал историю Владимира Прохоровича Амалицкого, в общих чертах уже знакомую Ивану. Четверть века назад профессор Варшавского университета, сравнивая пресноводных моллюсков и остатки растений из Верхнепермских отложений России и Южной Африки, обнаружил их сходство. Он предположил, что на севере России могут быть найдены остатки крупных пермских рептилий, подобные тем, что были открыты на юге Африки, на плато Карру.

²⁶ В начале 1920-х годов Ефремов сменил отчество с «Антиповича» на «Антоновича», на основе записи в метрической книге: «Определением Санкт-Петербургского окружного суда от 18 декабря 1910 г. значится в сей статье Иоанн, признан законным сыном титулярного советника Антона Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны» (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2183. Л. 177–178). Выписка сделана санкт-петербургским историком В. Я. Никифоровым. Цит. по: Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы // Научное наследство. Т. 22. М., 1994.

Главное – знать, что ты ищешь! Амалицкий знал это – и в урочище Соколки на Малой Двине, выше города Котласа, в линзе песчаника обнаружил прекрасно сохранившиеся скелеты животных верхней перми.

Но как же извлечь скелет из песчаника?

Пётр Петрович показал Ивану святая святых – препараторскую, где умелые руки добывали из тяжёлого монолита кости древних тварей, обрабатывали и определяли место каждой кости в целом скелете.

Был профессор занят чрезвычайно: кроме Северо-Двинской галереи, он заведовал Орнитологическим отделением Зоологического музея в должности старшего зоолога, занимался обработкой огромных, не разобранных еще орнитологических коллекций, составлял каталоги птиц, кроме того, был куратором практикантов Академии наук и имел множество других научных обязанностей.

«Палеонтологией он увлекался давно, но, как шутил академик Алексей Алексеевич Борисяк, это увлечение Сушкина долгое время оставалось платоническим – он интересовался достижениями палеонтологии, но сам изучением ископаемых костей не занимался. Так продолжалось до 1921 года, когда Сушкин перебрался с Украины в Петроград, чтобы принять заведование орнитологическим отделением Зоологического музея. И к нему в Академии обратились с неожиданным предложением – занять должность хранителя в еще одном музее, Геологическом.

Сушкин долго колебался – на пятом десятке лет не поздно ли начать заниматься совсем новой областью науки. Но в конце концов решился. И стал заведующим одного из главных отделений Геологического музея – Северо-Двинской галереи.

Совмещая работу в Зоологическом и Геологическом музее (благо они находились по соседству – две минуты пешком), Сушкин всё больше и больше тратил время на ископаемые кости. Иной раз по несколько дней ночевал в Геологическом музее, счищая породу с костей и разгадывая назначение косточек давно исчезнувших тварей. И говорил, что старые кости подарили ему вторую молодость.

В списке его трудов, начиная с 1921 года, палеонтология безраздельно господствует.

Вообще Сушкин был для палеонтологии фигурой необычной и удивительной. Палеонтология находится на стыке двух наук – геологии и биологии. Но работали в ней в основном геологи. Сушкин был, кажется, первым биологом, пришедшим в палеонтологию. Что важно – биологом опытным, знатоком морфологии. До этого он изучал скелеты птиц и хорошо представлял, какое значение имеют кости, как по ним можно реконструировать образ жизни, особенности поведения и даже среду обитания животного.

С уникальным багажом знаний современных животных, с поразительным энтузиазмом и энергией Сушкин взялся за изучение пермских ящеров, добытых за двадцать лет до этого на берегу реки Северной Двины. И предложил совершенно новые трактовки этим ящерам. Можно сказать, оживил древние костяки»²⁷.

О чём же мог рассказывать Ефремову Сушкин?

Представим, что «он показал на странный череп, у которого клыки образуют с клювом своеобразный аппарат для кусания, своего рода щипцы-кусачки. Объяснил, что, судя по челюсти, у ящера были мощные жевательные мышцы. Задняя часть черепа очень широкая – это показывает, что у дицинодонта была мощная шея. И как вывод – это был хищник, но хищник пассивный, падальщик, разрывавший своими челюстями толстые шкуры мертвых ящеров.

²⁷ Нелихов А.Е. Научно-технический сотрудник Геологического музея Академии наук Иван Ефремов. Доклад на IV Ефремовских чтениях-фестивале. Москва, 2012. Видеозапись.

А вот скутозавры. Тоже, по сути, сплошная загадка. Сушкин обратил внимание на их необычайно развитые когти, на сильные передние конечности (по строению похожие на лапы крота) и рассказал Ефремову, что эти ящеры были роющими животными, выкапывали корневища из земли.

В музее в такой копающей позе был собран один из скелетов – молодой скутозавр.

Идею роющих скутозавров Ефремов отстаивал всю жизнь, хотя трудно представить крота размером с бегемота. Главное – непонятно, зачем скутозаврам копать землю. Явно не для того, чтобы добыть пропитание – их зубы не приспособлены для твердой пищи. Несколько лет назад один отечественный палеонтолог, анализируя условия захоронения подобных ящеров, предположил, что они выкапывали норы и впадали в спячку во время жарких сезонов. Вполне возможно, так оно и было. Скутозавры по образу жизни были более близки к амфибиям, чем к рептилиям, а многие жабы и лягушки закапываются в землю, чтобы пережить неблагоприятные сезоны...

В одной витрине Северо-Двинской галереи лежал метровый остов амфибии пермского периода, получившей имя «двинозавр» в честь реки Северной Двины, на берегу которой проводил раскопки покойный Амалицкий. У скелета в районе шеи сохранились окаменевшие внешние жабры. Видимо, двинозавры были личинками амфибий, которые не стали превращаться в половозрелую взрослую особь, а навсегда остались головастиками. Сейчас такой образ жизни ведут мексиканские аксолотли, никогда не достигающие взрослого состояния, находящиеся, так сказать, в вечном детстве. Они живут так по много лет и вполне успешно размножаются.

Сушкин на примере двинозавра выдвинул поправку к знаменитому закону необратимости эволюции. По его мнению, иногда животные могут регрессировать, возвращаясь в предыдущее состояние. Так кости ящеров с русского севера корректировали законы природы. Показывая на окаменевшие жабры древней саламандры, Сушкин объяснял устройство Вселенной»²⁸.

...Через несколько дней сотрудники музея и аспиранты, входя в кабинет Петра Петровича, вдруг замечали новый стол, за которым восседал какой-то юнец. Каким фуксом пролез этот мальчишка в кабинет профессора, получив позволение приходить в любое время? А профессор не только отбирает для него книги и разговаривает как с равным, но и позволяет ему в препараторской следить за обработкой костей. Извлекать кости из породы Сушкин умел прямо-таки ювелирно!

С восторгом окунулся Иван в атмосферу радостного научного поиска, которую создавал вокруг себя Сушкин.

Пётр Петрович ратовал за увеличение числа молодых людей, интересующихся наукой, требовал, порой даже резко, прибавить количество практикантов. Он считал, что для научной работы надо выдвигать действительно талантливых людей, иметь возможность выбора: «Нет смысла ухаживать за единственным живым ростком, из которого ничего путного не вырастет и который потом будет жалко выбросить, так как на него затрачен большой труд»²⁹.

О Сушкине осталось мало воспоминаний, потому так драгоценны свидетельства современников. Они помогают понять, в чём именно повлиял академик на формирование научных взглядов Ефремова.

Орнитолог и путешественница Елизавета Владимировна Козлова вспоминала:

«Заведуя в 20-х годах Орнитологическим отделением Зоологического музея и ежедневно общаясь с нами, молодыми тогда сотрудниками, начинающими специализироваться

²⁸ Там же.

²⁹ Иванов А. А. Памяти Петра Петровича Сушкина // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П. П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 7.

орнитологами, Пётр Петрович принимал близко к сердцу каждую работу своих учеников, радуясь нашим удачам, браня за ошибки и промахи. Каждому из нас не терпелось прежде всего поведать ему о своих достижениях, как бы незначительны они ни были, или о своей удачной находке и новом наблюдении во время очередной экспедиции. Пётр Петрович на всё это живо откликался. Он ни при каких случаях не расточал хвалебных слов, но выражения его лица, его довольной, и почему-то в таких случаях чуть лукавой улыбки было достаточно, чтобы почувствовать себя обласканным и счастливым. Вообще он был немногословен, сдержан и строг, к тому же блестяще остроумен. Его юмор не задевал, а обычно свидетельствовал о хорошем настроении и расположении к собеседнику.

Мы все каждый день шли на работу в Музей, как тогда назывался Зоологический институт, радостные, потому что каждый день сулил что-то особенное, главным образом интересную беседу на самые разные, всегда животрепещущие для нас темы – чаще всего зоогеографические или исторические.

Пётр Петрович с величайшим удовольствием делился со всеми окружавшими его орнитологами своими соображениями, догадками, планами. Его разговор на научные темы звучал совсем не как лекция или поучение, а именно как беседа, в которой от слушателей требовалась реакция: возражение, одобрение или вопрос. Изложив нам какие-нибудь мысли, Пётр Петрович нередко спрашивал: что вы об этом думаете? К сожалению, я лично в то время большей частью не умела ответить, потому что только начинала работать, а если робко возражала ему, то он всегда прислушивался к сказанному и доказывал свою правоту ещё с другой, новой точки зрения. Сокровища своего ума, таланта и эрудиции Пётр Петрович расточал всем. Он был очень богат духовно. Всё это было для нас всех счастьем...»³⁰.

³⁰ Козлова Е.В. Расселение фазана *Phasianus colchicus* L. в пустыни Центральной Азии // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 16–18.

Орнитолог и палеонтолог

Иван восхищался Сушкиным. Это был учёный безукоризненно высокого стиля и вместе с тем человек с громадным опытом полевой работы, свободно ориентировавшимся в бытовых условиях. Он умел всё: выследить птицу, описать все её повадки и особенности, считал, что учёный должен сам тщательно препарировать птиц, не полагаясь всецело на препараторов. «Конечно, при изобилии добытого материала препараторская работа обременяет творческую работу наблюдателя в поле, поэтому её в какой-то степени можно перепоручать помощникам, но орнитолог должен в значительной степени препарировать сам. Плох тот орнитолог, который не умеет препарировать. В орнитологическое исследование можно вложить много эстетики и найти удовлетворение в познании совершенства форм. Если бы вы видели, как Мензбир, или Сушкин, или оба вместе рассматривали соколов, вы поняли бы, что в них играла кровь не только первоклассных исследователей. Они восторгались тем, что видели и что держали в руках. Не поучительно ли это для тех, кто посвятит себя орнитологии всецело?»³¹

Слова эти в полной мере относились и к палеонтологии. Именно потому Сушкин обучал препаровке своего юного протеже.

Оставаясь в кабинете один, Иван иногда подходил к столу профессора и листал объёмистую рукопись о птицах Алтая, которую Сушкин разрешал читать всем коллегам. Юноша, уже проехавший Россию с юга на север, знал, как велика наша земля, как много в ней ещё непознанного, неоткрытого. И оттого жарким огнём горела в нём жажда странствий. Вот Сушкин – изучил Тульскую и Смоленскую губернии, побывал в каждом уезде Уфимской губернии, обошёл Южный Урал, любую птицу по полёту узнает. Легендарными стали его экспедиции 1896 и 1898 годов в степи Казахстана. Материала было собрано так много, что его обработка затянулась на десять лет (правда, одновременно Сушкин написал и защитил магистерскую диссертацию). Результатом экспедиций стала работа «Птицы Средней Киргизской степи» (1908) – работа с богатым видовым обзором, настолько подробная и всеобъемлющая, что не вполне вписывалась в академические рамки.

Леонид Александрович Портенко вспоминал: «Мензбир в порядке поучения говорил мне, что, в сущности, так писать не совсем правильно, что Сушкин писал всё, что только мог сказать в данном случае. Может быть, это замечание и справедливо с точки зрения редактора объёмистого тома, но для читателей этот труд Сушкина – клад для ознакомления с птицами, их распространением, распределением и жизнью в степном Западном Казахстане. Всё сопровождается пояснениями, справками и замечаниями по систематике»³².

Об этой работе вспоминал Ефремов более четверти века спустя, когда готовил к печати свою любимую «Фауну медистых песчаников». Его работа тоже не укладывалась в строгие рамки палеонтологии: она была насыщена сведениями по истории изучения медистых песчаников, истории горного дела, геологии, описывала подземные медные разработки XVIII–XIX веков, содержала множество идей, которые могли бы стать зёрнами самостоятельных исследований. Так проявилась преемственность научной мысли.

Сушкин исследовал верховья Енисея – Минусинскую лесостепь, Западный Саян, запад Урянхайского края (современная Тува), – побывал в Зайсанской котловине, на Северном Кавказе и в Закавказье. Особенно восхищали Ивана две последние крупные экспедиции Сушкина, в 1912 и 1914 годах, когда учёный изучал птиц Алтая.

³¹ Портенко Л.А. П. П. Сушкин как фаунист и зоогеограф // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 25.

³² Там же. С. 21.

С добрым юмором рассказывал Сушкин экспедиционные истории. Как-то в киргизскую поездку его спутник студент С. А. Резцов остановился у озера, обросшего камышом. Лезть в воду ради полноты исследования у него особого желания не было. Сушкин сам полез в озеро, вымок и неожиданно для спутника добыл *Acrocephalus agricola* – индийскую камышевку.

В экспедициях приходилось ездить на чём придётся – и на лошадях, и на верблюдах.

Более всего Сушкин любил вспоминать историю 1914 года. Тогда, возвращаясь из алтайского похода, он должен был как-то погрузить на пароход экспедиционное имущество, в том числе и клетки с живыми соколами. Но началась война, и на пароход производили посадку мобилизованных. Дело казалось безнадёжным. Тогда Сушкин обратился к капитану и сказал, что везёт соколов для царской охоты. Капитан быстро нашёл место для важных пассажиров!

В музее царил высокий дух научного сотрудничества. Часто возникали своеобразные летучие митинги: «Заметив что-нибудь интересное, Пётр Петрович сразу же созывал окружающих – опытных орнитологов и зелёную молодёжь – на равных правах, вёл с ними беседу или советовался, не считаясь “с чинами и рангом” собеседников»³³.

Научная щедрость как важнейшее качество истинного учёного вошла в плоть и кровь Ефремова. «Я сам по себе шёл в науке, никогда не опасаясь – отдать»³⁴, – писал он Алексею Петровичу Быстрову в 1950 году.

Сушкин выделял Ефремова среди своих учеников, ценил его настырность в постижении основ биологии и палеонтологии, прекрасно понимая, что наука интересовала юношу пока только со стороны романтической. Профессор помогал Ивану понять, что увлекательными могут быть не только неведомые звери и опасные путешествия, но и научные факты, и обработка уже собранных материалов, и красивые гипотезы.

Пётр Петрович чувствовал в зелёном юнце живой ум, глубокую восприимчивость и возможную научную дерзость, но, приняв на себя ответственность за его развитие, строго отчитывал за проступки. По субботам он устраивал Ефремову разнос, не стесняясь в выражениях, вспоминал все провинности за неделю: тогда-то был недостаточно вежлив в обращении со старшими коллегами, тому-то грубо отвечал по телефону, устроил беспорядок на рабочем столе. Особенно досталось Ивану, когда Сушкин узнал, что в его отсутствие Ефремов брал трубку телефона: «Профессор Сушкин слушает». Хозяин кабинета позвонил к себе – и действительно услышал голос Ивана!

Иван краснел, умолкал, но вновь приходил в кабинет Сушкина – теперь уже академика (избран в 1923 году).

После окончания школы Иван готов был всё своё время посвятить науке, но в одну точку сошлись два факта: Пётр Петрович уезжал в длительную командировку в Соединённые Штаты для установления научных контактов, стало быть, не мог оказывать прежнюю поддержку Ивану, а поступить на работу в музей было невозможно из-за отсутствия вакансий и, следовательно, лишнего пайка.

Пётр Петрович утешал:

– Придётся вам потерпеть, Иван Антонович, да и университет небесполезно окончить. Остаться на всю весну и лето в Петрограде, работать шофёром?

Пришёл черёд козырной карты. Вот он, драгоценный документ: «Предъявитель сего, Ефремов Иван Антонович, действительно сдал экзамены за мореходные классы на весьма удовлетворительно и получил звание штурмана-судоводителя каботажных и речных судов».

³³ Иванов А.И. Памяти Петра Петровича Сушкина // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 8.

³⁴ Ефремов И. А. Переписка с учёными. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 462.

Дмитрий Афанасьевич Лухманов

В зрелом возрасте Иван Антонович говорил, что человек может и должен быть работоспособным восемнадцать часов в сутки. Сам же он работал, возможно, гораздо больше.

Учиться в школе, оканчивая два класса в год, заниматься у Сушкина, зарабатывать себе на жизнь шофёрской работой – и ещё окончить Петроградские мореходные классы! Ефремов расправился с ними неожиданно легко: прочитал несколько учебников и специальных книг и пошёл сдавать экзамены.

Возможно, подготовиться к экзаменам ему помог Дмитрий Афанасьевич Лухманов. Ефремов гордился своей дружбой с этим настоящим морским волком, плававшим во всех океанах – и на современных пароходах, и под парусами. В 1924 году бывшего капитана назначили на должность начальника Ленинградского морского техникума водных путей сообщения, и он посвятил себя воспитанию морской молодёжи.

Дмитрий Афанасьевич начал плавать матросом в 1882 году, в пятнадцать лет, зарабатывая себе на жизнь. Чёрное море, Средиземное, Атлантика, Индийский океан, Волга, Каспийское море, затем – Дальний Восток, плавания по Амуру и Тихий океан. Вот это биография!

Лухманов помнил и прекрасно умел рассказывать потрясающие, порой леденящие душу морские истории. Имена легендарных кораблей звучали как песня.

«Я стоял на набережной и смотрел на просыпавшуюся Круглую гавань.

Рассвело, но солнца пока ещё не было видно. Оно пряталось в тумане, окутавшем гавань. Туман рвался на пушистые мягкие клочки, и не заметный в гавани береговой бриз плавно выносил их в открытый океан.

Яснее и яснее вырисовывались стройные, высокие мачты соседних судов. Я уже знал все суда, которым они принадлежали. Какие суда! Я и сейчас вижу их перед глазами! <...>

А вот и мачты исторического клипера “Катти Сарк”. Я легко узнаю их по необычайно длинным верхним реям и маленькому грот-трюмселю. “Катти” – самый красивый и самый быстроходный клипер из всего бывшего “чайного”, а теперь “шерстяного” флота, если не считать её единственного, ещё не побеждённого, конкурента – клипера “Фермопилы”.

Подальше, вправо от “Катти Сарк”, снимался с якоря маленький клипер-барк “Бирэйн”. На нём знаменитый капитан Вайрил. <...>

Все паруса барка были отданы и висели чёткими фестонами под его лакированными реями. Грот-марсель медленно полз вверх по стене. В чистом утреннем воздухе по просыпавшемуся порту нёсся над водой немножко хриплый, но удивительно приятный и задушевный голос матроса-запевалы:

Входит в гавань чёрный клипер.

Дай, братцы, дай!

Интересно, кто там шкипер?

Дай, братцы, дай, братцы, дай!

Припев весело подхватывался всей командой, и видно было как при каждом «дай» марса-рей на “Бирэйне” подскакивал сантиметров на десять кверху.

Это янки, без сомненья.

Дай, братцы, дай!

Жизнь на нём одно мученье.

Дай, братцы, дай, братцы, дай!

Ах, как хорош был этот маленький барк! Его корпус выкрашен чёрной, блестящей, точно эмалевой краской с лёгкой золочёной резьбой по княвдигеду и вокруг подзора кормы. Рубки, световые люки, узенький верхний фальшборт, шлюпки и весь рангоут отлакированы. Окованный листовой медью планшир, компасы, верхушки шпилей, колокол, решётки на светлых люках блестят, как отполированное золото.

Вот марса-реи дошли до места, и к их нокам потянулись, погромыхивая, цепные брамшкоты. Брам- и бом-брам-фалы тянутся ходом по палубе, и запевала уже не поёт, а только улюлюкает в такт топочущим по палубе босым ногам.

– Ла... ла... ла... ла-ла, холл-ла! – разносится по гавани его голос.

... Через четверть часа все паруса “Бирэйна” поставлены и вытянуты, что называется, “в доску”. Реи разбрасоплены на разные галсы.

– Пошёл шпиль! – раздаётся команда Вайрила.

И немедленно вслед за командой заклацал патентованный брашпиль, отделяя от грунта ранее подтянутый до панера якорь.

Нос барка плавно покатился под ветер.

Ещё минута – и по задним парусам пробежала чуть заметная дрожь от нечувствительного внизу ветерка.

– Пошёл фока-брасы!

И вся стена передних парусов плавно повернулась вокруг мачты и стала под одним углом с гротовыми. Тут произошло чудо: с безжизненно висящими мягкими шерстяными складками флагом, с плоскими, ненадутыми парусами барк тронулся вперёд и, плавно скользя по зеркальной воде гавани, начал сильнее и сильнее забирать ход, точно подгоняемый какой-то скрытой чудодейственной силой.

Я стоял как зачарованный и не верил глазам.

Вдруг чья-то рука дружески опустилась мне на плечо. Я обернулся. Перед мной стоял незнакомый человек, одетый в хороший тёмно-синий костюм и серую шляпу. На вид ему было лет под сорок.

По выражению загорелого лица, с аккуратно подстриженной, по довольно большой тёмно-рыжей бороде и по манере держаться я сразу узнал в нём моряка и, по всей вероятности, капитана.

– Нравится? Спросил он. – Интересно?...»³⁵

Удивительно: не герой книги, а живой, рядом сидящий, уже пожилой человек с твёрдым взглядом небольших глаз, с сурово сжатыми губами – видел всё это своими глазами! На его плечо опускалась рука рыжебородого капитана «Армиды». Когда Лухманов погружался в воспоминания, резкие черты его лица смягчались, лёгкая улыбка поднимала уголки губ.

«В знойном воздухе реял почти неощутимый ветерок, верхушки медленных, лениво зыбившихся волн закруглились, будто расплавились, море горело под безжалостным солнцем. Но клипер, чуть раздувая всю массу своих парусов, продолжал скользить по волнам шестиузловым ходом. Это казалось чудом, но это было так! Штилевая полоса на этот раз не мучила моряков вынужденным бездельем, нелюбимым гораздо сильнее всякой непогоды и особенно отвратительным в душную жару».

Этот отрывок уже не из книги капитана Лухманова – это повесть Ефремова «Катти Сарк»³⁶, впервые опубликованная в 1944 году. Первая глава в ней называется «Юбилей капитана Лихтанова» – в юбиляре мы сразу узнаём Дмитрия Афанасьевича. Начинается глава так:

«В квартирке едва умещались многочисленные гости. Все сиденья были использованы, и в ход пошли торчком поставленные чемоданы. Почтить семидесятилетие капитана яви-

³⁵ Лухманов Д. А. Под парусами. М., 1999. С. 125–128.

³⁶ «Катти Сарк» в сборниках называется рассказом, но по существу это повесть.

лись преимущественно моряки. Табачный дым плавал голубыми слоями, неохотно убираясь в тянувшее холодом приоткрытое окно. Сам хозяин, крупный и грузный, сновал между гостями и чувствовал себя отлично среди весёлых возгласов и смеха.

Молоденький штурман, стесняясь общества почтенных командиров, жался у стены, рассматривая картинки судов в простых коричневых рамках, и остановился взглядом на большой фотографии парусника. В точных линиях стремительного, узкого корпуса корабля чувствовалось совершенство, подчёркивавшееся неправдоподобной громадой белых парусов. Верхние реи были необычайно длинны и в размерах почти не уступали нижним.

Хозяин подошёл ободрить робкого гостя.

– Любуетесь? – одобрительно загудел он, опуская жилистую руку на плечо штурмана.

– Этим кораблём вы тоже командовали, Даниил Алексеевич? – спросил юноша.

– Вот ещё! – Отмахнулся старый капитан. – Да это же “Катти Сарк”!»

Гости капитана уговаривают хозяина рассказать всё, что он знает о знаменитом клипере. Назван он в честь героини поэмы Бернса – красотки-ведьмы Катти Сарк, что означает «короткая рубашка». Оказалось, что у капитана даже есть рукопись, где рассказывается её история. Одна из глав повести так и называется: «Рукопись капитана Лихтанова».

«Катти Сарк» – это не просто повесть, а настоящая поэма в прозе, посвященная морю и тысячелетнему опыту человечества в покорении водных пространств.

Любовь к морю уже давно жила в душе Ивана Ефремова, но капитан Лухманов подсказал юноше, как можно воплотить её в дело. Самому Лухманову пришлось добиться отчисления из шестого класса военной гимназии, когда он, платонически любивший никогда не виданное им море, решил вопреки воле отчима во что бы то ни стало сделаться моряком. Лухманову было тогда пятнадцать.

Ивану скоро уже шестнадцать, и ему ничто не препятствует. Однако в Петрограде того времени судов было крайне мало, на них служили квалифицированные моряки. К тому же, чтобы стать штурманом, нужно было пять лет морской практики.

В 1921–1923 годах Лухманов, будучи во Владивостоке, занимался сложнейшими вопросами возвращения Советскому Союзу судов Добровольного флота. Построенные на народные деньги пароходы были большей частью захвачены интервентами и белогвардейцами и плавали за границей. К 1924 году многие корабли удалось вернуть, и Добровольный флот слился с Совторгфлотом. Морская жизнь налаживалась.

По совету капитана Ефремов буквально на последние рубли отправился на Дальний Восток.

Навигация на Дальнем Востоке

В 1895 году Лухманов добирался до Владивостока по строящемуся железнодорожному пути. Проехав на поезде как можно дальше – до Челябинска, они с товарищем покатали на лошадях по великому Сибирскому тракту. Ехали по двести вёрст в сутки, без ночёвок на станциях, меняя лошадей и экипажи, каждый раз перегружая вещи. И только в Омске какой-то доброхот надоумил их купить собственный тарантас, чтобы продать его потом в Сретенске. От Сретенска плыли на пароходе по Амуру.

Сидя в вагоне поезда (денег, полученных при расчёте за шофёрскую работу, едва хватило на билет), Иван думал об огромных, часто ещё неисследованных пространствах нашей страны и вспоминал рассказ Лухманова о встрече с Владивостоком: «От Николаевска-Уссурийского я почти не отходил от окна: всё ждал, когда покажется давно не виданный друг – беспредельное, открытое море. И вот перед вечером оно блеснуло наконец – родное, любимое, долгожданное.

Поезд подлетел к Владивостокскому перрону. <...>

Владивосток был типичным военно-морским городом, напоминавшим Севастополь. Улицы полны блестящими флотскими офицерами в белоснежных кителях и матросами в белых форменках. На рейде покачивались чёрные, с жёлтыми трубами и высоким рангоутом крейсера первого ранга: “Нахимов”, “Корнилов”, “Память Азова” и “Владимир Мономах”. Здесь же стояли крейсер второго ранга “Стрелок”, канонерские лодки “Манчжур” и “Кореец” и больше десятка миноносцев. Внизу, у пристани Добровольного флота, дымил двумя высокими жёлтыми трубами только что пришедший из Одессы быстроходный красавец “Орёл”»³⁷.

Ефремов приехал во Владивосток во времена новой экономической политики, проводимой правительством. «Экзотика, словно сошедшая со страниц Джозефа Конрада и Клода Фанна, со всех сторон обступила юношу. Чего стоило одно название бухты – Золотой Рог! Тесные улочки китайского квартала. Тайные опиекурильни. Японские чайные домики. Экспортированные во Владивосток не первой молодости гейши. Стройные индусы в синих чалмах с гофрированными бородами и выразительными печальными глазами... Леденящие душу ночные вопли в районе порта и хрипая ругань чуть ли не на всех языках мира. Невообразимое, свирепое пьянство. Не очень всё это пришлось по душе шестнадцатилетнему романтику – штурману каботажных судов»³⁸.

В мае Ивану удалось устроиться старшим матросом на кавасаки – парусно-моторное судно «III-й Интернационал». Это убогое, тесное, грязное, провонявшее рыбьим жиром судёнышко принадлежало Камчатскому акционерному обществу, порт приписки – Владивосток. Кавасаки курсировал между рыбацкими промыслами, снабжая их солью и перевозя рыбу.

Капитан, чтобы платить матросам как можно меньше, набрал в команду всякой шпаны. Только благодаря врождённой силе и боксёрскому умению старшему матросу Ефремову удалось отстоять своё достоинство.

«III-й Интернационал» не был гордым океанским лайнером, но хмурые серые волны Тихого океана плескались совсем рядом. Кавасаки ходил на Сахалин, через пролив Лаперуза Охотским морем – в далёкий порт Аян, куда можно добраться только по воде. Высокие, покрытые тайгой вершины Джугджура теснились, прижимали к кромке прибоя домики

³⁷ Лухманов Д. А. Под парусами. М., 1999. С. 231.

³⁸ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.–Л., 1963.

посёлка. Солнце вставало из моря, чтобы раньше обычного скрыться за горами. Крупная соль, которую приходилось грузить матросам, разъедала кожу.

Иван освоился в море, научился чувствовать, понимать его. Память жадно вбирала подробности морской науки. Уже не детская романтика, но возможность проверить себя, свой ум и силы влекли Ивана в новый рейс.

Несколько кратких стоянок было у судна в Японии. Холодным презрением светились глаза Ивана, когда в кубрике после этих стоянок подробно обсуждались портовые кабаки и проститутки. Он отчётливо осознал, что он будет держаться другой стороны улицы – если иметь в виду сторону эмоционально-психологическую.

О своих переживаниях он не распространялся. Лишь спустя десятилетия написал такие слова: «В этой стране я познакомился с чрезвычайно милой девушкой. Она была моей возлюбленной четыре дня (и ночи), и я буду помнить о ней до конца своих дней...»³⁹

Миико Эйгоро – так назовёт Ефремов одну из прелестных героинь романа «Туманность Андромеды», девушку-археолога с японскими корнями, происходившую из племени женщин-ныряльщиц. Дар Ветер, один из главных героев романа, плывёт с ней вместе на маленький островок: «Тихий полудетский голос окликнул его. Он узнал Миико и, взмахнув руками, лёг на спину, поджидая маленькую девушку. Она стремительно бросилась в море. С её жёстких смоляных волос скатывались крупные капли, а желтоватое смуглое тело под тонким слоем воды казалось зелёным».

Мы читаем эти строки так, будто Иван Антонович сам рассказывает нам о своей возлюбленной: «Звонкий смех Миико был ему наградой. Девушка, молчаливая и всегда немного грустная, сейчас неузнаваемо изменилась. Весело и храбро устремляясь вперёд, к тяжело плещущим волнам, она по-прежнему оставалась для Ветра закрытой дверью...»

В октябре, с окончанием навигации, Иван взял расчёт и таким «штурманом четырёх ветров» вернулся в бывшую столицу, только что переименованную в Ленинград. Как жаль, что человек может прожить только одну жизнь! Но если он посвятит себя морю, то уже не сможет полноценно заниматься наукой. Как же быть?

Ефремов узнал, что Сушкин уже вернулся из Америки, но первым делом отправился к Дмитрию Афанасьевичу Лухманову.

«Мы сидели у него дома на Шестой линии, пили чай с вареньем, – вспоминал Иван Антонович. – Я говорил, он слушал. Внимательно слушал, не перебивая, знаете, это большой дар – уметь слушать! – потом сказал: “Иди, Иван, в науку! А море, брат... что ж, всё равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя”. ...Это и решило мою судьбу»⁴⁰.

Иван выбрал науку, но и в самом деле никогда не забывал моря.

Однажды в Охотском море, возле Курильских островов, Ивану довелось пережить цунами. Встреча с гигантскими волнами нашла отражение в повести «Звёздные корабли». Пароход «Витим», на котором плывёт профессор Давыдов, получает весть об огромной приливной волне. Капитан выбирает единственной верный путь: идти навстречу цунами, подальше от берега: «Давыдов посмотрел вперёд и увидел несколько рядов больших волн, бешено мчавшихся к земле. А за ними, как главные силы за передовыми отрядами, стирая голубое сияние далёкого моря, тяжело нёсся плоский серый холм гигантского вала».

Когда читаешь описание, думаешь – только пережив подобное, можно было найти подходящие слова и образы: «Передние волны по мере приближения к земле вырастали и заострялись. “Витим” резко дёрнулся носом, взлетел вверх и нырнул прямо под гребень следующей волны. Мягкий тяжёлый шлепок отдался в поручнях мостика, крепко зажатых в

³⁹ Цит. по: Устименко Б. Свет маяка в житейском море. Воспоминания о И. А. Ефремове. Белгород-Днестровский, 2010. С. 48–49.

⁴⁰ Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М., 1987.

руках Давыдова. Палуба ушла под воду, облако сверкающих водяных брызг туманом встало перед мостиком. Через секунду “Витим” вынырнул, нос его опять понёсся вверх. Мощные машины содрогались глубоко внизу, отчаянно сопротивляясь силе волн, задерживавших корабль, гнавших его к берегу, стремившихся разбить “Витим” о твёрдую грудь земли.

Ни одного пятна пены не белело на обрыве исполинского вала, который поднимался со зловещим хрипом и становился всё круче. Тусклый блеск водяной стены, стремительно надвигавшейся, массивной и непроницаемой, напомнил Давыдову кручи базальтовых скал в горах Приморья. Тяжёлая, как лава, волна вздымалась всё выше, заслоняя небо и солнце; её заостряющаяся вершина всплыла над передней мачтой “Витима”. Зловещий сумрак сгустился у подножия водяной горы, в чёрной глубокой яме, куда соскальзывало судно, как будто покорно склонявшееся под смертельный удар».

«Витим» выдержал натиск цунами, а моряки потребовали от профессора объяснить им, «что это такое было». После лекции профессор долго размышлял о могучих, не познанных ещё силах Земли. Вероятно, об этом же думал в 1924 году в Охотском море юный ещё Ефремов.

«Немало лет тому назад я плавал старпомом на довольно большом пароходе “Коминтерн” – в пять тысяч тонн, добротной английской постройки. Ходили между Владивостоком и Камчаткой, изредка на юг – в Шанхай или поближе – в Гензан и Хакодате.

В июле 1926 года мы шли очередным рейсом в Петропавловск, с заходом в Хакодате, – следовательно, через Цунгарский пролив. Вышли из Хакодате к вечеру, а через сутки привалил бешеный шторм, настоящий тайфун от зюйд-веста. Поднялось такое волнение, что волны стали закрывать судно», – это первые строки рассказа «Встреча над Тускаророй», в котором «Коминтерн» над Тускарорской впадиной врежется в давно затонувший парусник, который вёз груз пробки и не пошёл ко дну, а дрейфовал, скрытый волнами. Освобождать корабль пришлось с помощью водолазов.

В рассказе «Последний марсель», действие которого происходит во время Великой Отечественной войны, моряки с гибнущего транспорта «Котлас» на спасательном плоту попадают в Норвегию, откуда уплывают на старинной бригантине, справляясь в штормовой ветер с непривычными для паровых моряков парусами.

Читатели рассказов, впервые знакомясь с автором, вполне могут подумать, что Ефремов – профессиональный моряк.

В романе «Лезвие бритвы» Ефремов мастерски описывает путешествие на яхте в Атлантическом океане и приключения водолазов у западных берегов Южной Африки, в дилогии «Великая дуга» – плавание древних египтян по Красному морю и Индийскому океану, плавание греков по Средиземному морю.

Венчает этот морской ряд, безусловно, «Катти Сарк» – история корабля, который воплотил в себе многовековой опыт кораблестроения и опыт человека в борьбе со стихией:

«Шторм установился в одном направлении. Клипер нёсся сквозь бушующий океан, словно заколдованный. Гривастые водяные горы вздымались вокруг, угрожая задавить судно своей тяжестью, но не могли даже захлестнуть палубу, обдаваемую только брызгами. Серые разлохмаченные облака с огромной скоростью бежали по небу, обгоняя “Катти Сарк”.

Видимость сократилась. Океан не казался беспредельным и стал похож на небольшое озеро, замкнутое в свинцовых стенах туч и изборозждённое гигантскими волнами. Слева начал подниматься вал непомерной вышины. Тёмная зловещая бездна углублялась у его подножия. Вал рос, приближался, заострялся. Вот уже совсем навис над палубой “Катти Сарк” его заворачивающийся вниз гребень. В долю секунды клипер взлетел на него, лёгкий и увёртливый. Чудовище исчезло, подбросив корму своим последним вздохом. Волшебница Нэн плясала на волнах, и угнетающая сила бури не имела над ней никакой власти».

Глава третья. Юность (1924–1928)

Однажды капитан Гоп, увидев, как он мастерски вяжет на рею парус, сказал себе: «Победа на твоей стороне, плут». Когда Грэй спустился на палубу, Гоп вызвал его в каюту и, раскрыв истрёпанную книгу, сказал:

– Слушай внимательно! Брось курить! Начинается отделка щенка под капитана.

А.С. Грин. Алые паруса

В университете

– Ну-с, что вы, Иван Антонович, теперь намерены предпринять? – вежливо-бесстрастно спрашивал Сушкин, но в глазах у него горели весёлые искорки.

– Учиться в университете. Это ничего, что учебный год начался, я догоню. Только...

Пётр Петрович сел за стол и обмакнул перо в чернильницу.

С запиской Сушкина Ефремов обратился к ректору Ленинградского университета Николаю Севастьяновичу Державину, филологу и историку, и был зачислен вольнослушателем на биологическое отделение физико-математического факультета. Через год Ефремов числился уже студентом.

В душе теснились воспоминания об Охотском море. Юноша словно всё ещё слышал, как поёт такелаж при приближении шторма, ощущал, как дрожат руки после тяжёлой вахты. Привычная с детства Троицкая улица казалась Ивану тесным тёмным ущельем. Спеша по утрам в университет, Иван специально задерживал шаг на мосту, чтобы впитать в себя невский простор.

Трёхэтажное здание Двенадцати коллегий, торцом выходящее на Неву, длинное, составленное из двенадцати ритмично повторяющихся фасадов, напоминало Ивану лекционные часы – они тянулись невыносимо долго, темы разных лекторов порой повторялись, переключались, и надо было только прилежно внимать, а юноше хотелось самостоятельного действия.

Когда-то здесь заседали министры, члены Сената и Синода, корпели над бумагами чиновники с протёртыми локтями. Вот уже больше ста двадцати лет храм чиновников превращён в храм науки. Но после революции и Гражданской войны строгий ритм университетской жизни нарушился. Преподавателей не хватало. Изменились студенты – исчезли форменные фуражки и тужурки, никто уже не подкатывал к подъезду на рысаках, но в глазах молодых – жажда знаний.

Однажды в группе зашёл разговор о значении одежды. В пылу дискуссии Иван сказал, что может на спор пройти по Республиканскому (ныне Дворцовому) мосту во фраке и цилиндре.

Костюм взяли в театральном гардеробе, и в назначенный день товарищи издали наблюдали, как по мосту шествовала высокая фигура во фраке и цилиндре.

Милиционер, стоявший на посту, чуть было не протёр глаза от удивления: что это за фрукт старорежимный здесь ходит?

– Предъявите документы, товарищ, – сказал он строго.

Иван протянул ему студенческий билет, так широко улыбаясь, что милиционер рассмеялся:

– Иди, студент!

В университете часто устраивались вольные диспуты и философские дискуссии, где молодёжь обсуждала различные вопросы марксистской философии, обсуждала вопросы диалектики, системы Гегеля и Канта. Ефремов и его товарищи читали и конспектировали «Анти-Дюринг» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ефремов воспринимал как прямое продолжение «Происхождения видов» и «Происхождения человека» Дарвина.

Интерес был горячим и искренним: в начале нового пути, пути в коммунистическое будущее, было так важно понять законы этого пути, осознанно сформировать своё мировоззрение – на научной основе.

Мирочувствование, мироощущение присуще человеку от рождения, мировосприятие закладывается традициями окружающей среды, миропонимание скорее стихийно, чем продуманно. Мировоззрение – высшая ступень осознания действительности, чтобы подняться до него, надо постоянно исследовать жизнь в самых разнообразных её проявлениях.

В дискуссиях остро проявлялась личность каждого участника, и Иван учил себя не захлебываться в горячке спора, что было нелегко.

Победа в дискуссии не отменяла упорных занятий.

Многие отрасли науки были уже знакомы Ефремову – он в душе благодарил Петра Петровича за подбор книг, которые академик обязал его прочитать. Это позволяло не ходить на все лекции, но давало возможность рьяно трудиться над лабораторными заданиями.

Основы биологии не вдохновляли на подвиги, но Иван твёрдо знал, что бесполезными они не будут.

Необычная история произошла со сдачей анатомии человека. Дмитрий Иванович Дейнека, заведующий кафедрой гистологии, для сдачи зачёта пригласил группу студентов к себе домой.

– Ну-с, господа-товарищи, сообщите мне, какой именно раздел анатомии намерен сдавать каждый из вас.

Из всей группы лишь Ефремов сказал, что намерен сдавать весь предмет.

– Вы хотите сказать, что серьёзно относитесь к науке? Что ж, проверим.

Профессор отпустил остальных, поставив им зачёты, и до вечера гонял Ивана по всем разделам анатомии. В конце концов сначала раскрасневшийся, а затем и вспотевший Ефремов зачёт получил, на всю жизнь усвоив предмет. Спустя десятилетия он не раз удивлял осматривавших его врачей, когда давал им комментарии на латыни.

Из университета Иван направлялся в музей. Там Сушкин вновь созывал летучие митинги возле какого-нибудь необычного биологического объекта.

Однако деньги, заработанные старшим матросом Ефремовым, кончались.

«Стипендии мне не досталось – их было очень мало. Пришлось снова браться за неквалифицированный труд.

Дело пошло несравненно легче. Во-первых, тогда студенты не обязаны были посещать лекции, лишь бы своевременно обрабатывали лабораторные задания и сдавали зачёты. Во-вторых, были организованы студенческие рабочие артели, прикреплённые к разным организациям, подбиравшим им работу полегче и поприбыльнее.

Я вступил в студенческую артель из самых здоровых ребят, которая работала в Ленинградском порту. Механизация порта была ещё невысокой, порядочная доля погрузки шла на плечах и на тачках. Особенно выгодна была погрузка соли – девятипудовые кули посильны не каждому, – а также катание дубовой клёпки. Мокрая, она составляла на тачке очень тяжёлый груз, обращаться с которым на узких и гнущихся досках-трапах – целое искусство.

Мы зарабатывали при удаче до девяти рублей в день. Двухнедельная работа обеспечивала два месяца безбедного, по тем студенческим меркам, житья. Само собой разумеется, что так зарабатывать могли только сильные, закалённые люди. Другие же, более слабые ребята,

сторожили по ночам склады, расчищали замусоренные пустыри. Зарабатывали они, разумеется, меньше. На одной из таких работ, взявшись вместе с товарищами построить ограждение вокруг чьего-то капустного огорода, я едва, как говорится, не “отдал концы”: исцарапал ржавой проволокой руки, заразился столбняком. <...>

...В то времястроек в городе почти не было. Если и случались, то на них не было отбоя от постоянных квалифицированных строителей. Я был одно время секретарём комиссара по какой-то практике. Мы сами, студенты, распределяли места на практику. Это был более серьёзный вопрос, чем сейчас может показаться, потому что для нестипендиатов два-три месяца летней практики, то есть оплачиваемой работы по своей или близкой специальности были не только возможностью подкормиться, но и материально обеспечить себя хоть на часть следующего учебного года. Если бы вы видели, сколько слёз сопровождало каждое распределение путёвок на летнюю практику, тогда вам стало бы ясно нелёгкое положение студенчества в начале НЭПа, в только что начинавшейся строиться Советской стране»⁴¹.

Весной Иван встретил знакомого механика и узнал, что на пивзаводе «Красная Бавария» требуется шофёр: «К концу первого года обучения в ленинградском университете я получил постоянное место шофёра ночной смены на пивном заводе и среди студентов стал богачом с постоянной зарплатой от пятидесяти до шестидесяти рублей в месяц»⁴². Однако это “богатство” мне не принесло никаких сбережений на будущее. Товарищи вокруг жили так бедно, что я не мог не помочь им. В неизбежном результате мой “высокий” заработок позволял лишь иногда покупать книги. Всё остальное расходилось по рукам и, конечно, безвозвратно»⁴³.

Именно на эти годы приходится увлечение Ефремова футболом и академической греблей. Гребные базы в Ленинграде были на островах. Скольжение лодки по чистой воде, свежая зелень на берегах, радостная игра сильных мускулов давали ощущение слияния с природой.

Сложное впечатление оставляла в душе быстротекущая современность.

В двадцатые годы в Ленинграде существовала организация под названием «Всероссийская академия материальной культуры», её сокращённо называли Всеросакматеркуль. Аббревиатура произвела на студента неизгладимое впечатление. Когда хотелось отвести душу, высказаться крепко по поводу того-то и того-то, а приличия не позволяли, на ум приходило именно это сокращение⁴⁴.

⁴¹ Ефремов И. А. Путь в науку. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 269–270.

⁴² Оклад академика АН СССР в 1925 году составлял 50 рублей в месяц.

⁴³ Ефремов И. А. Путь в науку. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 270.

⁴⁴ В романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» Веда Конг ведёт археологические раскопки «Ден-оф-куль» (буквально с англ. «Берлога куль[туры]»). Возможно, название появилось под влиянием указанной аббревиатуры, считает исследователь творчества Ефремова А.И. Константинов.

Кызыл-Агачский залив и навигация на Каспии

Постоянные читатели иллюстрированного журнала охоты и рыболовства «Охотник» в одиннадцатом номере за 1925 год встретились с новой фамилией: И. Ефремов. Статья занимала два небольших столбца, но для Ивана она была важной вехой: это была его первая научная публикация. Приведем её целиком:

«Ещё о защите Закавказских зимовок.

Прочтя статью проф. Головнина («Охотник», № 2), и заметку И.С. Богомолова («Охотник», № 6-7), считаю долгом высказать своё мнение. Этим летом я как раз был командирован в Азербейджан⁴⁵, в Ленкоранский и Кызыл-Агачский районы, для зоологических исследований и, между прочим, для обследования мест, пригодных для заповедника.

Проект заповедника в Ленкоранском районе давно уже возник в Отделе Охраны Природы, в Главнауке. И прежде чем говорить о получении средств на устройство заповедника, следует подробно и точно осветить вопрос о размерах его и условиях местности, в которой будет устроен заповедник. Тогда более или менее выяснится, какая сумма понадобится на устройство и содержание заповедника и может быть поднят вопрос о получении нужной суммы. Конечно, говорить о необходимости заповедника не приходится. Если взглянуть на карту пролётных путей, станет ясно, что заповедник должен быть устроен или в Ленкоранском, или [в] Кызыл-Агачском районе. Пролётных путей из СССР можно считать два. Один по УССР (станция запов. Аскания-Нова) через Румынию и т. д. в Африку, а другой из РСФСР и Сибири через Астрахань (станция – Астраханский запов.) и по западному побережью Каспия в Ленкорань. Западное побережье Каспия от Махач Калы до Сальян неблагоприятно для водоплавающей и болотной дичи, вследствие наличия больших, выжженных солнцем пространств, где птицам негде укрыться. И масса летящих птиц, измученных долгим пролётом, в колоссальном количестве скопится среди роскошной растительности, в мягком климате болот и озёр Ленкоранского и Кызыл-Агачского районов. Таким образом, (считая и заповедники РСФСР) мы, с созданием Ленкоранского заповедника, имеем непрерывную линию заповедников от начала и до конца пролёта. С учреждением орнитостанции в заповеднике мы получим громадную пользу в смысле статистического учёта, кольцевания и изучения биологии наших птиц при том колоссальном количестве птицы, скопляющейся здесь. Мне приходилось, напр., видеть стаи короваек⁴⁶ по 1000–1500 штук на небольшом участке. Охотниками-промышленниками здесь набивается невероятное количество дичи – нередко 100–200 штук в день на ружьё. Но главная опасность грозит не с этой стороны. Наркомземом АССР намечены и уже начаты оросительные работы (проводка воды из озёр на Мугань), покамест в Зернан-Галинском районе. Легко видеть последствия. С высыханием озёр и заболоченных пространств камыши исчезнут, и птицы, принуждённые скучиться на ещё меньших пространствах, частью будут перебиты, частью уйдут зимовать в Африку или др. троп. страны. Значение Ленкоранского и Кызыл-Агачского районов как мест зимовок сведётся до минимума. А нельзя забывать, что Ленкоранский и Кызыл-Агачский районы как по богатству своей орнитофауны, так и по сконцентрированности зимовок северных охотничьих птиц не имеют себе равных во всём СССР. Всеохотсоюзу⁴⁷ и Отделу Охраны Природы нужно обратить на это самое серьёзное внимание. Мною сейчас разрабатывается про-

⁴⁵ Так в тексте.

⁴⁶ Коровайка или каравайка – *Falcinellus igneus*, птица из семейства ибисовых темно-бурого цвета, широко распространенная на юге России.

⁴⁷ «Всесоюзный кооперативный союз охотничьего промысла», или «Всероссийский союз промыслово-охотничьих кооперативов».

ект заповедника в Ленкоранском районе и, возможно, что он вскоре будет напечатан вместе с описанием охотничьих животных и птиц Ленкорани. На основании моих исследований я нахожу, что устройство и содержание заповедника с орнитостанцией не потребует значительных затрат благодаря хорошим естественным условиям. Всех интересующихся устройством заповедника прошу за разъяснением обратиться ко мне – Ленинград, Троицкая, 23, кв. 4, И.А Ефремову, – с удовольствием постараюсь дать нужную справку. Горячо желаю, чтобы Всесоюзный союз обратил внимание на идею заповедника в Азербайджане».

...В Ленкорань Ефремова отправил Сушкин. Для изучения будущей территории заповедника и сбора орнитологической коллекции нужен был молодой энергичный сотрудник.

Сушкин представил Ефремова академику Владимиру Леонтьевичу Комарову⁴⁸, прославленному географу и ботанику, исследователю Туркестана, Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи. Комаров был знаком с директором биостанции в Ленкорани и написал для него рекомендательное письмо:

«Предъявитель сего И. А. Ефремов едет в Талыш для зоологической работы. Не можете ли Вы дать ему указания насчёт опорных пунктов и способа передвижения в этой замечательной стране. Помощь Ваша очень важна и наверное будет оценена по достоинству. Молодой человек – настоящий тип начинающего учёного.

Преданный Вам В. Комаров. 1 июня 1925 г.»

Такая рекомендация академика Комарова дорого стоила! Иван несколько раз, как заклинание, повторял: «Молодой человек – настоящий тип начинающего учёного». Лестно, но обязывает ко многому. И ему по-мальчишески хотелось во что бы то ни стало соответствовать этой характеристике.

Иван с энтузиазмом отправился в путь, тем более что ему предстояло встретиться с новым для него морем – Каспийским.

Пассажиры бакинского поезда были совсем не похожи на пассажиров поезда дальневосточного. Азербайджанцы, персы, армяне, грузины – все они были пёстро одеты, громко разговаривали, смеялись и постоянно пили чай, наливая его в пиалы из круглых больших чайников.

В жёлтом, прокалённом солнцем и пронизанном горячими ветрами Баку Иван не задержался надолго. Он поспешил на пристань, где нашёл небольшой корабль, направляющийся в Ленкорань, от которой рукой подать до Ирана. Каспий встретил путешественника крутой волной, но только когда на горизонте окончательно скрылся Апшеронский полуостров, Иван ощутил себя в море. Ему казалось, что он знаком с Каспием необыкновенно давно – так явственно представлял он себе это гигантское озеро по рассказам Лухманова, проплававшего здесь не один год.

Ленкорань заметна издали по суровым и печальным развалинам крепости на горе. Здесь русскими войсками был совершён подвиг, полузабытый в России потому, что пришёлся на время другой великой войны. Когда войска Кутузова гнали армию Наполеона из России, в Закавказье продолжалась война с Персией, причём персы, пользуясь войной на территории России, усилили натиск. В декабре войско молодого генерала Петра Степановича Котляревского подошло к крепости Ленкорань, которую занимал четырёхтысячный персидский гарнизон. После пятидневной осады 1 января 1813 года отряды Котляревского, уступая в численности персам, пошли на приступ. После трех часов штурма крепость пала, но Петр Степанович был тяжело ранен в челюсть и уже никогда не смог воевать. Война с Персией завершилась победой России.

⁴⁸ В честь В. Л. Комарова, президента АН СССР в 1936–1945 годах, назван посёлок Комарово Ленинградской области (бывший Келломяки), где был построен дом отдыха Академии наук.

Иван без труда нашёл в маленьком городке с единственным двухэтажным зданием биостанцию, где ему дали проводника, и купил по его совету на базаре тюбетейку.

Вечером перед намеченным выходом Иван решил забраться на гору, увенчанную крепостной стеной с двумя сохранившимися башнями. Как же тяжело было подняться сюда под огнём противника солдатам дерзкого тридцатилетнего генерала!

Отдышавшись, Ефремов огляделся. На востоке дымчатым опалом блистало море. К югу хребты Талышских гор подступали к Каспию, там с вершин по крутым уступам ущелий неслись к морю бурлящие речки. На севере и северо-западе простиралась уже утопающая в вечернем сумраке низменность с рисовыми и овощными полями, фруктовыми садами, с многочисленными озёрами, заросшими камышом, за которыми впадала в Каспий мутная Кура.

Туда, на север, и отправилась маленькая экспедиция.

Ефремов с проводником исходили все берега Большого Кызыл-Агачского и Малого Агачского заливов. Первый состоял из двух больших мелководных заливов и косы между ними. Он почти не связан с морем и опреснён водами впадающих в него рек. Бродя по низким влажным берегам, путешественники часто едва продирались через сплошные заросли ежевики, тамариска и высоченных тростников. Прекрасные уголья для водоплавающих птиц!

Вода в Малом Агачском заливе, соединённом с Каспием, оказалась солёной и очень тёплой. В ней водилось множество мелких рачков и других беспозвоночных, которыми круглый год питались морские утки и фламинго. Затаив дыхание, наблюдал Иван за этими диковинными птицами.

Вдоль моря на полоске берега шириной в три-четыре километра и длиной в тридцать километров тянулись солончаковые луга, которые после дождей превращались в мелководные озёра, которые здесь называли разливами.

Чаще всего путешественникам на глаза попадались белые цапли – на них Иван по просьбе Сушкина обращал особое внимание. В тростнике, скрытые от глаз, пели камышовки. Голос чёрного петушка турача слышался из кустов ежевики. Резко кричали чайки. Вскидывая головы, закидывали себе в мешок рыбу пеликаны. Над разливами кружили ястребы и орланы-белохвосты.

Болотные черепахи выходили на сушу, чтобы погреться на солнцепёке. Несколько раз дорогу пересекали семьи кабанов с полосатыми поросятами. Водились здесь волки, шакалы, барсуки, лисицы, водяные крысы и камышовые коты.

Выполнив задание Сушкина по сбору орнитофауны и подготовив схему будущего заповедника, экспедиция вернулась в Ленкорань. Уже через год Большой Кызыл-Агачский залив объявили охотничьим заказником, а в 1929 году здесь был создан заповедник.

На несколько дней Ефремов выбрался в Талышские горы. Его поразила могучая растительность гор: смыкались кронами высокие каштанолистные дубы, срастающиеся ветвями железное дерево, кавказский граб. Стволы были обвиты лианами, под пологом рос самшит. Восхищало обилие дикорастущих плодовых деревьев: алычи, айвы, кизила, ореха, яблонь, груш, граната. В зарослях папоротника прятались дикобразы и каменные куницы, высоко держали головы пугливые косули, неслышно подкрадывались к ним леопарды и полосатые гиены.

Однако Иван заторопился назад, в Ленкорань. В конце XIX века этот город не имел своего порта: суда останавливались на открытом рейде в полуверсте от берега, а к кораблю устремлялись плоскодонные лодки – киржимы. После работ по углублению дна и постройки порта важную роль стала играть лоцманская дистанция, работники которой обеспечивали безопасность плавания. От гидрографического катера требовалось обследовать рельеф дна, делать промеры глубин и другие гидрографические измерения, обслуживать средства навигационного оборудования – ремонтировать буи и береговые знаки на дистанции.

До октября Иван Ефремов командовал гидрографическим катером Ленкоранской лоцманской дистанции УБЕКО⁴⁹ Каспийского моря в чине старшего матроса. После плавания на «III-м Интернационале» служба на Каспии сначала казалась сплошным праздником. В морском бушлате, в фуражке с кокардой – серп и молот над якорем, с трубкой в зубах – он хотел ощутить себя настоящим семнадцатилетним капитаном. Душа летела навстречу волнам, но ум продолжал работать, и откуда-то исподволь подступала странная неудовлетворённость. До книг, которые взял с собой Иван, не доходили руки – добравшись до койки, от усталости юный капитан засыпал мгновенно.

Как возликовал Иван, когда ему принесли телеграмму от Сушкина! Всего три слова: «Предлагаю место препаратора» – заставили его отплясывать дикую джигу на палубе старого катера. Он тут же телеграфировал согласие.

⁴⁹ УБЕКО – управление безопасностью кораблевождения. Служба подчинялась ГПУ Азербайджанского ЧК.

Сотрудник Геологического музея

Ещё только подходя к Республиканскому мосту, Иван кинул взгляд на ансамбль Стрелки Васильевского острова и был поражён. Вот торцом – университет, справа – Академия наук. Но что-то не так, как было ещё весной, Академия – вроде и не Академия. «Старушка» стоит как новенькая: побелена, подкрашена, почищена!

Возле неё стояли бараки-мастерские, которые безобразили набережную. Их нет! Фасады всех окружающих зданий приведены в парадный вид. Подходя ближе, Иван заметил ещё одну перемену: на обновлённых тротуарах и мостовых не было травы! За годы войн и разрухи, когда по Стрелке не было почти никакого движения, дороги заросли. Теперь трава была тщательно выполота. С площади возле здания Биржи исчезли склады стройматериалов. Вот и музей – бывшая Петровская таможня. Он тоже обновлён и покрашен.

Значит, юбилей действительно проходил с размахом!

Иван из газет знал, что в сентябре 1925 года Академия наук с размахом отметила свое двухсотлетие. Событие получило политическую окраску: наука помогала вывести страну из международной изоляции. Чтобы не ударить в грязь лицом перед именитыми иностранцами, правительство выделило деньги на срочный ремонт не только здания Академии, но и всего прилегающего квартала. Были обновлены многие экспозиции, оборудованы новые выставки. На стене парадной лестницы в Академии было вмонтировано мозаичное панно Ломоносова «Полтавский бой», которое до этого тридцать пять лет простояло в проходной комнате Академии художеств. Залы Академии были обставлены прекрасной мебелью и цветами. Всем служащим пошили новые форменные костюмы. Молодая республика была бедной, но гордой – гостей встретили с достоинством.

Юбилей отшумел, но Академия перестраивалась на новые рельсы: теперь она уже не была только Российской – она стала Академией наук СССР. Изменение в названии отражало структурные изменения: если раньше это было учреждение для «первенствующего научного сословия», то теперь Академия превращалась в разветвлённую систему научно-исследовательских институтов, работа которых должна быть связана с народным хозяйством, иметь не только теоретическое, но и прикладное значение. Расширялся штат, позже стали выделяться самостоятельные институты.

Музей Академии разделился на два самостоятельных музея: Геологический и Минералогический. Теперь Ефремову не нужен стол в кабинете Сушкина – у него, научно-технического сотрудника Академии наук СССР, появилось своё рабочее место. Сушкин уже не просто наставник – они вместе делают общее любимое дело.

Учреждение Кызыл-Агачского заказника – для Ефремова первая победа, для Сушкина – доказательство его проницательности. Он не ошибся в выборе. Этот юнец способен видеть проблему широко и, не упуская мелочей, двигаться к крупным обобщениям.

Сушкин с гордостью провёл Ефремова по обновлённым экспозициям музея. С особенным чувством учитель вошёл с Иваном в зал, где были выставлены птицы, добытые в алтайских экспедициях. На стене нарисовано живописное панно «Монгольский Алтай», чтобы посетитель сразу видел, где, в каком ландшафте обитают подобные птицы. На стремянке стоял с кистью невысокий, суховатый бритый человек, быстрыми и точными движениями что-то поправлявший в рисунке. Выставки обновлялись в спешке, чтобы всё было готово к приезду гостей. Панно было готово в целом, но художник видел недоделки и задержался в музее, чтобы довести работу до конца.

Увидев Сушкина, он спустился вниз.

– Это наш новый сотрудник, Иван Антонович Ефремов, – представил спутника академик. – А это Григорий Иванович Гуркин, замечательный алтайский художник. Только он умеет так виртуозно писать великие сибирские горы.

Почти двадцать лет спустя, в первом номере журнала «Техника – молодёжи» за 1944 год, будет опубликован рассказ Ефремова «Дены-дерь» – «Озеро горных духов».

«...Всмотревшись в его желтоватое монгольское лицо, я заметил сильную проседь в торчащих ёжиком волосах и жёстких усах. Резкие морщины залегли в запавших щеках, под выступающими скулами и на выпуклом высоком лбу», – так опишет в этом рассказе Ефремов художника Чоросова, прототипом которого в рассказе стал Григорий Иванович, прибавивший к своей фамилии родовое имя – Чорос-Гуркин.

Гуркин протянул руку высокому парню в азиатской тибетейке со сдержанной вежливостью, но восхищение юноши красотой панно было таким искренним, что художник стал приветливее.

Опытный художник и начинающий учёный ещё не раз встречались в музее, беседовали неспешно. Григорию Ивановичу было тогда 55 лет. Потомок теленгитского хана, несущий в себе представления и верования алтайских племён, он был глубоко вживлён в русскую культуру. Иван Иванович Шишкин пригласил молодого алтайца, не принятого в Академию художеств, работать в своей личной мастерской. Восемь месяцев трудился Гуркин бок о бок с прославленным пейзажистом. В марте 1899 года Шишкин умер на руках у своего ученика. После этого Григорий Иванович был зачислен в пейзажный класс Академии художеств.

Петербуржцы воспринимали Гуркина как сибирского художника. Григорий Иванович участвовал в выставках Императорского общества поощрения художеств, секретарём которого с 1901 года был Николай Константинович Рерих.

Романы Ефремова наполнены упоминаниями о художниках и скульпторах, о любимых картинах и статуях. Может быть, именно строгий алтаец пробудил в страстном юноше любовь к искусству?

Немногословные рассказы Гуркина об особо замечательных местах Алтая врезались в память Ивана, поражённого острой наблюдательностью собеседника. Возможно, именно тогда запала в память Ефремова история о встрече с озером горных духов, которая годы спустя превратилась в дивными красками переливающийся рассказ.

Картина «Озеро горных духов», написанная в 1910 году, была так популярна, что Гуркин сделал с неё несколько автокопий. Одну из них художник привёз с Алтая, где он жил, в Ленинград. Иван запомнил все малейшие оттенки красок, все чёрточки и детали. Это и помогло ему по памяти создать великолепное словесное описание картины.

В 1960-х годах в академическом санатории «Узкое», где отдыхал Ефремов, он обнаружил на стене перед душевыми комнатами – «Озеро горных духов»! Не веря своим глазам, он подошёл поближе. Вот подпись: «Гуркин». Он, уже создавший свой знаменитый рассказ, обнаружил автокопию картины, сделанную в 1915 году для народовольца и учёного Н.А. Морозова⁵⁰. Словно привет из далёкого двадцать пятого года донёсся до Ефремова.

Чорос-Гуркин будет незримо присутствовать в жизни Ефремова. Через год художнику предстоит стать проводником экспедиции инженера-геолога Н. Н. Падурова, которого правительство отправит на Алтай – проследить за маршрутом Трансгималайской экспедиции Н. К. Рериха.

⁵⁰ По словам Т.И. Ефремовой, Иван Антонович обратился к академику А.Л. Яншину с просьбой обратить внимание на полотно. Картину реставрировали, но плохо. Данная автокопия в настоящее время по-прежнему хранится в санатории «Узкое».

«Всё вокруг первобытно, грандиозно и величаво: могучим кольцом раскинулись и ушли в беспредельную даль горы. Мягкие линии сдвинулись одна за другую, смешались в лабиринте очертаний и замкнулись в неуловимой дали воздушной лазури.

Какой везде простор и какая мощь!

Это ты, заколдованный, угрюмый, царственный Алтай!..

Это ты окутался туманами, которые, как мысли, бегут с твоего чела в неведомые страны...

Это ты, богатырь, дремлешь веками, сдвинув свои морщинистые брови, и думаешь заветные добрые думы...

И вот, вреди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих тёмных лесов, по нежным, благоухающим цветам долинам, по золотому дну Алтая, течёт изумрудная река-красавица Катунь. Глубоко врезалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извилась голубою лентой. Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом, течёт впереди...

И нет, кажется, никакой силы, могущей остановить её течение, нет преград её стремлению и могучему бегу...

Так воспевал Алтай Чорос-Гуркин в своём стихотворении в прозе⁵¹.

А вот слова из путевого дневника Н. К. Рериха:

«Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты?»

В 1937 году пожилого алтайского художника обвинят в национализме и арестуют, он погибнет при невыясненных обстоятельствах. Два десятилетия его имя будет под запретом. Но рассказ Ефремова «Озеро горных духов» разобьёт цепь забвения.

...В двадцать пятом, занимаясь кропотливой препараторской работой, Иван ощущал себя в центре огромного котла, где бурлит молодая жизнь, где открытия, кажется, лежат совсем рядом – стоит лишь руку протянуть.

Зримым и близким спутником и сотрудником Ефремова на много лет станет Ян Мартынович Эглон – резчик по дереву, скульптор, который влюбился в палеонтологию и стал замечательным работником, незаменимым в музее: он делал из гипса и вытачивал из дерева недостающие части скелетов так, что их было невозможно отличить от настоящих, виртуозно монтировал скелеты. Ян Мартынович стал героем шуточного стихотворения Быстрова «Копролит»⁵².

Позже Эглон превратился в опытного раскопщика. Ему было около тридцати, а Ивану не исполнилось ещё и восемнадцати, но они быстро сдружились: весёлые, прямые, энергичные, они любили науку и готовы были отдавать ей все силы.

Осенью 1925 года Иван подал заявление о переводе его с биологического на геологический факультет Ленинградского университета. Решение комиссии было утвердительным, но продолжить занятия означало оставить работу, которая давала средства к существованию. К тому же надо было деньгами помогать матери. Университет пришлось покинуть – до 1930 года.

Итак, Ефремов стал «научно-техническим сотрудником Геологического музея» – так официально называлась его должность.

В музее располагалось несколько препараторских – у каждого отдела своя. Кораллами и раковинами моллюсков занимались в препараторской при отделе беспозвоночных. При

⁵¹ Чорос-Гуркин Г.И. «Алтай и Катунь».

⁵² <http://iae.newmail.ru/Bystrow/coprolit.htm>

остеологическом отделении освобождали от породы кости древних млекопитающих, пропитывали их скрепляющими растворами, склеивали обломки.

Препараторы Северо-Двинской галереи, к которым присоединился Ефремов, обрабатывали коллекцию ящеров, собранную Амалицким. На стеллажах, столах и на полу лежали сотни конкреций, в которых были заключены кости древних рептилий и амфибий. Трудность заключалась в том, что порода конкреций была более плотной, добывать из камня хрупкие кости – работа кропотливая и трудоёмкая. Чтобы извлечь из камня кость, приходилось изошряться – работать то молотком, то зубилом, то тонкими шилами. Вскоре после прихода Ефремова в Германии были закуплены специальные электрические машины для обработки камня, похожие на стоматологические аппараты с тонкими свёрлами.

Ивану было у кого поучиться – вместе с ним над конкрециями корпели препаратор из Варшавы Людвиг Кириллович Гадомский, работавший ещё под руководством Амалицкого, Иосиф Васильевич Кнырко и Максим Кузьмич Кузьмин. В 1926 году мастерская обработала 79 групп конкреций. 59 из них очистили Кнырко с Гадомским, 20 – Ефремов с Кузьминым. Дело не в меньшем прилежании: несколько месяцев Иван провёл в экспедициях.

Тургайские раскопки

К весне 1926 года сотрудники института начали готовиться к экспедиции в Тургайскую степь. До революции раскопки на реке Джиланчик и на берегу солёного озера Челкар-Тениз⁵³ велись несколько лет и стали самыми масштабными после Северодвинских раскопок Амалицкого. Однако они были прерваны войной и разрухой.

С новой энергией палеонтологи взялись за продолжение исследований. 25 апреля экспедиция под руководством геолога и палеонтолога Михаила Викентьевича Баярунаса отправилась в путь. Кроме самого Баярунаса, опытными раскопщиками были научный сотрудник института Елизавета Ивановна Беляева, худенькая женщина лет тридцати с гладко зачёсанными волосами, и препаратор Михаил Гаврилович Прохоров, который своей работой приблизил не одно научное открытие. Под стать плечистому Баярунасу оказались рабочие Пискарёв и Шалин. На их фоне юные препараторы Кирклиссов и Ефремов смотрелись совсем мальчишками. Однако Иван не хотел смириться с ролью юнца: водрузив на бритую голову ленкоранскую тюбетейку, на привалах он, как бывалый моряк, раскуривал трубку.

На поезде прибыли в Орск. Оттуда маленький отряд повернул на юго-восток по старинному почтовому тракту, ведущему в Ташкент и хорошо заметному в степи благодаря телеграфным столбам.

2 мая добрались до городка Иргиз, что на правом берегу одноимённой реки. В поселении, застроенном маленькими глинобитными домиками, едва насчитывалось две тысячи жителей. Местность вокруг выглядела совершенно пустынной, лишь редкие семьи кочевых киргизов встречались возле рек, теряющихся среди цветущих весенних степей волнистой равнины. В городке базой экспедиции стал глинобитный дом в четыре окна, с высокими ступеньками, со стоящей рядом телегой, на которой была закреплена внушительная бочка с водой.

На реке, в камышах, гнездилось много уток. Вооружившись до зубов, brave охотники отправились «погулять, серых уток пострелять». Разжились ли тогда дичью – история умалчивает, а вот фотографии сохранились.

В Иргизе наняли переводчика и девятерых рабочих-киргизов (так тогда называли казахов). Баярунас говорил, что городские киргизы более работающие, чем степные, и привычны к земляным работам. Степные часто даже не представляют, как надо обращаться с лопатой.

Пять арб, запряжённых быками, составили внушительный караван, двинувшийся 21 мая по тракту к урочищу, именуемому Могилой Ботабая. В поводу шла верховая лошадь, необходимая для разведки местности.

«В той экспедиции, – рассказывала Таисия Иосифовна Ефремова, – они видели шаровую молнию. Почти бесцветный огненный шар плыл вдоль линии деревянных телеграфных столбов – и по мере его продвижения столбы исчезали один за другим. Ефремов хотел стрелять в шар из ружья, но бывший рядом начальник экспедиции сказал ему, чтобы он этого не делал. Возле очередного столба молния взорвалась. Потом они собрали оплавленный грунт на месте взрыва и передали в профильный институт»⁵⁴.

По дороге Михаил Викентьевич Баярунас (ему было слегка за сорок) рассказывал молодёжи историю открытия Тургайских местонахождений. По должности он был старшим учёным хранителем Геологического и Минералогического музеев Академии наук, по духу – подлинным хранителем истории палеонтологических открытий. Восемнадцатилетний Иван

⁵³ Река Джиланчик на современных картах именуется Улу-Жыланшык, а озеро Челкар-Тениз – Шалкар-Тениз. Они находятся в Актюбинской области Казахстана.

⁵⁴ Записал А.И. Константинов.

слушал старшего товарища и завидовал студенту Гайлиту, нашедшему в 1912 году на реке Джиланчике, западнее холмов Кара-Тургая, слои, богатые остатками носорогов и мастодонтов.

В 1913 году Гайлит, командированный на открытое им самим местонахождение, совершил непростительный с точки зрения академической науки проступок. От киргизов, нанятых в качестве рабочих, он услышал про скопления гораздо более крупных костей на берегу солёного озера Челкар-Тениз. Киргизы верили, что на озере была большая битва великанов.

Гайлит увлёкся рассказами степных людей и повернул экспедицию.

«Я бы тоже так поступил!» – думал Иван. Синица в руке – хорошо, но тот не охотник за ископаемыми, кто не мечтает поймать настоящего журавля! Однако до места битвы великанов Ивану нужно было ещё добраться.

По мере продвижения отряда Баярунаса на юго-восток местность менялась. За мелководным Иргизом, через который переправились вброд, зеленеющие свежей травой просторы сменились серебристо-сизой полынной степью. Глинистая почва пошла трещинами, такими глубокими, что в них по колено проваливались ноги быков. Трудно было представить, что когда-то в этих краях шумели буковые леса...

Иргиз заметно замедлил свой бег, будто задумался: а стоит ли ему спешить на встречу с более резвым и полноводным братом – Тургаем? Тургай течёт с северо-востока на юго-запад, и у величественного подножия Нуры две реки встречаются, чтобы частью потеряться в песках, частью наполнить водой бессточное солёное озеро Челкар-Тениз, что в переводе с казахского означает «Бескрайнее море». Когда-то озеро целиком заполняло впадину на юг от выступа Нуры, а в прежние времена соединялось с Аральским морем. Прежней, действительно бескрайней водной глади уже нет, и солёное озеро Челкар-Тениз предваряет цепочка пресных озёр, заполняемых водой Тургая. Здесь в изобилии водится водоплавающая птица.

В начале XX века Пётр Петрович Сушкин описал птиц озера Челкар-Тениз в работе «Птицы Средней Киргизской степи». Дно озера, рассказывал он, образовано солёной грязью, по которой можно идти разве раздевшись и очень быстро. Стоит остановиться, как неминуемо начнёшь погружаться. Довольно далеко от берега из воды торчат кое-где скелеты домашних животных, словно напоминание об опасности. Пётр Петрович хотел попасть на острова, но не мог: для лодки озеро слишком мелководно. Слепящая гладь обманывает: кажется, рядом много воды, а ни попить, ни искупаться невозможно...

Экспедиция следовала мимо покрытых тростником берегов Кум-Куля, Ай-Куля, Балакты-Куля, проехали Кыркудук и Талды-Сай. В закатных лучах алым пламенем горели обрывы Нуры, высшая точка которой – 233 метра над уровнем моря. Высота обрывов над уровнем впадины – около ста метров. Гигантский каменный выступ изрезан оврагами, которые заросли саксаулом и шиповником.

Наконец, назойливый скрип арб прекратился: экспедиция стала лагерем у родника, бьющего на дне ложбины. По сторонам возвышались слоистые, кое-где осыпающиеся песком стены.

Тринадцать лет назад Гайлит исследовал эти откосы, и удача улыбнулась студенту. Найденные им кости были длиной больше метра с четвертью, они встречались и цельные, и в обломках. Одно жаль – кости оказались необычайно хрупкими. Пришлось срочно изобретать способ их упаковки. Рабочие-киргизы брали мягкую глину, смешивали для прочности с травой и обмазывали каждую кость по мере её освобождения из песчаника толстым глиняным чехлом. Из привезённых досок по форме кости делали ящик, туда упаковывали глиняную болванку, а пустоты ящика забивали сухой травой. Гайлит пробыл на Челкаре всё лето, пока не кончились все отпущенные на экспедицию деньги. Поблизости не было ни одного села с почтовым отделением, и всё лето от экспедиции не было известий.

Вернувшийся Гайлит с торжеством заявил, что привёз целого мамонта. Но когда пришли ящики, стало ясно, что это не мамонт, а какое-то совершенно новое гигантское животное. С особым острым интересом – сигналом близости научного открытия – учёные приступили к препарированию костей.

Работа препараторов была необычайно кропотливой. Глина, которой обмазывали кости, по дороге растрескалась и грозила рассыпаться вместе с костью. Приходилось осторожно снимать слой глины, не вынимая кости из ящика, а затем склеивать и, пропитывая шеллаком, уплотнять обнажённую часть. Однако овчинка стоила выделки: готовый скелет индрикотерия пяти метров в высоту поражает каждого посетителя музея. До 20 тонн могли весить эти гиганты!

Безрогий носорог индрикотерий – крупнейшее сухопутное млекопитающее на земле. Индрикотерий питался ветками, как жираф, а во время засушливых сезонов обдирал кору с деревьев. Ноздри животного расположены высоко на черепе – это говорит о том, что у зверя был хобот, не слоновий, а, скорее, как у тапира.

В 1915 году А. А. Борисяк описал род индрикотериев. Но в экспедицию академик поехать не смог – здоровье не позволяло.

Эту местность географы недаром называют Тургайской столовой страной. На десятки, а то и сотни километров на запад и восток от реки Тургай простирается целая страна столовых гор. Когда-то здесь поднялось дно древнейшего моря, а потом по нему протекли бурные потоки воды, разрезав рыхлые породы глубокими ущельями.

30 мая 1926 года экспедиция Баярунаса начала раскопки на Нуре.

Лазая по крутым, часто отвесным склонам, хорошо изучать песчаные и глинистые слои третичных отложений. Однако сделать это непросто. Прочные, казалось бы, склоны осыпаются под ногами, пот заливает глаза, мучит жажда. Не раз и не два старшие товарищи посылали Ивана навстречу изнурённым разведчикам, которые не могли без подмоги дойти до лагеря с флягами свежей воды.

Костеносный слой лежал под мощной толщей – 10–12 метров – пустой породы. Заложили две площадки – в сумме 60 квадратных метров. Пустую породу приходилось снимать, прежде чем добраться до нужного слоя. Ивану немало пришлось поработать киркой. Затем костеносный слой осторожно снимался на глубину не более пяти сантиметров. При этом надо быть предельно внимательным, чтобы не пропустить мелкие кости, которые часто по цвету почти неотличимы от породы. Когда обнаруживается присутствие большой кости, кирку надо отставить в сторону. Породу вокруг кости снимают большим ножом с острым концом, сметая кисточкой или сдувая пыль. Когда форма кости определена, берётся молоток, чтобы обдолбить кость на расстоянии 10–15 сантиметров. Главное при этом – не повредить другие кости, которые могут находиться рядом.

Если кость достаточно крепкая, её вынимают; если нет, то осторожно очищают кость сверху и несколько раз пропитывают жидким столярным клеем. Препаратор старается не трогать кость кисточкой, а только тщательно капать с неё клеем. Иногда на то, чтобы кость просохла, требуется два дня...

Но и это не всё. Кость подкапывают снизу и закрепляют куском материи, пропитанной клеем. Затем эту материю обделывают гипсом или хорошо замешанной глиной. Кость, наконец, отделяют и отделённую часть так же закрепляют – клеем, материей, гипсом. Это способ добычи костей был совершенно новым, и ни одна кость не была повреждена по дороге в музей.

Обрывы Нуры хранили память не только об индрикотериях, но и об их соседях, например, крупных свинообразных – энтелодонах. Экспедициям разных лет, продолжавшим раскопки, удалось обнаружить здесь и более древние, чем индрикотериевые, слои с остатками рептилий, и более молодые – с фауной млекопитающих.

Когда источники пресной воды, бьющие из глубоких расщелин Нуры, начали пересыхать от беспощадного зноя, лагерь свернули, и отряд, обогнув Нуру с юга, повернул на запад и через высохшие под солнцем Аккольские степи перешёл на реку Джиланчик. Здесь раскопщики расширили площадки прошлых лет, соединив в одну отдельные ямы. Обнаружили кости носорогов, куски окаменелой древесины.

В книге «Дорога ветров» Ефремов так опишет ископаемый мир Тургайских степей: 35 миллионов лет назад здесь обитали млекопитающие олигоценового времени и простирались «обширные степи-саванны с отдельными группами и рощами высоких деревьев. Исполинские носороги – белуджитерии и индрикотерии – благодаря своему неимоверному росту могли питаться ветками и листьями этих деревьев и не зависели от выгоравших в конце сезона мелких растений. Одновременно с гигантами жило множество степных грызунов и насекомоядных, а также мелких хищников. Более редкими были саркастоны и эндрьюсархи – самые громадные хищные млекопитающие, когда-то обитавшие на Земле. Они походили на гигантскую гиену с чудовищной головой в треть всей длины зверя. Эти хищники, несомненно, питались белуджитериями и подобными им исполинами. Однако вряд ли эндрьюсархи могли одолевать исполинских носорогов в бою при своих слабых лапах – скорее всего они питались их трупами».

7 июля работы на Джиланчике закончились. На обратном пути обогнули Нуру с севера; через Тургай, оказавшийся достаточно полноводным, переправлялись на лодках. 19 июля отряд вернулся в Иргиз.

Загорелые, сухие лица кочевников, скрип колёс, заунывный звук варгана, белые полотна ковыля, острый запах полыни. Мощные ветры, секущие грудь Нуры, поднимающие с солончаков мелкую соляную пыль, похожую на туман. Рассветный гомон птиц над озёрами, резкие краски закатов, алмазная россыпь звёзд в бескрайнем небе – всё это глубоко западёт в душу Ивана. Степи и пустыни станут главными героями книги Ефремова «Дорога ветров», подлинной поэмы, посвящённой Монголии. Но впервые будущий писатель окунулся в просторы степей именно в Казахстане.

На горе Богдо

Александр Евгеньевич Ферсман подал Ивану бумагу, на которой значилось:

«Доложено ходатайство Геологического музея о выдаче субсидии научно-техническому сотруднику Музея И. А. Ефремову, отправляющемуся на гору Богдо для отыскания материалов по стегоцефалам. Положено: выдать 50 рублей на путевое довольство.

За непременно секретаря академии Ферсман.

19 августа 1926 г.»

Ефремов, только что вернувшийся из Тургайской экспедиции, сиял – первая самостоятельная палеонтологическая экспедиция! Для отыскания древних амфибий – стегоцефалов!

Иван заспешил за деньгами. С Сушкиным уже были обговорены все детали экспедиции.

Собрать вещмешок – привычное дело. Лямки к мешку приделаны по старому русскому способу – в углах мешка лежит по картофелине: так удобнее захлестнуть верёвку, не сползёт. В мешок – брезентовый полог, плотное шерстяное одеяло (ночи в Прикаспии могут быть холодными), смену белья, несколько консервных банок, сухари. Ещё раз проверить экспедиционное снаряжение. Под ложечкой сосёт от предвкушения дороги.

Поезд. Москва. Старинный купеческий Саратов – Сары-тау, что значит «Жёлтая гора». Мост через Волгу. От Красного Кута железная дорога – стрелой на юг. Станция Шунгай⁵⁵ – от неё уже видно Богдо, резко выступающую на фоне ровной, как ладонь, степи. Посёлок Верхний Баскунчак.

На станции Иван напился чаю и на рассвете с соледобытчиками добрался до рабочего посёлка Кордон⁵⁶ на северном берегу солёного озера.

Начинался сентябрь, но в полдень столбы горячего воздуха колыхались над высохшей степью, которая казалась пустыней. Воздух был сух и горек. Вдали, на юге, в белёсом мареве над равниной парила красно-коричневая гора. Подобно подковообразной волне, вздымалась она из земных недр, и её скальные обрывы таили в себе палеонтологические сокровища.

Калмыцкая легенда гласит: однажды два буддийских монаха-калмыка решили перенести с Тянь-Шаня на берег Волги гору. Они долго постились, медитировали, наконец, взвалили себе на плечи Богдо и понесли. Они уже почти дошли до Волги, когда по дороге им встретилась красавица-казашка. У младшего брата в голове промелькнули греховные мысли, сила его ослабла, и гора придавила братьев. На склон хлынула кровь. Так и стоит Богдо с красными от крови боками.

С XVIII века географы и биологи всех стран, попадавшие в низовья Волги, стремились посетить озеро Баскунчак и гору Большое Богдо: так много было здесь природных достопримечательностей. В 1854 году здесь проводил исследования российский геолог и естествоиспытатель И. Б. Ауэрбах. Его работа «Гора Богдо. Исследования, произведенные по поручению Императорского Русского Географического общества...» была издана уже после его смерти, в 1871 году. Ауэрбах первым подробно описал найденные в известняках и глинах окаменелости растений и животных, в том числе чешую, зубы рыб и кости лабиринтодонтов; обобщил материал в четырёх таблицах.

Сушкин при подготовке к экспедиции настаивал, чтобы Ефремов обязательно читал труды, написанные до него. Запомнилась Ивану фраза из предисловия к книге, которое написал друг Ауэрбаха Г. Траутшольд: «Не одни наши уцелевшие кости будут говорить о нас нашим потомкам, подобно дошедшим до нас чешуям рыб, или позвонков ящеров, или бив-

⁵⁵ Так у Ефремова. На современных картах – Шунгули.

⁵⁶ Ныне станция «Нижний Баскунчак».

ням толстокожих. Мы вносим в этот вековой эпос новые краски, наши труды, – и они говорят потомству более живым, более живучим языком, чем наши ископаемые кости. Даже тогда, если бы все библиотеки были преданы огню, подобно александрийской, – даже тогда осталось бы достаточно свидетельств величия и мощи человека. Пусть вещество меняет свои формы – творящий дух остается вечным».

Чтобы имя твоё осталось в истории, надо отыскать в этих красных камнях, так похожих на обрывы любимого Оредежа, материалы по стегоцефалам. Несколькоими годами ранее Баярунас нашёл на склонах Богдо два разломанных черепа лабиринтодонтов. Может, и юному искателю повезёт.

Иван поселился прямо на Кордоне, хотя оттуда довольно далеко добираться до нужного места. Жители кордона уважительно отнеслись к Ивану – сильный малый, да и оружие у него с собой⁵⁷.

После нескольких дней разведки на лошади Иван поставил палатку в степи. Место он выбрал за горой, где из песчаников вытекал источник студёной минеральной воды и росло несколько невысоких деревьев. Устроил из полотна палатку, приготовил обед и с утра решил отправиться на разведку.

Иван поднялся с рассветом, вылез из-под полога, быстро оделся и зашагал вверх по осыпному склону, заросшему сухой травой, сначала пологому, потом становящемуся всё круче. Поднялся на малую вершину, спустился на седловину – и вверх. Сто пятьдесят метров от подножия – небольшая высота, но на ровной столешнице степи видно на десятки километров вокруг. Неудивительно, что калмыки, жившие здесь, считали Богдо священной горой. Её название так и переводится – «святая».

Вот встаёт на востоке солнце – так же величаво, как поднималось оно из волн Охотского моря. Да, в незапамятные времена здесь тоже плескалось море...

На севере – слепит глаза – словно лёд, блестит поверхность удивительного озера, где издавна ломают самую чистую соль. Захочешь в этом озере утонуть – не сможешь. А кое-где можно даже ходить по ослепительно белым кристаллам.

В небо поднимается и парит степной орёл, зорко оглядывает выгоревшую степь. Трудно поверить, что весной здесь цветут тысячи цветов, среди которых – прекрасные дикие тюльпаны.

Иван подошёл к скалистому обрыву с юго-западной стороны от вершины, взглянул вниз. Круто отрываются вниз красные скалы, множество уступов, ниш дробят склон. Гора растёт из земли – и эта часть поднимается более резко, обнажая триасовые толщи. Да, сверху здесь не спуститься, надо подходить снизу.

Иван сбежал к лагерю, вскипятил чай. Начинался рабочий день.

Самые большие обнажения нашлись на крутом восточном склоне, который пестрел всеми оттенками – от жёлтого цвета песчаников, розового, кирпичного и фиолетово-красного оттенков глин, и – на самом верху – белые илы, в которых захоронены остатки лабиринтодонтов.

Впечатления Ефремова оценил академик Борисяк. В 1930 году в очерке «Русские охотники за ископаемыми» он опубликовал рассказ молодого ученого о работе на Богдо:

«Ещё не доезжая станции Шунгай, гора Богдо, несмотря на её небольшую высоту (145 метров), резко выступает на фоне ровной степи. Протягиваясь в форме подковы на 1½ километра, вблизи она производит впечатление монументальности, в особенности её центральная часть с чрезвычайно крутыми склонами. Конечно, в цепи, например, Кавказских гор

⁵⁷ Ефремов вообще любил и ценил оружие. В 1927–1928 годах ему принадлежали медвежий нож работы «Егора Самсонова в Туле», винтовка Манлихер-Шенауэр, наган, духовое ружьё 12-го калибра.

гора Богдо затерялась бы незаметным холмиком, но здесь она стоит одиноко, окружённая, насколько хватает глаз, плоской тарелкой степи.

Резко обрываясь к озеру Баскунчак, блестящему на солнце, как бескрайнее снежное поле, выступает 40-метровая стена пермских песчаников. Здесь очень удобно наблюдать разные фигуры выветривания, всевозможные столбы, соты, уступы и т. п.

Немного отступя к горе от песчаникового предгорья, начинаются причудливые бугры, гребни и совершенно правильные конуса тёмнокрасных с серыми прослойками мергелей. И прямо от них круто поднимается 80–100-метровая стена пёстрых мергелей с выступающими сверху слоями триасового известняка. Эта стена изборождена водными промоинами и потоками, засыпанными обломками известняковых плит. Обломки в бесчисленном количестве покрывают всю гору и насыпаны у подножья красных бугров.

Первое впечатление, создающееся у охотника за ископаемыми, впервые прибывшего на Богдо, это то, что в подобном хаосе совершенно невозможно что-либо найти.

Однако выдержка и терпение приходят здесь на помощь исследователю. Разбив всю гору на участки, я начал медленно продвигаться вдоль горы, исследуя каждый подозрительный обломок камня. Перебив и пересмотрев несметное количество известковых плит у подножья горы, я собрал несколько костей лабиринтодонт и довольно большое число беспозвоночных и стал исследовать обломки известняков по склонам зигзагообразным путем, непрерывно поднимаясь и опускаясь.

Обнажения пластов на склонах горы заматы натечной сверху глиной, усыпанной обломками известняка. Глина засохла плотной коркой, и, цепляясь за обломки известковых плит, можно подниматься по довольно крутым склонам почти до 60 градусов. Держа в одной руке молоток, без которого охотник за ископаемыми не может ступить ни шагу, другой забиваешь кирку в склон горы и осторожно подтягиваешься выше. Конечно, иногда бывают неприятные минуты, когда ноги соскальзывают, кирка вырывается из рыхлого размытого склона, и начинаешь сползать вниз сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Но, мгновенно снова забив кирку поглубже, останавливаешься и продолжаешь таким же способом прерванное продвижение вверх. Спускаться можно, вырубая ступеньки, или, в прочном костюме, можно медленно сползать, просто сидя и упираясь на пятки, притормаживая киркой или молотком. Обычно в процессе работы очень быстро привыкаешь проделывать всё это автоматически, не отрывая взгляда от кусков известняка и непрерывно расколачивая плиты.

Лишь по самым крутым склонам мне приходилось взбираться с канатом. Канат я закреплял за железный рельс, поставленный в качестве репера на самой вершине горы. Отклоняясь куда-нибудь в сторону, я забивал железный лом в склон горы и закидывал на него канат. Таким способом я мог делать значительные отклонения в ту или другую сторону, оставляя канат надежно привязанным за железный репер на вершине. Однажды я плохо забил лом; закинув за него канат, я начал спускаться. Вдруг лом вырвался из рыхлой натечной глины, и я моментально полетел вниз. Падая, я крепко вцепился в канат, который, как только разматался до репера, резким толчком натянулся, ободрав мне кожу на руках, и я, качнувшись, как маятник, перелетел на другой склон, приняв отвесное положение относительно репера. Пожалуй, эта секунда была одной из самых неприятных в моей жизни. По счастью, я не выпустил каната и потом легко взобрался на вершину, проклиная изобретённый мною способ.

Обследовав все осыпи по склонам, я заложил раскопки на одном из самых крутых выступов Богдо – юго-юго-восточном. Копаться посредине крутого склона горы было очень трудно. Тут нам большую помощь оказали сильные ветры, обдувавшие склон горы и обеспечивавшие большую устойчивость при балансировании на маленькой ступеньке с помощью кирки. Впоследствии, когда на отвесном склоне горы образовалась большая площадка, рабо-

тать стало гораздо легче. Пласт за пластом расчищали и выбирали мы из горы, то испытывая сильное разочарование, когда пласт оказывался пустым, то с полным удовлетворением достигнутой цели выбивали из него красивые завитки аммонитов и тёмные или светло-жёлтые кости лабиринтодонтов. Для определения нижних горизонтов горы приходилось спускаться в пещеры под красными буграми и ползать под землей по воронкам и пещерам гипсового поля на юг от Богдо. В одной из пещер, шедшей наклонно в землю под углом в 35–40 градусов, я поскользнулся и, скатившись вниз, провалился в отвесный колодец, глубоко уходящий в бездонную чёрную темноту. По счастью, колодец был довольно узок, и я заклинился в нем до самых плеч, которые уже не могли пролезть в колодец. Я очутился в положении пробки в горлышке бутылки, и потребовалось немало труда, чтобы высвободиться и, главное, снова влезть по наклонной гипсовой стенке, покрытой песком, принесенным водой.

Ремесло охотника за ископаемым богато всевозможными впечатлениями; работать приходится в самых разнообразных условиях и местностях. Это значительно развивает наблюдательность и сообразительность и, главное, доставляет ту чистую радость, радость добычи и достигнутой цели, так хорошо знакомую охотнику, коллекционеру и спортсмену»⁵⁸.

Находя остатки лабиринтодонтов, Ефремов думал, как могли кости пресноводных животных попасть в морские осадки. Молодой учёный предположил, что в этом месте мог быть мелководный залив или эстуарий – затопляемое устье реки, куда река несла остатки существ, обитавших в пресной воде.

Научная статья Ефремова об условиях захоронения остатков лабиринтодонтов в прибрежных морских отложениях была опубликована в «Трудах Геологического музея». Данные 1926 года положили начало цепи наблюдений, которую через десять лет Ефремов назовет учением о захоронениях, а к сороковому году найдёт название для новой отрасли науки – «тафономия».

Личные впечатления от раскопок на Богдо отразятся в одном из самых увлекательных рассказов Ефремова. В «Белом Роге» геолог Усольцев в отчаянной попытке добыть с вершины горы оловянный камень – касситерит – будет подниматься по гладкой скале: «Прилепившись к стене на высоте ста пятидесяти метров, геолог понял, что не может отнять от скалы на ничтожную долю секунды хотя бы одну руку. Положение казалось безнадежным: чтобы обойти выступавшее ребро и шагнуть на карниз, нужно было ухватиться за что-то, а вбить зубило он не мог.

Распростёртый на скале, геолог с тревогой рассматривал нависший над ним обрыв. В глубине души поднималось отчаяние. И в тот же миг ярко блеснула мысль. “А как же сказочный воин? Ветер... да, воин поднялся в такой же бурный день...” Усольцев внезапно шагнул в сторону, перебросив тело через выступ ребра, вцепился пальцами в гладкую стену и... качнулся назад. С болью, будто разрываясь, напряглись мышцы живота, чтобы задержать падение. В ту же секунду порыв вырвавшегося из-за ребра ветра мягко толкнул Усольцева в спину. Схваченное смертью тело, получив неожиданную поддержку, выпрямилось и прижалось к стене. Усольцев был на карнизе. Здесь, за ребром, ветер был очень силен. Его мягкая мощь поддерживала геолога. Усольцев почувствовал, что он может двигаться по карнизу жилы, несмотря даже на подъём её вверх. Он поднялся ещё на пятьдесят метров выше, удивляясь тому, что всё ещё не упал. Ветер бушевал сильнее, давя на грудь горы, и вдруг Усольцев понял, что он может выпрямиться и просто идти по ставшему менее крутым склону. Медленно переставляя окровавленные ступни, Усольцев ощупывал ими кручу и сдвигал в сторону осыпающуюся вниз разрыхлённую корку. Медленно-медленно поднимался он всё

⁵⁸ Борисьяк А.А. Русские охотники за ископаемыми. В кн.: *Штернберг Ч.* Жизнь охотника за ископаемыми. Л., 1930. С. 296–300.

выше. Ветер ревел и свистел, щебень, скатываясь, шуршал, и Усольцева охватила странное веселье. Он словно парил на высоте, почти не опираясь на скалу, и уверенность в достижении цели придавала ему всё новые силы».

На спуске с Белого Рога ветер вновь помог геологу: «Страстная вера в свои силы овладела Усольцевым. Он подставил грудь ветру, широко раскинул руки и принялся быстро спускаться по склону, стоя, держа равновесие только с помощью ветра. И ветер не обманул человека: с рёвом и свистом он поддерживал его, а тот переступая босыми ногами, пятная склон кровью, спускался всё ниже».

Лабиринтодонты Шарженьги

Мелкий дождь моросил через сломанную крышу перрона. Сыро, мокро встречал Ленинград юного естествоиспытателя. Но в душе не было уныния: Ивана ждала любимая работа.

Позже Иван Антонович вспоминал: «Эта работа – освобождение ископаемых костей от породы, в которую они вкраплены, оставляет свободной голову. Приобретя некоторые навыки, можно хорошо работать и думать о своём. То же и в экспедициях. Долгие поездки и утомительные ожидания на железнодорожных полустанках и аэродромах. Сколько часов, суток и месяцев пропали даром! Геологов и палеонтологов я бы награждал медалью за долготерпение. Но есть в этом и хорошая сторона: праздное время освобождает голову для размышлений»⁵⁹.

Освобождая от породы хрупкие кости, Иван раздумывал о судьбе всего живого на Земле, о неумолимых законах природы, о направлении эволюции. Неизбежно приходилось ему задумываться и об эволюции духовной: в городах процветали нэпманы, и жизнь казалась совсем не похожей на царство добра и справедливости. Но учитель и старший товарищ давал ему высокий образец служения науке. Несмотря на бедное платье, на материальные и бытовые трудности, Сушкин, его друзья и коллеги – Вернадский и Ферсман – показывали молодым путь истинного благородства и духовной отваги.

Иван по-прежнему сидел за учебниками, выполнял лабораторные работы в университете, обрабатывал свои палеонтологические находки, но в то же время, внимательно вслушиваясь в биение жизни, искал важные начинания, места, где человек по-новому может применить свои знания и силу. Желание всё увидеть, перечувствовать и понять наполняло его.

Весной 1927 года Ефремов как сотрудник Академии наук получил отпуск. Но решил его потратить не на подготовку к сессии. Он помчался на Кубань – поработать трактористом в сельскохозяйственной коммуне «Звезда красноармейца». На ладонях – окаменевшие мозоли, запахи машинного масла и железа словно в кожу въелись.

Сушкин спрашивал:

«— Что это вас, батенька, понесло на Кубань?

— Очень интересно, Пётр Петрович. Там начинается новое, настоящее дело: впервые у нас машины заменяют тяжёлый крестьянский труд. Ведь это будет большое человеческое счастье.

— Гм... гм... Поезжайте-ка, милый Иван Антонович, в экспедицию. На Север. Может, повезёт, так тоже новое сыщете для науки...»⁶⁰

Ефремов мечтал теперь не только о приключениях – он уже ощутил, как замирает, а потом гулко колотится сердце, когда ты находишь решение даже небольшой научной загадки, как ликует душа, когда ты осознаёшь, что одной мыслью стало в мире больше, и эту мысль уловил и сумел воплотить в слове именно ты. Экспедиции, дающие пищу для ума и сердца, были необходимы ему так же, как месяцы кропотливой научной работы. В путешествии проверялись теоретические догадки; задачи, которые ставила действительность, опускали мысль на землю, делали мысль хотя и короче, но резче, отчётливее.

Ясно было, что следующая дорога Ивана будет лежать на полночь, туда, где искал удачи Амалицкий. Но не по следам Владимира Прохоровича он пойдёт – будет прокладывать свой путь.

⁵⁹ Запись беседы с Ефремовым, сделанная в июле 1960 года писателем Е. П. Брандисом.

⁶⁰ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.–Л., 1963.

Одна из находок Амалицкого недаром названа котлассией. Самый близкий населённый пункт к Соколкам, главному месту раскопок – город Котлас, в 1927 году маленькая тупиковая станция. У Ивана, конечно, было искушение добраться до Котласа, побывать на Малой Двине⁶¹. Но по экспедиционному плану надо было сначала посетить Ветлугу, и он отправился из Ленинграда по железной дороге до станции Шарья.

Последние сорок лет геологи исследовали отложения на реках севера, привозили обломки различных костей, находили фрагменты черепов. Молодому палеонтологу предстояло исследовать местонахождения, зафиксированные геологами.

Близ Шарьи, на Ветлуге, левом притоке Волги, Ивана более всего интересовала деревня Большая Слудка. Почва на породах – как полуда на посуде. Места, где она слудилась, оползла, где обнажились древние слои на крутых речных берегах, носят на севере название «слуды».

Опоки и Соколки – это северные, а обрывы на Ветлуге – южные окраины Северных Увалов. Пытаясь представить себе, как возникли эти местонахождения, Иван отчётливо осознал, что ему не хватает геологического образования.

20 июня 1927 года молодой охотник за ископаемыми выехал из Ленинграда:

«Проехав 30 км от ст. Шарья, Сев. ж.д., я добрался до излучины р. Ветлуги, где она, идя с севера на юг, круто заворачивает на восток. Далеко был виден противоположный правый берег, постепенно повышавшийся вдаль. На самом высоком пункте мрачно чернел еловый лес, и смутно виднелись очертания деревни. Это и была цель моего путешествия, первое и самое южное из трёх местонахождений, которые мне предстояло обследовать. От этой деревни берег снова понижался, сливаясь с горизонтом вдаль. Для охотника за ископаемыми высокий берег – хороший признак: здесь всегда можно наткнуться на выходы пластов, заключающих в себе фауну древнего мира. Прибыв к искомой деревне, я отправился на поиски выхода костеносного пласта, продвигаясь по болотистой террасе Ветлуги вдоль обрывистых обнажений. Пристально всматриваешься в обрывы, не мелькнёт ли где-либо желанная красная полоса выхода мергелей пестроцветной толщи. Нет пока ничего, только рыхлый безнадежный речной песок. Но вот у подножья обрыва кучка обломков песчаника, скрытая кустами. Ускоряешь шаги и, шлёпая по болоту, весь облепленный бесчисленной мошкаррой, подходишь к цели. Неразлучный товарищ – молоток – застучал по кускам песчаника. Каждый кусочек тщательно осматривается, обдувается от пыли и песка. Кости стегоцефалов небольшой величины и требуют внимательного осматривания вмещающей их породы. Уже порядочная кучка свеженабитого щебня высится передо мной, уже пересмотрены все куски песчаника, но не встречено ничего, хотя бы только указывающего на содержание костей в этой породе. Сомнение закрадывается в душу. Но вот ещё куски песчаника. Эге! Даже не нужно разбивать: вот она лежит сверху камня, жёлтенькая, покрытая причудливо-узорчатой скульптурой, кость стегоцефала. Удар по другой плите песчаника – и тут ещё кость... И ещё... Костеносная порода найдена. Надо найти самый костеносный пласт, лежащий где-то вверху, откуда скатились эти куски. С чувством победителя начал я трудный подъём по крутому и сыпучему обрыву, сплошь покрытому сползшим сверху песком. Заработали другие неизменные спутники охотника за черепами – кирка и лопата. Среди ровной массы серого песка мелькнули красные куски мергелистой глины. Вот она, пестроцветная толща. Дальше и дальше углубляется кирка. Но слишком велик оползень, слишком толст слой песка, защищающий выход драгоценного костеносного пласта от пытливого ума человека. Со скромными средствами рекогносцировочной поездки многого откопать нельзя. Надо экономить, впереди ещё местонахождения, ещё большие маршруты. Ну, хорошо, на следующий раз! Я ещё расквитаюсь с этим обрывом на будущий год.

⁶¹ Малой Двиной называется отрезок Северной Двины от слияния Сухоны и Юга до впадения в Двину реки Вычегды.

С досадой слез я с обрыва и направился дальше, вдоль обнажения. Немного выше вдоль по реке мне удалось найти незасыпанные выходы пластов. Заложив здесь небольшую раскопку, я собрал значительное, сравнительно с площадью раскопки, количество костей стегоцефалов. Обследовав обнажения на несколько километров вниз и вверх по реке, я установил границы выходов костеносного пласта. Таким образом миссия моя здесь была закончена. Тщательно запаковав добытое и отправив ящики, я отправился в шестидесятикилометровый переезд до другого местонахождения, севернее описанного, также на берегу р. Ветлуги. Здесь опять знакомая масса серого песка, знакомые обрывы. Осыпь здесь была более богата, и уже в ней удалось собрать много костей.

На крутом обрыве под церковью была заложена раскопка. Несмотря на тщательную разборку костеносного пласта, были найдены только две небольших кости стегоцефала. Жаль потраченного времени и усилий. Ну, что ж, надо закончить. «Кончай, ребята!» – обратился я к рабочим и в последний раз ударил киркой по краю нашей выемки. Отвалился кусок плиты, и на нём – череп стегоцефала. Вот вам счастье охотника за ископаемыми! Выше по реке, на самой северной границе костеносного пласта, была заложена вторая раскопка, где также удалось найти несколько крупных костей»⁶².

На север от Ветлуги – лесные дебри. В деревнях мужики в синих картузах толковали, что редко теперь кто ходит через сузём – волоки, мол, с южной опушки на северную совсем заброшены, через некоторые можно пройти лишь зимой на лыжах, и то со сведушим человеком. Иван внимательно прислушивался к беседам, заинтересованно спрашивал, пока не выяснил, что сузёмом на границе костромских, нижегородских и северодвинских земель называют дремучие болотистые леса, покрывающие Северные Увалы – водораздел между реками, бегущими к Северному Ледовитому океану, и теми, что впадают в Волгу. Вдоль больших рек распаханых земель больше – с юга сузёма сеют хлеб, с севера лён, на маленьких же речках сузём начинается сразу за краем поля. В глухих дебрях обитают волки, медведи, лоси.

Иван направился на север до притоков Юга древним путём – через сузём.

Белые илы Богдо, в которых содержались ископаемые остатки, лежали под самой крышей одинокой горы, наверху. Здесь, на севере, тоже есть горы – не крутые и не высокие, но от этого не менее ощутимые – благодаря течению рек. Северные Увалы. Где находится высшая точка? Вот, в Никольском уезде, к югу от Устюга. 293 метра. Там реки, вытекающие из болот сузёма, быстры, берега – обрывисты. Ивана заинтересовала речка Шарженьга⁶³, истоки которой располагались ближе всего к высшей точке Увалов.

Огромные ели нависали на дорогой, редко встречались сторожевые избы. Телега долго вползала на едва заметные глазу, но ощутимые для лошадей угоры. Наконец добрались до Никольска. От Никольска на Великий Устюг ведёт старый, кое-где вымощенный булыжным трактом, по которому на телеге Иван добрался до отворотки на Калинино. Тут, выше устья реки Шарженьги, переправа через Юг. Река Юг делает крюк на восток, впадает в Сухону, почему Устюг и носит своё название – Усть-Юг. Деревни стоят или по реке, или по тракту. Но река всё же – главная, наиболее древняя дорога этих мест.

Сам исследователь так описал свой путь:

«Отсюда [от Ветлуги] мне предстоял 230-километровый переезд по лесам и болотам, и мои бока подвергались сильному испытанию, пока я, наконец, прибыл в доисторическом экипаже на берег р. Шарженга, притока р. Юга. Наметив раскопки в трёх пунктах, я сразу напал на богатое местонахождение костей, и первой костью в первой раскопке был великолепно сохранности череп стегоцефала. Кости здесь попадались часто, пласт был огромной

⁶² Борисяк А.А. Указ. соч. С. 300–302.

⁶³ В дневниках Ефремова название этой реки пишется без мягкого знака.

толщины, и приходилось соблюдать большую осторожность при разборке его. Мой рабочий был удивительно способный молодой крестьянин, и его природный ум быстро схватывал основные правила добывания костей. Под конец нашей работы я мог совершенно спокойно поручить ему разборку пласта, и работа наша двигалась быстро. Много мы полазали с этим рабочим по обрывам рек бассейна Шарженга и лесным трущобам, отыскивая новые выходы пластов и определяя границы. Однако средства приходили к концу, истекал и срок командировки. Надо возвращаться. Надежда с большими средствами вернуться сюда на следующий год помогла мне преодолеть азарт коллекционирования, который всецело овладел мною. Не нужно быть коллекционером, чтобы понять упорство охотника за ископаемыми, когда осталось ещё многое, что он мог бы забрать с собой. Приходится силой вводить себя в рамки, будничные и разумные рамки средств и времени»⁶⁴.

Странные дни проживал Иван. Не плоская Прикаспийская степь с прекрасным обзором лежала вокруг, а дремучий, словно затаившийся сузём, где даже на холмах ничего не было видно, кроме окружающих деревьев. Иван исхаживал вдоль русел рек десятки километров, карабкался по отвесным обрывам, срывался, падал. Порой ему казалось, что терпение его кончается, что он не может больше сделать ни шагу, но страстное желание найти заставляло его отодвигать предел утомления и подниматься на новые поиски. Заходил он и в избы, расспрашивал крестьян.

В крутой излучине Шарженьги, у деревни Вахнево, ниже устья реки Анданги, Ивану удалось обнаружить обрыв, сложенный из красных глин. От церкви в сторону реки – поскотина. К реке сбегает тропинка, ведёт к насыпи, доходящей до середины реки, и оттуда до другого берега речку перегораживает заездок – плетень с воротцами, в которые вставляются морды из ивовых прутьев для ловли рыбы.

На мысу, в прослое косослоистого буровато-серого песчаника, начали попадаться кости и конкреции, которые крестьяне называли сопласы – «сплюснутые, спрессованные». В песчанике встретился замечательный по сохранности череп и отдельные кости скелета, беспорядочно перемешанные и рассеянные.

Здесь Иван наметил площадку для раскопок будущего года.

Животные, обнаруженные Ефремовым, были похожи на маленьких крокодилчиков с короткими ножками, с узкой вытянутой мордочкой. Вероятно, они прятались на дне, подстерегая рыбу, и, догоняя её быстрым рывком, хватали длинными челюстями. В 1929 году Ефремов описал открытое им животное и назвал его *Bentosaurus sushkini*. Оказалось, что под таким именем уже зарегистрировано одно ископаемое животное. И тогда из *бендозавра* («донной ящерицы») существо превратилось в *бендозуху* – «донного крокодила».

У речки Медвежьей Иван присмотрел ещё одну площадку. Высокие деревья здесь выглядели тонкими спичками. Попад в зону оползня, беспомощно съезжали они по крутому склону, наклоняясь в разные стороны.

В один из дождливых вечеров, сидя в тёплой избе, Иван рассказывал крестьянам, что песчаник представлял собой отложения древнего речного потока, который впадал в озеро. Древняя река несла трупы водных животных, которые заносило илом и песком.

Иван уже понимал, что Шарженьга – его первый крупный успех. Подобные кладбища ещё найдут на огромном пространстве от Белого моря до Прикаспийской впадины на юге, будут открыты десятки обитателей раннетриасовой эпохи, но столь крупные скопления остатков земноводных, как у деревни Вахнево, будут найдены только через несколько десятилетий⁶⁵.

⁶⁴ Борисяк А.А. Указ. соч. С. 302–303.

⁶⁵ В 1991 году постановлением президиума областного Совета народных депутатов Вологодской области геологические отложения по реке Шарженьга в 0,5 км к востоку от д. Вахнево площадью 175 га объявлены Геологическим памятником природы.

Обработка материала и выводы ещё ждали своего часа, но уже на раскопках Иван задумался, что могло вызвать массовую гибель лабиринтодонтов. Позже Ефремов напишет статью «Два поля смерти минувших эпох», а Алексей Петрович Быстров, коллега и ближайший друг Ефремова, исследует микроскопическое строение зубов бентозухов и сделает поразительный вывод: многие из этих животных болели цингой, и причиной массовой гибели мог стать недостаток пищи.

Обшив досками куски окаменевшей породы и разместив их в одном из старых крестьянских амбаров, Иван отправил несколько монолитов, в которой содержались лучше всего сохранившиеся кости, по тракту на Великий Устюг. В дороге он обдумывал, как вывезти оставшиеся монолиты в следующем году. Лучше всего ранней весной, пока Юг ещё не обмелел, сплавить их на барже по воде до Котласа – дешевле будет, чем посуху на телегах, затем погрузить на поезд, отправить их в Музей.

Общая длина маршрута составила 630 километров – пешком и на телегах. Всего было добыто 86 костей.

Прощание с учителем

Вернувшись в Ленинград, с лучшим из найденных им черепов Ефремов пришёл к Петру Петровичу.

– Ну, оставьте этот череп здесь, может быть, я найду время его описать.

– Нет уж, я опишу его сам и время на это уж точно найду, – дерзко ответил молодой препаратор.

Пётр Петрович считал, что полевые сборы принадлежат добытчику: уж очень он ценил полевую работу и удачливых собирателей. Началась обработка коллекции, привезённой из Вахнева. Сушкин понял, что из молодого препаратора вырастет настоящий учёный. Только вот воспитывался он в сложной среде, порой груб, неотёсан, часто не принимает во внимание субординацию...

За молодым препаратором утвердилась слава необыкновенно удачливого охотника за ископаемыми.

«Разнообразная деятельность лаборанта, старание помочь любимому учителю, наконец, сама наука так увлекли меня, что я часто засиживался в лаборатории до ночи. Всё труднее становилось совмещать столь интенсивную деятельность с занятиями», – писал Иван Антонович⁶⁶. К биологическому видению палеонтологии прибавлялось понимание геологических закономерностей.

В декабре 1927 года в Ленинграде проходил III съезд зоологов, анатомов и гистологов. Подготовка к нему отнимала много сил и времени. Иван же с нетерпением ждал заключительного заседания: на нём Пётр Петрович должен был прочитать доклад «Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека».

Речь Сушкина была насыщена яркими фактами и смелыми выводами. Слушали его, стараясь не проронить ни слова, и потом долго аплодировали академику. Л. Портенко вспоминал: «Я слушал его доклад буквально затаив дыхание, так я был поражён и восхищён им. Здесь я видел и слышал Сушкина во всём его научном величии. Вы не представляете того впечатления, которое оставляло логическое развитие его мысли, как убедительно он объяснял и доказывал развитие человека от предка, сошедшего с деревьев в обстановке горного ландшафта, опиравшегося на камни и ставшего двуногим, как вследствие освобождения рук, теперь помогавших обработке пищи, была облегчена работа нижней челюсти, и таким образом височные части мозговой коробки испытывали меньшее давление жевательного аппарата. Для развития психических способностей человека в горном ландшафте открывался неограниченный простор, чтобы накапливать зрительные восприятия»⁶⁷.

Иван гордился своим учителем. Это чувство помогало ему терпеть от него еженедельные субботные разносы: «На длинном лоскуте бумаги записаны были все “грехи”, совершенные Ефремовым за неделю. “Нагрубил”, “совершенно невежливо отвечал по телефону”, “проявил непростительную забывчивость”.

Сотрудники музея посмеивались: опять старик исповедует беднягу Ефремова. Иногда уныние охватывало и самого Ивана Антоновича, – ну можно ли придирается к таким пустякам! Позже он понял, что щедрый, великодушный учёный старался вложить в него все необходимые качества, которыми владел сам и без которых нельзя было стать настоящим научным работником.

⁶⁶ Ефремов И. А. Путь в науку. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 271.

⁶⁷ Портенко Л. А. П. П. Сушкин как фаунист и зоогеограф // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П. П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Том XLVII. – Л., 1970. С. 29.

Пётр Петрович, проводив взглядом обескураженного препаратора, усмехался, рвал на мелкие кусочки “список преступлений” и думал о том, что Ефремову надо предоставить побольше свободы, пусть ищет, борется с трудностями, рискует, принимает самостоятельные решения...»⁶⁸

Весной 1928 года Сушкин отпустил ученика в свободное плавание, вновь – в северные края. Отправились вместе с препаратором Фёдором Максимовичем Кузьминым. Предстояло не только продолжить раскопки на одном из местонахождений, но комплексно обследовать весь огромный район.

Снова побывали на Ветлуге.

«Искомая деревня» – Большая Слудка. Под высоким берегом по обширной долине петляла река, ещё не вошедшая после разлива в свои обычные берега, вились многочисленные старицы. Солнце блистало в тысяче водных зеркал. На крутых склонах местами ещё лежал снег, распускались ивы. Иван гордился тремя раскопами, каждый из которых был высотой едва ли не в два человеческих роста. Над обрывом он установил высокий флагшток, где развевалось алое полотнище.

Затем, как и годом ранее, перебрались в село Zubовское, в шестидесяти километрах от Большой Слудки, богатое село с двумя церквями – каменной и деревянной, шатровой, стоящей почти на самом краю обрыва. Отражение её чётко прорисовывалось в почти неподвижных водах Ветлуги.

В Zubовском Иван поселился в добротном доме с высоким подклётом, окна начинались только на уровне десятого венца. Гостеприимные хозяева были польщены, когда столичный гость предложил их сфотографировать. Бабка надела лучший цветастый сарафан, дед – чистую рубаху, хотя и остался в валенках. Однако волосы и бороду расчесал тщательно. А вот невестка и сын нарядились по-городскому: невестка в белом платье и кожаных ботиночках на шнуровке, сын в отглаженных брюках, лакированных туфлях, в рубашке, при галстукке, да ещё с булавкой. Вчетвером они чинно сели на лавку возле дома, под окна с нарядными наличниками, а чуть в стороне пристроились трое парней – родственников.

Неизвестно, послал ли после экспедиции Иван фотографию в Zubовское. Но в альбом, посвящённый раскопкам, вклеил. И сейчас эти люди смотрят на нас, удивляя выражением: обычно лица крестьян на фотографиях напряжены и серьёзны, а эти семеро смеются, не скрывая радости жизни. Невестка даже рот рукой прикрыла. Видно, что-то очень весёлое сказал им молодой фотограф.

В Вахневе Иван развернулся. Сначала обратился в правление потребительского общества. Возле дежурного магазина собрались семеро мужчин – один, постарше, при бороде, шестеро молодых выбриты. Потолковали – в итоге удалось нанять десяток крепких, основательных мужиков. Было заложено пять раскопов; Иван, любивший основательность, тщательно документировал процесс, фотографируя масштабные выемки.

До села Захарова, что ниже по реке, по реке долгонько плыть – такие петли закладывает Шарженьга. А по прямой – меньше часа ходьбы. В этом году там сошёл свежий оползень – огромная часть склона, поросшего лесом, по влажной глине, как на салазках, съехала в реку, ломая высокие берёзы и ели, вынося в реку пласты дёрна и обломки стволов. В Захарово Ефремов, Кузьмин и краевед П. П. Чегодаев отправились втроём. Разглядывая обнажившийся склон, Иван видел в действии один из тех процессов, что в течение миллионов лет складывали облик Земли.

Иван тщательно изучил геологию любимых местонахождений. Одно лишь биологическое исследование находок казалось ему узким, молодому учёному важно было понять закономерности образования местонахождений в конкретные геологические эпохи. Ефре-

⁶⁸ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Указ. соч. С. 24.

мов утвердился в мысли об образовании подобных типов местонахождений в поясах речных дельт, о подводном (субаквальном) захоронении остатков.

С Шарженьги вывезли более тонны отборного материала по лабиринтодонтам, в том числе несколько целых черепов, пояса конечностей и группы позвонков. Объем раскопки на Шарженьге приближался к полутора сотням квадратных метров.

Всего же в Геологический музей привезли около тысячи костей. Примечательно, что среди них нет ни одного скелета – это особенность сохранности лабиринтодонтов. Их кости встречаются обычно в разрозненном виде. Более-менее целые скелеты – единичны, хотя целых черепов находят довольно много.

Череп Иван обрабатывал сам: «Чтобы обнажить наружную и, особенно, внутреннюю поверхность такого черепа, внешне напоминавшего череп современного крокодила и длиной с ладонь взрослого человека, по возможности не повредив при этом своеобразного рисунка снаружи и следов пролегания нервов и кровеносных сосудов внутри, нужны не только твёрдая рука и адское терпение, но и (как мне тогда казалось) особое вдохновение. Иван Антонович делал эту работу отлично. Он был левша и гордился этим.

– У левши левая и п-п-правая сторона развиты од-д-динаково, – говорил он при случае, как бы объясняя свои успехи. Глядя на его уверенную, красивую работу, можно было пожалеть, что сам не левша»⁶⁹.

Большая и хорошо обработанная добыча позволила в деталях изучить бентозуха. Спустя пятнадцать лет Ефремов вместе со своим другом А. П. Быстровым издадут удивительную по полноте монографию, в которой детально опишут различные кости бентозухов, рассмотрят особенности роста этих животных, их половое различие, условия жизни и смерти.

Череп бентозухов и их фрагменты составили целую серию – от крошечных, в два сантиметра, до обломков громадных, метровых черепов. Сами бентозухи, видимо, могли вырастать до 4–5 метров. Анализируя их рост, Ефремов пришёл к мнению, что бентозухи могли жить несколько сотен лет.

Пока драгоценные ящики с новыми находками ехали в бывшую столицу, Иван с товарищем по тракту добрались до Устюга. Древний город с богатым Соборным дворцом был в то время центром Северо-Двинской губернии.

Ближайшая станция железной дороги – Луза на реке Лузе. Наняв лодку, договорился с хозяином на утро. Иван отправился на крутой обрыв, чуть выше Устюга по течению – Гребешок. Опытный глаз за небольшое время мог осмотреть каждую складочку красного обрыва.

Про Амалицкого, который исследовал обрыв лет двадцать назад, жители ближних домов не помнили. Зато все рассказывали про недавно ушедшее время, про воскресные «променады» устюжских мещан, когда на Гребешке устраивались балаганы с «бакалеей», с прохладительными напитками, медовиками и пряниками. Отметился Гребешок лет двадцать назад и в полицейских донесениях – здесь однажды политссыльные устроили первую в Устюге маевку. А вот на изыскания Амалицкого никто внимания не обратил. Мало ли какая у заезжего барина блажь приключится? Не обратили устюжане внимания и на Ивана.

Иван долго сидел на краю обрыва, смотрел на Сухону, на Дымковскую слободу, на заречную сторону. Леса до горизонта, ступеньками... Слева церкви Дымковской слободы, где-то там, за ними начинается уже пройденный Никольский тракт. Люди спешат к перевозу. На паузок⁷⁰ заезжают на лошадях. По Сухоне туда-сюда снуют верткие лодочки, спешит с одного берега на другой маленький пароходик-труженик «Орлец».

⁶⁹ Косниковский Н.Н. Палеонтологический старт // Сверхновая, № 41–42, 2008. С. 118.

⁷⁰ Паузок – судно для разгрузки и погрузки в мелководных местах.

Дальше надо было бы плыть в Опоки. Только вот быстро туда никак не доберёшься: нужного парохода иногда сутками ждать можно. Какое тут расписание: то на мель налетят, то в тумане станут...

Величественная картина, открывающаяся с высоты Опокских обрывов, достойна кисти самого лучшего художника. Но по сю пору внимание учёных было приковано к иной – геологической – картине. На крутейшем склоне можно наблюдать тонко переслаивающиеся породы перми: пестроцветные доломиты, мергели, глины и алевролиты.

Антракозии – раковины моллюсков, чешуя и отпечатки древних рыб, отдельные позвонки амфибий и рептилий, окаменевшие обломки каменных стволов – вот что нашел здесь Амалицкий. На отмели, на противоположном берегу, находили жеоды с кварцем и брахиоподы. Местных жителей из всех этих каменных зверушек интересовали только «чертовы пальцы» – белемниты. Их растирали, а образовавшийся порошок прикладывали к ранам.

(Спустя четверть века в Опоках побывают с экспедицией ученик Ефремова Пётр Константинович Чудинов и сын писателя Аллан⁷¹.)

В утреннем тумане прошли на лодке устье Юга. Корабль экспедиции был невелик, в нём умещались лишь гребец, рулевой и поклажа: походный сундучок, вещмешок и ящик с инструментами.

Когда туман рассеялся, остановились на перекур. Как бы невзначай завёл Иван разговор о раскопках Амалицкого – оказалось, весь край знал о работах в Соколках, которые длились полтора десятка лет. Крестьяне, нанятые профессором, сначала сочли, что он из костей будет добывать золото, затем решили, что профессор хочет оживить древних чудовищ. Потом, когда в окрестных деревнях начал болеть скот, профессора обвинили в сношении с нечистой силой. Только вмешательство Велико-Устюжского епископа Гавриила спасло Амалицкого. Епископ не только с интересом осмотрел раскопки, но и благословил их. Пришлось крестьянам снять подозрение с профессора. Позднее рабочие вошли во вкус и радовались, как дети, когда им удавалось находить бугристые, шишкастые черепа парейазавров, которых они для простоты окрестили «назарками».

Хозяин лодки поведал Ивану, что сейчас раскоп заброшен, оплыл, и смотреть там не на что.

Воды Лузы текли навстречу гребцу, напрягающемуся на стремнинах излучин. Иван, сидя на корме с широким рулевым веслом, внимательно вглядывался в обрывы, оголённые оползнями. Периодически менялись местами, и тогда Ивану приходилось попотеть. Наиболее интересное обнажение возле деревни Чёрный Бор (Ключи) оказалось недоступным для изучения – вода от дождей поднялась высоко и залила пласт, который мог бы быть костеносным.

Срок командировки подходил к концу. Надо было успеть заглянуть ещё в одно место – в известняковый карьер под Вяткой. Миновав городок с нежным названием Лальск, Ефремов доплыл до села Кулига, где Луза круто меняла направление, добрался на телеге до железнодорожной станции. Поезд шёл на юго-восток, пробиваясь через макушку Увалов, где истоки нескольких рек. Побродить бы здесь...

После одиноких, затерянных в лесах полустанков Вятка показалась Ивану крупным городом. Но отдыхать было некогда. Требовалось выполнить поручение Петра Петровича Сушкина.

В начале двадцатых годов сотрудники Слободского краеведческого музея прислали в Петроград, в геологический музей, несколько образцов известняка с отпечатками различных ископаемых остатков. Карьер на правом берегу реки Вятки, возле сел Шихово и Чирки, был

⁷¹ Северная экспедиционная группа. Дневник Ефремова Аллана Ивановича // Палеомир, № 1, 2009. С. 36–48.

описан ещё в 1879 году, но Сушкин после изучения образцов пришёл к выводу, что требуется детальное палеонтологическое исследование карьера.

Добывали в карьере известняк – не для постройки зданий, а для получения извести. Рабочие досконально изучили различные слои известняка – их больше полутора десятков, – дав им свои названия: белякова корка, плитняшка, синяя булыга, серяк, корка синей булыги, красноплитка, подбулышка, булыч. Внизу, на берегу Вятки, известняк разбирали по сортам, дробили и обжигали. Работали дедовскими методами. Рядом с мужчинами трудились и женщины. По дну карьера были проложены рельсы, платформу нагружали камнем, к реке ещё тащила по рельсам уставшая лошадь.

Иван, осмотрев карьер Шихово-Чирки свежим взглядом, сумел дать мужикам несколько дельных советов, чем заслужил их уважение. В ответ они показали ему, в каких слоях чаще всего встречаются остатки ракушек, отпечатки растений и чешуи древних рыб, остатки лабиринтодонтов. Описав слои и собрав 650 килограммов образцов, Иван вернулся в Ленинград.

Во второй половине лета Иван в сопровождении препаратора Ф. М. Кузьмина вновь отправился на Богдо, где он сделал стратиграфические наблюдения. Здесь ему повезло: он нашел челюсть крупного лабиринтодонта капитозавра и ряд отдельных костей амфибий.

В этот раз поселились в посёлке Кордон, обследовали и сфотографировали Богдо со всех сторон. Иван увлёкся съёмкой панорам из двух-трёх кадров, и чрезвычайно обрадовался при проявке плёнки, когда выяснилось, что контуры горы совпали.

Экспедиционная жизнь словно испытывала организм на прочность: с прохладного севера – в прокалённые солнцем Астраханские степи.

Здесь Иван часто думал о Петре Петровиче, беспокоился о его здоровье. Спустя десятилетия Ефремов характеризовал свои отношения с Сушкиным как подлинные отношения Учителя и ученика.

Обострившаяся болезнь заставила Петра Петровича поехать в Кисловодск, в санаторий. Лёгкие Сушкина были не в порядке ещё со времён работы на организованной русскими учёными морской биологической станции в бухте Вильфранш на Лазурном берегу: уж очень он надышался тогда, в 1900 году, формалином. Сердце было ослаблено. Чистый воздух гор уже давал свои благотворные результаты, но в начале осени с ледяных полей Эльбруса подул студёный ветер, который вызвал воспаление лёгких, и 17 сентября 1928 года Сушкин умер.

Елизавета Владимировна Козлова, ученица Сушкина в орнитологии, писала: «Счастье общения с Петром Петровичем было очень велико, но слишком кратковременно... <...> Потом всё сразу оборвалось, и мы остались одни. Почва ушла из-под ног. Ничего не хотелось делать, потому что не с кем было поделиться. Всякому начинающему, да и не только начинающему, нужны доброжелательный отклик, критика, совет»⁷².

Горе Ивана было велико. Опереться не на кого. Но двадцатилетний препаратор, у которого не было более близкого человека, чем Учитель, не позволил себе уныния. Лучшая память об учёном – это продолжение его дела. С удвоенной силой Иван принялся за исследования: закончил обработку черепа и скелета лабиринтодонта-бендозуха, назвав его в честь Сушкина, и уже в 1929 году опубликовал несколько описательных палеонтологических статей по наземным позвоночным.

В 1929 году пришли известия о смерти отца и Василия Александровича Давыдова, школьного учителя математики, который первым поддержал Ивана в его стремлении к науке...

⁷² Козлова Е.В. Расселение фазана *Phasianus colchicus* L. в пустыни Центральной Азии // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Том XLVII. Л., 1970. С. 18.

Быстро происходило духовное возмужание Ефремова, утверждалось его самостоянье. Через пару лет он уже не будет искать поддержки в других, но сам труднейшими маршрутами поведёт за собой людей.

Глава четвертая. Ленинград (1929–1935)

Ты должен приучиться смотреть в бездонные глубины!
Ж. Верн. Путешествие к центру Земли

Странствия – лучшее занятие в мире. Когда бродишь – растёшь, растёшь стремительно, и всё, что видел, откладывается даже на внешности. Людей, которые много ездили, я узнаю сразу из тысячи. Скитания очищают, переплетают встречи, века, книги и любовь. Они роднят нас с небом. Если мы получили ещё недоказанное счастье родиться, то надо хотя бы увидеть землю.
К. Г. Паустовский. Романтики

Динозавровый горизонт Средней Азии

Часы шли за часами, а за окном словно висел, замерев, один и тот же пейзаж: ровное, плоское красное пространство, далеко, на самом горизонте, отмеченное растворёнными в мареве силуэтами пологих останцев. Иван знал, что утром он увидит из окна вагона не пустыню, а степь, выжженную лучами летнего солнца. Ещё сутки – и раскинутся поля, зашумят леса... Далеко на севере, за нитями параллелей, кристаллом на ленте Невы – Ленинград.

Но поезд тянется медленно, подолгу стоит на редких станциях, украшенных старыми ветвистыми деревьями, указывающими на близость воды. «Зачем спешить? Один шайтан торопится», – говорят на Востоке. Время в пути – данность, его нельзя подхлестнуть, ускорить. Как бы ни рвалась твоя душа вперёд, поезда ты не обгонишь. Значит, надо прожить его полно, насытить осмыслением прожитого и увиденного.

Попутчики, как и прежде, пили чай, заваренный прямо в пузатом железном чайнике, разливая его в расписанные белыми завитками глиняные и фаянсовые пиалы, но разговаривали теперь негромко, с уважением посматривая на Ивана, который что-то сосредоточенно помечал в записной книжке с клеёночной обложкой.

Иван обдумывал события, которые – он отчётливо понимал это – повернут жизни миллионов людей.

Последние годы геологами страны велась последовательная, кропотливая работа по сбору и обобщению данных о полезных ископаемых, исследовались территории республик СССР, открывались новые месторождения. Геологи, строители, экономисты, партийные работники планировали новое, небывалое. В недрах НЭПа вызревала идея пятилетнего плана – принципиально новая идея планирования индустриального развития страны. Природные богатства должны были послужить базой для необычайного рывка в новое время.

Остеологический отдел, где Иван теперь числился научным сотрудником 2-го разряда, считался подразделением Геологического музея. Иван близко общался с ведущими геологами страны, которые привозили новые образцы минералов, выступали с докладами и лекциями. Он знал, что осенью 1925 года неутомимый Ферсман отправился с товарищами на верблюдах в страшные, неисследованные Каракумы, чтобы разведать серные богатства пустыни, а затем дерзко снарядил туда автомобили. С этого момента разведка природных богатств Средней Азии ускорилась. Данные по всем республикам стекались в один центр, гидрологи намечали места возможного строительства каналов, которые понесут воду на поля, и электростанций, которые дадут энергию заводам и фабрикам. В тщательном, мето-

личном труде вызревал ритм будущих строек. Редкий случай, когда производственные интересы страны совпадали с интересами науки.

1 октября 1928 года – дата начала первой пятилетки. Но в октябре большинство населения ещё не знало об этом крупнейшем событии. Только в апреле 1929 года, на очередной конференции ВКП(б), план будет представлен к обсуждению, а съезд Советов с энтузиазмом утвердит его. Мыслилось: промышленный переворот – вот то, ради чего свершилась революция. Пришло время посвятить все силы самоотверженной работе на благо народа!

Иван узнал о решении съезда из газет уже в Средней Азии, понимая, что его поездка – необходимая составляющая разумного, научного освоения природных богатств. Отдельные отряды геологов собрали сведения о находках костей динозавров в северных предгорьях Тянь-Шаня. Местонахождения могли быть повреждены при строительстве каналов, попасть в зону затопления при сооружении гидроэлектростанций. Следовало изучить уже открытые скопления костей, сделать вывод об их научной ценности.

В 1927 году в Средней Азии уже побывали Е. И. Беляева и М. Г. Прохоров, с которыми Иван близко познакомился в Тургайской экспедиции. Их Илийская экспедиция по раскопкам позвоночных работала в Джетысуйской губернии Казахской АССР. Беляева и Прохоров исследовали Карачекинское местонахождение, открытое в 1926 году горным инженером Кириковым, и Калканское местонахождение, обнаруженное в 1925 году горным инженером В. Г. Мухиным. Главные находки тогда были сделаны в Джаркитском уезде, в логу Джар-Салык, на юго-западной оконечности Киш-Калканских гор.

Однако огромные территории Средней Азии оставались малоисследованными. Много дорог предстояло ученым. Исполнилась ещё одна детская мечта Ивана – побывать в местах экспедиций Пржевальского. 23 апреля 1929 года лёгкий на подъём палеонтолог отправился в путь. Надо было торопиться, пока в Джеты-Су, с киргизского языка переводящееся как «Семь Вод», Семиречье, не пришла летняя жара...

Бирюзовым куполом висело над Фрунзе⁷³ утреннее небо. Восточный край его золотился, нежной пеной на лёгкой воде казалась тонкая гряда облаков. На юге прямо из долины вырастали горы, уходившие снежными вершинами в самое небо. Там тянутся ввысь острые пики тянь-шаньских елей, заостряются кончики готовых раскрыться тюльпанов. Бурные холодные реки сбегают в долину, где цветут сады и зеленеют поля. А на севере, где теряется в песках говорливая Чу, раскинулась пустыня. В её недрах геологи находят урочища: из песка и гальки там торчат огромные кости, покрытые чёрным пустынным загаром.

Из Фрунзе, куда ему ещё предстояло вернуться, Иван добрался до Алма-Аты, которая была ещё ближе к горам: белые хребты словно вырастали из синеватого тумана.

Из Алма-Аты – в посёлок Илийский, в долину реки Или. Сбегая с заснеженных хребтов, она неслась в Балхаш по широкой межгорной впадине, где удобно было в будущем построить гидроэлектростанцию. Развалины древних строений, курганы-усыпальницы сакских царей и земляные насыпи в долине говорили о том, что когда-то в этих местах кипела бурная жизнь. По дорогам проходили караваны, везущие из Китая шёлк и пряности. Потом всё замерло на несколько столетий, только казахи кочевали вдоль реки и время от времени сражались с джунгарами.

Эта долина стала местом действия рассказа Ефремова «Обсерватория Нур-и-Дешт»: «Девять холмиков теснились на краю бесконечной, постепенно понижающейся к югу равнины, а с запада, справа, почти у самого горизонта, виднелась иззубренная полоса далёких снеговых гор. В той же стороне равнину пересекала узенькая, отливающая сталью извилистая лента; сбегавшая в гор речушка огибала холм обсерватории и, отклоняясь на восток, терялась в песках. Вокруг обсерватории, внизу, расстилалась жёлтая степь, испятнанная

⁷³ Ныне город Бишкек, столица Киргизии. До 1925 года – посёлок Пишпек.

кустиками серебристой полыни и голубых колючек. Дальше, к северу, степь очерчивалась по краю песков тёмной лентой саксаульника.

Покой, простор, чистый горный воздух, синева тяжёлого зноя над головой...»

В низовьях Или Иван нашёл грядообразные нагромождения костей. Палеонтолог не обнаружил целых или хотя бы частично сохранившихся скелетов; хаотичные нагромождения обломков поражали воображение. Как очутились в одном месте столь разные кости, к тому же в таком количестве? Палеонтология в одиночку не могла ответить на этот вопрос. Требовалось тонкое понимание геологических процессов.

Иван так задумался, что вздрогнул от неожиданности, когда перед ним предстал полуметровый древний ящер – настоящий допотопный зверь. Наваждение не развеялось, а прытко побежало на мощных низких лапах и скрылось за ближайшим холмом. Только тут Иван догадался, что это был «пустынный крокодил» – варан.

Затем путь под знойным солнцем: горы Аркарлы – горы Карачеку – Алтын-Эмель – Баш-Чий – горы Калкан.

Настоящим открытием для Ефремова стало местонахождение Карачеку близ глинистых берегов Или. В широкой долине сухого лога разбросаны кости динозавров. Чёрные склоны долины сложены породами, богатыми железом. Кости динозавров блестят от пропитавшего их железа. На склонах почти нет растительности, а редкие маки, способные быть индикаторами присутствия железа, тоже выглядят чёрными, словно диковинные цветы иной планеты.

Выцветающее небо, ровная степь, поросшая ковылём и колючками. На горизонте огромной синей тубетейкой лежит Калкан. Иногда встречались тополя, порой попадались диковинные ивы полутысячелетнего и более возраста – дерево разрастается огромной купой, боковые ветви склоняются к земле и пускают корни, которые омывает узенький арык. Под этими ивами отдыхали не только многие поколения кочевников, но, возможно, и сам Тимур-Тамерлан. И жители словно понимали заповедность этих величественных деревьев, берегли их от топора.

В двухстах пятидесяти километрах на северо-восток от Алма-Аты находятся две невысоких горных гряды – Малые и Большие Калканы (по-казахски Киши-Калкан и Ульген-Калкан). Человек уничтожил лес на этих горах, и теперь они стремительно превращаются в пустыню. Лишённые защиты почвы, горные породы разрушаются. Рядом небольшой меловой хребет, изрезанный ручьями, со степной растительностью. В крутых склонах находят слоистые белые камни с отпечатками древних растений, кости давно исчезнувших на этой части суши животных. Миллионы лет назад здесь жили гигантские свиньи и носороги. Ивана, однако, интересовали еще более ранние обитатели Земли – динозавры.

Калканские горы поразили Ивана своим густо-бордовым цветом. Выветривание создало здесь удивительный мир – скалы необычайных очертаний, с отверстиями, просверленными песком, завораживали. Местами горы состояли из множества куполов, как бы растущих друг из друга, при этом каждый купол имел свой оттенок – от светлого, почти белого, до жёлтого, коричневого, красного или фиолетового.

На юго-западе видно было, как над долиной парят, словно оторвавшись от земли, снеговые вершины Джунгарского Алатау. Белые сыпучие горы Актау, изборождённые исчезнувшими потоками, огромные уступы – чинки, обрывающиеся вертикально на десятки метров, высохшие русла рек, отмеченные крутыми берегами и змеящимися линиями глины. Поющий бархан, сложенный из миллиардов белых песчинок, при ветре издающих странный свистящий звук. Иван влезал на крутые склоны по породе, осыпающейся под ногами, и не уставал удивляться разнообразию и богатству форм и цветовых оттенков, рождённых природой Земли.

Дальнейший путь лежал через долину реки Конур-Улен и Койбынское ущелье, по реке Борохудзир на Джаркент.

Койбынское ущелье пролегает между Тигровыми горами, почти лишёнными растительности, названными так за свой удивительный даже в Джунгарии цвет. Сложенные жёлто-коричневыми глинами Праилийского моря, ныне причудливо размытыми, с полосами беловатых разводов, они создают впечатление складок тигровой шкуры, кинутой на землю.

Река Борохудзир поражает контрастом: после зноя и пустынных просторов Калкана зелень и свежий полынный ветер бодрят душу. Из травяного малахита склонов вдруг встают красные, оплывшие сверху столбы – к ним и устремлялся Иван в поисках ископаемых костей.

Долгий путь настраивал на неспешные размышления. Иван вспоминал виденные в разных частях Семиречья гряды холмов, под ярким полуденным солнцем на гладкой гальке долин Иван замечал огромные тёмные кости. Поверхность их, покрытая, словно полировкой, пустынным загаром, блестела. Остатки динозавров виднелись повсюду: торчали в песчанике обрывов, выглядывали из бугорков, сложенных из крупной, плотной, словно спрессованной гальки. Так вот откуда берутся сказки о драконах! Встречая такие кладбища, кочевники, конечно, рассказывали о них другим племенам, широко пошла народная молва, а воображение рисовало красочные сцены сражений богатырей и чудовищ.

Мощность костеносного слоя достигала порой восьми метров. В ширину гряды занимали нескольких сотен метров, а в длину тянулись порой на тридцать километров. Миллионы тонн костей залегали здесь. Однако для коллекции Иван взял всего несколько кусков. Пропитанные кремнием и железом, они оказались необычайно тяжёлыми и плотными.

Ивану ясно представилось, что местонахождения, которые он посетил, – разрозненные ныне части единой прежде структуры.

Сухие ветки саксаула горели бездымно и жарко. Ночью, когда угли костра потухали, а в космической дали ярко вспыхивали искры звёзд, на холодной земле Иван ощущал себя словно в глубинах времени. Отчётливо представлялись ему картины геологического прошлого Средней Азии: здесь, где он сидит, в незапамятные времена плескались морские волны. Затем «мощные горообразующие процессы всколыхнули огромными цепями и гирляндами гор весь Азиатский материк и в конце каменноугольного периода окружили мощные массивы Сибирского и Российского щитов складками горных хребтов. Тогда создался Урал, связавшийся через Киргизские степи с Алтаем, а из глубин древнего моря потянулись складки древних цепей Тянь-Шаня и Алтая, кое-где опоясываемые древними рядами вулканов <...>, а под поверхностью хребтов бурлили расплавленные массы, приносившие наверх пары металлов. Море ушло, и его место заняла суша, до наших дней не заливавшаяся водами океанов в восточных частях страны. Десятки, сотни миллионов лет тянулось это время. Разрушались горные цепи. Воды смывали и намывали пески, галечники. В одних местах в отдельных озерах и болотцах накапливались угли из тропической растительности, в других отлагались соль и гипс из соляных озёр пустыни. Климат периодически менялся. Горячие сухие периоды сменялись жаркими, но дождливыми периодами, длящимися тысячелетиями. Страна заравнивалась, а по долинам и низинам откладывались тысячеметровые осадки, скрывая древние хребты под покровом песка и глины. Море сменилось горами, горы сменились пустыней, ещё более бесплодной и безводной, чем сейчас.

Но вот снова заволновался Туркестан. Громадные подземные волны стали нажимать на поверхность земли Европы и Азии. Ожили каменные массы. Снова из глубин вод, из горных песков стали вырастать горные цепи. Земля стала ломаться, появились громадные трещины. Одни глыбы земли начали опускаться, другие – подниматься, и снова из земли выросли горы: теперь это были знакомые нам хребты. Тогда наш Копет-Даг, как по линейке отрезанный с севера такими трещинами, стал подниматься из глубин. Колоссальные хребты Памира, Алая

и Тянь-Шаня поднялись выше снеговой линии. С них потекли мощные реки Аму- и Сыр-Дарья, а на западе морские волны несколько раз набегали, заливая низины, осаждая ракушки и снова убегая на запад»⁷⁴.

Возможно, именно волны этого, последнего моря перемили кости ископаемых животных, остатки которых миллионы лет откладывались в мелких, спокойных потоках, накапливались в тёплых озёрах и болотах. Образовались целые «поля смерти», гигантские кладбища динозавров. А может быть, гибель динозавров была массовой? Сейчас мы имеем дело лишь с остаточными местонахождениями, размытыми в третичное время.

Много лет пройдёт, а загадка динозаврового горизонта Средней Азии будет тревожить Ефремова⁷⁵. Переживания и мысли учёного обретут художественное воплощение в рассказах «Тень минувшего» и «Звёздные корабли».

Джаркент, основанный генералом А. Н. Куропаткиным на месте уйгурского поселения, как и Алма-Ата, поража́л сочетанием несовместимого: казачьи домики с раскрашенными ставнями, резными наличниками и воротами – на фоне парящих гор, за которыми – Китай. Великий Шёлковый путь здесь отмечен Дунганской мечетью, деревянный минарет которой трудно признать за минарет – деревянная, нарядно раскрашенная пагода с двумя шестиугольными кровлями, по-китайски загнутыми вверх.

В Джаркенте – возможность передохнуть, сходить на почту и узнать свежие новости. До Китая – меньше 30 километров. Но кто проведёт границу по этим пустынным горам?

Из Джаркента началась южная часть кольцевого маршрута, который привёл Ефремова в исходную точку: Таш-Кара-Су – предгорья Бага-Богуты – Чунджа – Киргиз-Сай – северные склоны Кетменского хребта близ Чулек-Аксу и Ак-Тама – заезд к Такыр-Ачинох – Киргиз-Сай – Темерлик – горы Куулук – Каркаринская долина – Талды-Булак – хр. Сары-Джас – Талды-Булак – перевал Кызыл-Кия – р. Джергалан – р. Каракол – район Джеты-Огуз – Каракол – Тюн – Уй-Тал – Сазоновка – Чоктал – Рыбачье – Кок-Майнак (Буатское ущелье) – Джиль-Арык – Токмак – Фрунзе.

Тщательно исследовал Иван долины Кетменского хребта, что протянулся в широтном направлении на восток от Иссык-Куля.

В рассказе «Белый рог» действие происходит именно в предгорьях Кетменя. Ефремов глазами геолога Усольцева так показал эти места: «Долина быстро раскрылась перед ним; иноходец вышел на простор. Ровный уступ предгорий в несколько километров ширины круто впускался в бесконечную степь, затянутую дымкой пыли и клубящимися струями нагретого воздуха. Там, далеко, за жёлто-серой полосой горизонта, лежала долина реки Или. Большая быстрая речка несла из Китая свою кофейную воду в зарослях колючей джидды и цветущих ирисов. Здесь, в этом степном царстве покоя, не было воды. Ветер, сухой и горячий, шелестел тонкими стеблями чия».

Восточная часть Кетменя расположена на территории Китая.

Однажды с Иваном случилась неприятная история. В одном из селений он зашёл во двор, чтобы спросить воды. Двор был пуст. Иван оглядывался, не зная, что за чужаком внимательно следят недобрые глаза. Лёгкий шорох выдал нападавшего, вилы, направленные Ефремову в спину, отклонились вниз. Резкая боль под коленкой: один зубец вошёл в кожу, задев вену. Ударом кулака уложив противника, Иван поспешил покинуть негостеприимный двор. Проводник качал головой: не надо было ходить туда. Там контрабандисты живут, нехорошие люди, опиум возят. Глубокая колотая рана долго тревожила Ефремова.

⁷⁴ Ферсман А.Е. Путешествия за камнем. Ленинград, 1956. С. 312–313.

⁷⁵ Ефремовым будет опубликована статья «Динозавровый горизонт Средней Азии и некоторые вопросы стратиграфии» («Известия АН СССР. Серия геологическая, 1944, № 3, с. 40–58).

Всё выше и выше в горы вела дорога. Вот уже снежные вершины не сияют вдаль – они вплотную обступили Ивана. В пропастях, кажущихся бездонными, текут бурлящие реки. На крутых подъёмах он вёл лошадь в поводу, и в памяти возникали строки из «Путешествия к центру Земли» Жюль Верна: чтобы спуститься в кратер вулкана, надо было сначала подняться на колокольню, преодолев страх, а после подняться ещё раз – на склон вулкана.

Слава и гордость Киргизии – Иссык-Куль. Иван стремился обязательно увидеть это дивное тёплое озеро, на берегу которого, в Караколе, завещал похоронить себя кумир его детства – Николай Михайлович Пржевальский. Ему удалось сделать величайшие открытия – благодаря устремлённости к цели и широте интересов (география, ботаника, минералогия, зоология, орнитология). В 1860 году, во время учёбы в Академии Генерального штаба, Николай Михайлович выступил с докладом «О сущности жизни на земле» (опубликован в 1967 году), в котором высказывал свои суждения в пользу эволюционной теории. Сущность жизни – как раз то, что более всего будет занимать ум Ефремова.

В юности Николай Михайлович, как и – спустя десятилетия – Иван, мечтал об Африке, но судьба привела его в Центральную Азию. Судьба Ефремова отныне так же неразрывно связана с Азией.

Николай Михайлович бы прославлен ещё и тем, что во всех его сложнейших маршрутах не погиб и серьёзно не пострадал ни один человек. За три года работы в труднодоступных районах Монголии под руководством Ефремова не будет ни тяжёлых травм, ни человеческих потерь.

Иван жадно всматривался в профиль Пржевальского, закреплённый на серой скальной глыбе, увенчанной распахнувшим крылья орлом. Этот человек, не доживший до пятидесяти лет, абсолютно равнодушный к чинам и наградам, успел совершить так много... Что двигало им, заставляя вновь и вновь отправляться в опасные, никому не знакомые области? Последней мечтой Николая Михайловича было путешествие в Лхасу, столицу высокогорного Тибета, духовный центр буддизма. Именно туда направлялся он, когда смерть встала на его пути. Великий путешественник завещал похоронить себя на берегу Иссык-Куля...

За несколько дней Ефремов исследовал бесчисленное количество крутых склонов вдоль речушек, что стекают в Иссык-Куль с хребта Терскей-Алатау, опоясывающего озеро с юга. Голубая жемчужина в обрамлении белых вершин, память до конца жизни сохранит в сознании твои блистающие закаты.

В отчёте Ефремов написал: «С прибытием 22/VI во Фрунзе маршрут был окончен. Все осмотренные напластования красноцветных толщ не содержат фауны позвоночных. В известных местонахождениях динозавров в этих толщах (урочища Карой, Карачеку, Калкан, Кок-Майнак и др.) кости залегают в нижних частях свиты Trt в виде разрозненных, изломанных и окаменелых фрагментов, мало пригодных для изучения. Образование этих местонахождений, по-видимому, автохтонное и совершенно отличное в фациальном отношении от монгольских находок Эндрьюса и западнокитайских Свен Гедина. Ввиду того, что на всём протяжении маршрута не было обнаружено соответствующих фаций, можно считать, что вопрос о нахождении цельных скелетов динозавров, по крайней мере в пределах маршрута, разрешён в отрицательном смысле»⁷⁶.

За два месяца Иван преодолел свыше 1300 км по грунтовым дорогам и 800 км без дорог, верхом и пешком. 22 июня маршрут был окончен.

Возможно, именно из Фрунзе Иван отправил письмо Александре Паулиновне Гартман-Вейнберг, которая была в то время его непосредственным руководителем. Письмо это не сохранилось. Сама Гартман-Вейнберг 28 июня 1929 года писала А.А. Борисяку: «От И. А. Ефремова я недавно получила тревожное, непохожее на его обычные, письмо. Если он

⁷⁶ Отчёт о деятельности АН СССР за 1929 г. Т. II. Отчёт о командировках и экспедициях. Л., 1930. С. 167.

не свалился, так как писал о ряде болезненных явлений, то трудности работы и некоторая неудача весьма полезны в его возрасте, шлифуют душу и характер»⁷⁷.

Мы можем только догадываться, что путешествие нелегко далось двадцатидвухлетнему исследователю.

В семье Ефремова существует легенда, что Иван Антонович подхватил странную, периодически повторяющуюся лихорадку, которая мучила его много лет, именно в экспедиции по Семиречью и Джунгарии.

Н. М. Пржевальский, выпив речной воды, заразился брюшным тифом и умер. Может быть, именно история его смерти повлияла на создание легенды о возникновении болезни Ефремова. Однако известно, что путешествие 1929 года закончилось 22 июня, а в Ленинград Ефремов прибыл 15 июля. Мы не имеем данных о том, как прошли эти три недели, но письмо Гартман-Вейнберг наталкивает на мысль, что именно во Фрунзе Иван Антонович впервые заболел этой самой лихорадкой.

Столица Киргизии притягивала Ивана незнакомыми прежде ощущениями: «Шумящие арыки, стройные тополя, лёгкая сухая пыль... свист ветра по жёсткой траве, слепящий солнечный свет, тёплые сухие ночи, тёплый сухой, чуть горьковатый воздух – хорошо!»⁷⁸

Во Фрунзе молодой искатель испытал необыкновенную лирическую встречу, которая потом отразилась в рассказе «Тень минувшего». В нём Ефремов будто заново любитесь обликом загадочной и притягательной Мириам: «Прямо перед ним выскользнула из тени аллеи, легко перескочила арык и пошла по дороге девушка в белом платье. Голые загорелые ноги почти сливались с почвой, и от этого казалось, что девушка плывёт по воздуху, не касаясь земли. Толстые чёрные косы, резко выделяясь на белой материи, тяжело лежали на её спине и спускались до бёдер своими распушившимися концами».

...Лето приближалось к макушке, и поезд нёс Ивана на север, к прохладе великих рек и новым открытиям.

⁷⁷ Личный архив семьи Борисяк и Бодылевских. Материал предоставлен И.В. Бодылевской.

⁷⁸ Из письма И. А. Ефремова Л.С. Кучковой от 29.04.1961. Письмо предоставлено Приморским государственным объединённым Музеем имени В. К. Арсеньева (Владивосток).

Медное поле Каргалы

С отчётом приходилось спешить. Впереди ждала новая экспедиция, в задачах которой переплетались интересы палеонтологии и промышленные потребности страны. Ивану предстояло исследовать местность, где были найдены первые на территории России кости ископаемых животных. Ещё в середине XVIII века Василий Никитич Татищев и Виллим Иванович Геннин об ископаемых остатках писали как о «куриозных вещах, показывающих премудрость природы». Татищев сообщал, что рудокопы находят «многие дивные или фигурные камни, в которых закаменелые рыбы, черви, листья от деревьев или травы, раковины и прочая видимы».

И вот уже Иван идёт по степной дороге от Уранбаша к хутору Горный⁷⁹. Далеко впереди – шлейф пыли. Это телега, что везёт к хутору снаряжение экспедиции, на ней едут коллектор⁸⁰ и рабочий. Иван решил пройти пешком, чтобы оглядеться на той земле, из которой русские рудокопы извлекали «куриозные вещи».

Дорога вела вдоль поймы речки Каргалки, празднично-зелёной, украшенной белыми соцветиями таволги. Развесистые ветлы с тёмно-серой, в глубоких продольных трещинах корой росли у воды, узкие серебристые листья тихонько покачивались над быстрым потоком. Слева встал десятиметровый обрыв, крупные угловатые глыбы грозили упасть на дорогу. Затем берег начал выполаживаться, и вскоре он поднимался вверх плавным увалом. Нежно волновались под ветром ещё зелёные, не распушившиеся ковыли, розовыми шарами готовилось зацвести перекати-поле. В полугоре почти из-под ног Ивана взлетела крупная птица, затрепетала пёстрыми крыльями, тонкий необычный свист доносился до слуха даже тогда, когда птица была уже далеко. Ефремов успел заметить чёрную шею с белым галстучком, по которому сразу узнал стрепета. Вспомнился Пётр Петрович. Иван ясно ощущал, что вера учителя в него, совсем ещё юного учёного, поддерживает его и сейчас, когда надо найти ответ на сложный, ещё никем не решённый вопрос.

Вот и вершина плато – по-здешнему «сырта». Здесь, верстах в семидесяти на северо-запад от Оренбурга, располагаются значительные по степным меркам высоты – до трёхсот метров над уровнем моря. По ним проходит водораздел между реками, текущими в Урал, и бассейном Волги. Сырты по краям словно надрезаны логами – широкими оврагами, в верховьях которых растут колки – весёлые и светлые берёзовые рощицы. В низинах, поближе к воде, стоят небольшие хутора – белые домики издали кажутся особенно приветливыми.

Добрый друг – степной ветер – дул прямо в лицо. Небо и земля сливались на горизонте. Пространство, не ограниченное видимыми преградами, превращалось в простор.

Когда взгляд насытился зрелищем неоглядных далей, Иван стал внимательнее разглядывать сырт – и сразу понял, почему возница назвал эти земли порченными. Из окна вагона Иван видел, что почти всё Оренбуржье распаханно, покрыто полями. Здесь полей не было, да и трудно было что-то сеять на земле, покрытой бугорками и буграми, ямками и большими провалами, – остатками древних и новых выработок, шахтами и отвалами пустой породы и бедной руды. Провалы и пригорки покрылись вишарником – так здесь называли густые заросли низкой дикой вишни с блестящими, будто глянцевыми тёмно-зелёными листочками и сладкими, терпкими, душистыми ягодами. Что-то вздрогнуло в душе юноши, когда он представил, что всё тело сырты пронизано множеством рукотворных подземных ходов, уходящих на глубину до ста метров. С бронзового века трудились в Каргалах рудокопы, добы-

⁷⁹ Уранбаш – посёлок в Оренбургской области. Хутора Горный ныне не существует. Место, где он был, находится между хутором Новенький и посёлком Комиссарово.

⁸⁰ Коллектор – младший техник, низшее звание в геологии.

вая зелёные и голубые камни – малахит и азурит, из которых потом выплавляли необычайно чистую медь. Затем добыча на много столетий прервалась, чтобы начаться заново лишь в XVIII веке.

В 1740 году симбирский купец Иван Борисович Твердышев откупил земли Каргалы и быстро наладил добычу медных руд по следам так называемых чудских, или ордынских, выработок. Рудники были настолько богаты, что на каждый вложенный рубль Твердышев получал десять рублей прибыли, при том что возить руду для выплавки меди приходилось на южноуральские заводы за сотни вёрст. Выплавку меди на месте производить было невозможно: для этого использовался древесный уголь, а леса в Оренбуржье не росло. До середины XIX века Каргалы давали от одной пятой до четверти всей меди Российской империи. Однако к концу века добыча прекратилась: рентабельные по тем временам руды оказались исчерпанными. К тому же отмена крепостного права лишила горнозаводчиков дешёвой рабочей силы, а платить рабочим, которых они совсем недавно считали своей собственностью, владельцы рудников не желали.

Советской стране, которая готовилась к индустриальному рывку, цветные металлы были необходимы. Возможно, в недрах Каргалы таится ещё немало сокровищ. Помочь геологам могли архивные планы и карты, различные данные по рудникам, которые сохранялись в конторах почти полтора столетия. Однако все эти документы погибли во время Гражданской войны. Ивану предстояло открыть для себя и для науки неизвестную страну подземных лабиринтов, обследовать её, нанести на карту шахты, колодцы и штольни, взять образцы руд, определить, пригодно ли месторождение к дальнейшей разработке, и, конечно, отыскать в шахтах и отвалах следы жизни древнейших времён: скелеты и кости животных, отпечатки растений и целые древесные стволы.

Проходя между пёстрыми холмиками рудных отвалов, Иван вдруг увидел прямо под ногами узкий каменный колодец, прямоугольный, со скруглёнными краями, уходящий в чёрную глубину. Каменные стенки колодца были неровными – чётко различались следы ударов кайла. Туда, под многометровую толщу песчаников и мергелей, где температура не поднимается выше семи градусов, предстояло спуститься Ивану. На секунду сосущая пустота возникла в солнечном сплетении, холодок пробежал по спине, но вновь вспомнился с детства любимый образ профессора Отто Лиденброка из «Путешествия к центру Земли», который бесстрашно пустился в небывалый путь – в жерло вулкана. Так неужели же он, Иван, лишь пару месяцев назад поднимавшийся на крутые склоны Тянь-Шаня, побоится ради науки спуститься в подземный лабиринт? «Ты должен приучиться смотреть в бездонные глубины!»

К тому же это даже не жерло вулкана, а рукотворное подземелье, где до него работали тысячи рудокопов, которые спускались в шахты ежедневно на протяжении всей жизни. Трёхмерность пространства звучит, словно колокол, осознанием глубины времени. (Эту многомерность приобретут позже художественные произведения Ефремова.)

Хутор Горный, где жили рудаши – дети и внуки горных рабочих, – Иван увидел сверху. Несколько домов прятались в садах, где росли яблони, вишни, смородина и крыжовник. Выделялось несколько стройных клёнов, нехарактерных для этой местности. В низинке, в полосе клёнов, бежала речка Усолка, которую на родине Ивана, в Вырице, и ручьём бы назвать постыдились.

Иван спустился в хутор, когда телега с его товарищами подкатилась к дому рудашей Самодуровых⁸¹. Возница посоветовал остановиться у них: горница просторная, и место для

⁸¹ В 1950-х годах местные краеведы установили в посёлке Горном, на доме Самодуровых, мемориальную доску с надписью «В 1929-1930 гг. в этом доме останавливался известный геолог и писатель Иван Антонович Ефремов». До нашего времени дом Самодуровых не сохранился.

снаряжения на дворе найдётся. Но Иван отказался жить в горнице, он поселился в амбаре: так он и хозяев не побеспокоит, и ему свободнее.

Большая семья Самодуровых приняла молодого учёного как родного. Правда, хуторяне жили небогато. Как-то соседка Самодуровых, Анна Егоровна Камнева, пришла к молодому инженеру подзанять ржаной муки из экспедиционных запасов. Посулила отдать более дорогой пшеничной, из нового урожая.

– Не надо белой, я ржаной хлеб люблю, – ответил Иван.

Этот ответ Анна Егоровна помнила много лет спустя.

Иван с живостью вглядывался в жизнь народа, запоминал яркие слова, приметы, проникнуть в то, что потом с лёгкой руки Алексея Николаевича Толстого стали называть «русский характер». В 1969 году, беседуя с оренбуржцем Вильямом Савельзоном, приехавшим в Москву, Ефремов спрашивал гостя:

«– У вас всё ещё говорят: “ничё”? Я это оренбургское “ничё” на всю жизнь запомнил. Едем как-то с возницей, лихим казахиной. Очень крутой спуск, мостик через ручей, за мостиком село. Я говорю: “Держи, дядя! Лошадь понесёт, телега раскатит – и дров, и костей наломаем!”

Посмотрел, подумал: “А, ничё!”

А какое “ничё” – лошадь помчалась, телега прыгает, прёт на неё. Чудом удержались, одним духом пролетели мостик, вышибли ворота. И встали. А хозяин уже бежит из дома с топором. Ну, конец! Подбежал, сверкнул глазами. А увидел, как нас на полуразвалившейся телеге смешно разметало, – засмеялся, бросил топор: “А, ничё!”»⁸²

В работе потекли дни за днями. Сбывались детские грёзы о путешествии к недрам Земли, навеянные романом Жюль Верна.

Спустя тридцать с лишним лет Ефремов вспоминал:

«В шахты я обычно спускался прямо на канате, закреплённом за лом, вбитый в край воронки, образовавшейся вследствие осыпания земли вокруг устья шахты. Спуск производили коллектор и рабочий. На конце каната привязывалась палка, обычно ручка от кирки, закреплённая в большой петле. Я пролезал в петлю, усаживался на палку и, держась руками за канат, пытался назад в воронку шахты. В самой шахте нужно было всё время отталкиваться ногами от стенки шахты, так как канат полз по одной из стенок, а не был закреплён в центре над шахтой. Подъём производился в обратном порядке. В этом случае приходилось как бы идти по стенке шахты лицом вперёд, что менее неприятно. Были случаи, когда из особенно глубоких шахт мои помощники были не в силах вытащить меня обратно и извлекали только при помощи лошадей. Огромная сеть выработок под землёй нередко не могла быть обследована за один раз, и я проводил в подземных работах дни и ночи, иногда по трое суток не выходя на поверхность. Помощники мои обычно отказывались спускаться вместе со мной из страха перед обвалом, и в большинстве случаев я работал один.

Глубочайшая тишина и темнота старых заброшенных выработок имеет какое-то своеобразное очарование. Работа настолько затягивает, что не замечаешь, как бегут часы. День или ночь там высоко на поверхности – совершенно всё равно: здесь переходишь на другой счёт времени. То проходишь по высоким очистным работам, где гулко отдаются шаги и теряется слабый свет свечи, то ползёшь, еле протискиваясь, в узких сбойках, то карабкаешься по колодцам, восстающим на другой горизонт. Иной раз проходишь по широкому штреку, и вдруг тебя подталкивает каким-то инстинктом; резко останавливаешься – и вовремя: в двух-трёх шагах впереди чернеет огромная круглая дыра большой шахты, уходящей на более глубокий горизонт. Вверх в бесконечную тьму также уходит тот же колодец, и свет свечи слабо освещает отвесные стены без малейших следов давно сгнившей или вынутой крепи. В древ-

⁸² Савельзон В. Путиами старых горняков // Уральский следопыт. № 4, 1977. С. 54–55.

них очистных выработках иногда натолкнёшься на высокие чёрные столбы старых крепей, уходящие вверх в темноту. Если ткнуть пальцем, палец влезает совершенно свободно, как в масло, в березовую или в кленовую крепь. Иногда журчат ручейки по дну водоотливных выработок, громко звенят водопады, сбегаящие вниз на затопленные горизонты. Часто в потолке на стенках выработок обнажены гигантские (до двух метров в поперечнике) стволы хвойных деревьев пермского времени, окремненных и ожелезненных. Встречаются иногда пни с корнями и сучья. Большая радость встретить непосредственно в стенке выработки торчащую кость и, работая киркой в этом месте, обнаружить целое скопление крупных гладких зеленовато-синих от медных солей костей пермских пресмыкающихся. Или разбивать хорошо раскалывающуюся на плитки мергельную руду, отыскивая на зелёной поверхности её черные кости амфибий, скелеты рыб, отпечатки крыльев насекомых и остатки растений – все эти следы прошлого животного и растительного мира на глубине 60–80 и более метров под землёй, в глубочайшей тишине и мраке...»⁸³

Проводником Ефремова по заброшенным рудникам стал потомственный штейгер Корнил Корнилович Хренов. Иван Антонович описал его в своём рассказе «Путями старых горняков» под именем Корнила Поленова, «девятидесятилетнего, но ещё крепкого старика, бывшего крепостного владельцев рудников графов Пашковых».

Иван Антонович рассказывал о нём: «И бодрый старик был, дрова рубил, по хозяйству работал. Выходил со мной на сырт, показывал старые шахты, следов которых уже и не осталось. Он помнил их местонахождение, глубины помнил. И я от него очень много записал. Мудрый был старик, настоящий горняк. Он к жизни вдумчиво подходил, не мелочился, видел самую глубинную суть...»⁸⁴

Сначала старик неохотно беседовал с молодым учёным: «Я понял, что в глубине души Поленов затаил обиду на торопливых и поверхностных геологов, побывавших в районе и вместо подлинного исследования ограничившихся расспросами, вытягивая кое-какие сведения из старика путём безответных посулов». Когда же Иван завоевал прочное уважение среди местных жителей, штейгер сам начал заводить речь «о тех или иных особенностях руды, упоминая несколько новых для меня названий шахт».

К концу лета, когда у Ивана был вчерне готов план расположения рудников, Корнилыч сам решил спуститься в шахту с Иваном, чтобы показать ему самые глубокие горизонты. Поход этот описан Иваном Антоновичем в рассказе, где соединились наблюдательность учёного и художественное видение писателя. Повествование об опасном пути по подземным выработкам, который пришлось преодолеть исследователям после обвала породы, закрывшей вход в шахту, переслаивается с историей жизни горняков на излёте крепостного права. Благородство крепостных рабочих, решимость отстаивать своё достоинство и сила чувств оставляют в сердцах глубокое впечатление.

Поразил Ивана и сам Корнил Корнилыч: «Многолетняя, с детства воспитываемая практика работы под землёй выработала у Поленовых особое чутьё, про которое старик рассказывал так:

– Теперь пошли эти теодолиты, буссоли... Сорок раз вычисляй и исправляй, пока уверишься, что правильно наметил выработку. Если жилу какую-нибудь нужно проследить, куда она, родимая, ушла, начинают горную геометрию разводить, чертят, вычисляют. А вот мы – мой отец да и я – как работали? Походишь под землёй, примеришься и чувствуешь, куда подкоп вести, особенно если на сбойку со встречной или старой работой. Это чутьё горное нас никогда не обманывало. Сам небось видел, какие выработки прокладывали. У меня-то его меньше осталось – с буссолью заставляли работать, – но и то иной раз знаю:

⁸³ Запись беседы с Ефремовым, сделанная в июле 1960 года писателем Е. П. Брандисом.

⁸⁴ Савельзон В. Указ. соч. С. 54–55.

врёт инструмент; ошибки найти не могу, а знаю – врёт. Походишь, породу пощупаешь, куда прожилки направлены, куда зерно укрупняется. Начнёшь раздумывать, и такая уверенность придёт, что прямо приказываю: бей кваршлагом сюда вот! И всегда правильно угадывал, а почему – сам объяснить не могу. <...> Так же точно и воду чувствую под землёй, где к водяному слою ближе, где под песчаником вап лежит. Много чего знаю...»

Не просто наблюдательность, но и своеобразную духовную остроту ощутил Ефремов в старом штейгере и других рудах. Понял он, что ему посчастливилось встретиться с людьми, являющимися носителями глубинной, сокровенной культуры, которая стремительно уходит из современной жизни, понял её самобытность, ценность – и невозполнимость. Недаром на первой странице своей фундаментальной работы «Фауна медистых песчаников» (1954) он написал: «Посвящается безымянным горнорабочим старых медных рудников Западного Приуралья – первым открывателям фауны медистых песчаников».

К началу осени перед Ефремовым лежала карта рудников, масштабы которых поражали воображение. Линза распространения медной руды, вытянутая с северо-запада на юго-восток, занимала пятьсот квадратных километров. Ивану удалось обнаружить и нанести на карту местоположения нескольких старых шахт и рудников, которые упоминались в связи с находками ископаемых костей. И хотя принципиально новых находок сделать не удалось, Иван осознавал, что карта и описания рудников ценны сами по себе – как историко-культурный феномен⁸⁵.

Жизнь Ефремова в Горном казалась спокойной и размеренной: спуски в шахты, вычерчивание схем, беседы со старыми рудознатцами. Однако в душе и уме его шла серьёзная работа. В Средней Азии Иван мощно ощутил величие геологических преобразований, бездонную глубину геологического времени. Здесь, в тишине Каргалинских рудников, в постоянном ощущении опасности, в безусловной, физически ощутимой близости к недрам Земли ткань времени стала утоньшаться, делаться всё более прозрачной. Вот первая её складка – его собственная жизнь, в которой всего двадцать один год. Вторая складка – жизнь штейгера Хренова, в пять раз длиннее его собственной жизни. Ему, сейчас девятидесятилетнему, было меньше, чем Ивану сейчас, когда он помогал своему другу бежать от хищника-управляющего. И всего за сто лет до рождения Корнилыча Каргалинские рудники возобновили свою работу после двух тысячелетий забвения.

Двадцать – двести – две тысячи... Когда Иван проползал по гладким наклонным ходам доисторических времён, ему казалось, что жители бронзового века где-то совсем рядом. Такими близкими представлялись два тысячелетия на фоне 250 миллионов лет, когда образовывались медистые песчаники, когда водные потоки несли с высоких Уральских гор рудные растворы, замедлялись и осаждали их в низинах, где обитали хищные диноцефалы⁸⁶, растительоядные венюковии и горгонопсии.

Время расслаивалось, но не разрывалось, всё яснее вырисовывалась кровная связь человека с глубинами Земли – и с космосом, частью которого является наша планета. В Каргалинских рудниках вызревали не только темы будущих научных работ палеонтолога Ефремова, но укреплялись основы мировоззрения, благодаря которым исследователи творчества Ефремова отнесут его к плеяде русских космистов.

⁸⁵ Ныне создан ландшафтно-исторический заповедник «Каргалинские рудники». Он расположен в юго-западной части Октябрьского района Оренбургской области и охватывает ряд урочищ в верховьях реки Каргалки и ее притоков общей площадью 1298 га. Проект разработан Оренбургским филиалом русского Географического общества. С 1990-х годов на этой территории работает экспедиция Института археологии РАН.

⁸⁶ И. А. Ефремов обычно писал *диноцефалы*, сейчас принято написание *дейноцефалы*.

Палеозоологический институт

Осень для геологов и палеонтологов – время новостей. Возвращаются из экспедиций друзья и коллеги, всем хочется поделиться находками. Да и в музее всего накопилось довольно.

Одной из таких новостей для Ивана стало получение письма из Германии от Отто Пратье. Имя этого геолога-тектониста называлось в череде самых выдающихся учёных немецкой школы. Иван догадался, что пришёл ответ на рукопись, посланную им в журнал «*Geologische Rundschau*». Написать туда он решил после того, как познакомился с основами геологии и общей истории лика Земли, в частности, с теорией рельефа океанических впадин. Тектонисты полагали, что тектонические впадины – это ровные подводные долины с равномерным слоем осадков. Вспоминая мели и течения Азовского, Охотского и Каспийского морей, сопоставляя прочитанное с собственным опытом морехода и лоцмана, Иван пришёл к выводу, что океанские впадины должны иметь сложный рельеф и свою геологическую историю. Подводные хребты на дне впадин не могут быть покрыты слоем осадков, которые должны будут скапливаться в низинах, значит, хребты доступны изучению. (Да, то, что сейчас кажется очевидным, приходилось доказывать!)

С волнением разворачивал Ефремов письмо от именитого учёного⁸⁷. Призвав на помощь знание немецкого (спасибо школе!), Иван читал обескураживающий ответ. Пратье писал, что взгляды Ефремова – домыслы и невежество дилетанта, а дно океана ровное и покрыто сплошным толстым слоем осадков. Глубокое возмущение наполнило душу молодого учёного. Письмо не поколебало его уверенности в собственных взглядах, но дало ему пример косности в науке.

В 1929 году по всей стране геологи вели съёмку местности. К работе были подключены и студенты. Студент Носов, работавший на Волге, в Татарии, обнаружил в одном из ничем не примечательных оврагов крупные кости. Правда, кости рассыпались при попытке взять их, но в отчёте студент упомянул об этой находке, возраст которой определили как верхнюю пермь. С ней на много лет свяжет свою судьбу палеонтолог Ефремов, но будет это позже. А пока верх берёт геология.

Работая над отчётом по Каргалинским рудникам, Иван ощутил необходимость шире взглянуть на вопрос добычи медной руды в Приуралье, его интересовали другие известные рудники к северу от Каргалы, вопрос образования медистых песчаников. Для определения перспектив разработки меднорудных месторождений следовало расширить район поисков.

Археологи, раскапывая древнее городище, описывают каждую найденную бусину. Кажется, что это необычайно скучно. Но наука начинается с внимания к любой, порой малозаметной, детали. Такими бусинами для палеонтолога становятся даже самые мелкие находки.

Перед Ефремовым возникла задача: для установления фауны медистых песчаников следовало расширить район поисков – но на сей раз бумажных: надо собрать максимально возможные данные по всем находкам, сделанным в Каргалинских рудниках. Многие из них хранились в частных коллекциях за рубежом, некоторые – в музеях других стран. Описать и систематизировать эти находки, сравнить с теми, что хранятся в СССР, и сопоставить с фаунами других местонахождений... Эта задача станет магнитом, который четверть века будет притягивать мысли Ефремова.

⁸⁷ Копия статьи и ответ Отто Пратье не сохранились. Позже, когда сложность рельефа морского дна была доказана, Иван Антонович любил при случае вспоминать эту историю.

Однажды под сводчатые потолки светлого вытянутого зала, где на фоне живописного панно высился громадный скелет индрикотерия, а вдоль стен, увешанных бивнями, стояли стеклянные витрины с челюстями и позвонками древних животных, вошёл незнакомый Ивану человек. На вид ему было лет двадцать семь. Ищущий взгляд обратился к Ивану.

– Я хотел бы показать свои находки, – с сомнением оценивая юный возраст научного сотрудника 2-го разряда, сказал гость после знакомства.

– Валяйте! – разрешил Ефремов.

В кабинете гость выложил на стол несколько окаменелостей.

– Что за ерунду вы принесли! – воскликнул насмешливо Иван, оглядывая находки.

– Я взял с собой лишь то, что смог.

Гость не на шутку оскорбился и хотел было покинуть кабинет, но Иван остановил его.

– Погодите, погодите. Вы это сами добыли? Где? Ах, в Казахстане, в верховьях Иртыша... А вот это ценно!

Так началось знакомство Ивана Антоновича и Юрия Александровича Орлова. Увидев искренний интерес Ивана, Юрий Александрович рассказал, что в Казахстан он ездил по собственной инициативе, во время своих отпусков и на свои средства. Сначала Орлов был биологом, специализировался в гистологии, был учеником академика Алексея Алексеевича Заварзина, который славился строгой подготовкой своих подопечных, требовал от них не только знания своей специальности, но и широкой биологической эрудиции. Орлов занимал уже довольно высокий для молодого учёного пост старшего преподавателя Военно-медицинской академии, когда неожиданно увлёкся палеонтологией, увидев в ней возможность объяснить кардинальные вопросы биологии, исследовать причины возникновения морфологических структур. К удивлению коллег, он начал по совместительству заниматься новой для себя наукой в Центральном геологоразведочном институте, но это не удовлетворяло желания глубоко погрузиться в мир древних животных.

Во время самостоятельных экспедиций Орлов открыл в Казахстане несколько местонахождений прошлых эпох. Самое большое открытие он сделал на Иртыше, возле Павлодара – нанёс на карту гигантское местонахождение ископаемых млекопитающих.

Несколько месяцев – и Юрий Александрович станет ближайшим помощником Алексея Алексеевича Борисяка, которому требовались энергичные сподвижники: по музею ходили слухи о превращении палеонтологии в самостоятельную «боевую единицу» советской науки.

И действительно: вскоре стало известно, что в Академии наук по инициативе Борисяка и Петра Петровича Сушкина готовится создание отдельного института по проблемам палеонтологии. Весной 1930 года на базе остеологического отдела и Северодвинской галереи Геологического музея такой институт был создан. Именовался он Палеозоологическим⁸⁸, сокращённо, по моде того времени – ПИН. Иван автоматически стал сотрудником института. Возглавил его академик Борисяк, которому было уже около шестидесяти. Заместителем стала энергичная дама сорока восьми лет – Александра Паулиновна Гартман-Вейнберг, до увлечения палеонтологией занимавшаяся сравнительной анатомией в Медицинском институте.

Гордостью института стала уникальная музейная экспозиция, которая располагалась в двух больших залах и была открыта для посещения. Препараторы и реставраторы трудились над обработкой экспедиционных сборов, за счёт которых коллекцию планировалось значительно увеличить.

⁸⁸ Впоследствии Палеозоологический институт АН СССР был переименован в Палеонтологический. Располагался по адресу: Ленинград, Тучкова набережная, д. 2.

Академическая зима в этот год выдалась особенно кропотливой. Иван поставил себе целью собрать все имеющиеся в наличии палеонтологические материалы по Каргалинским рудникам. Судьбы многих находок были весьма причудливыми: так, челюсть пресмыкающегося, найденная ещё при Екатерине, попала в руки агенту английской меднорудной концессии, а тот направил её в Австралию.

Чтобы установить места хранения и историю находок, штудировал отечественную и зарубежную литературу: где, в каком музее или частной коллекции хранятся упомянутые в отчётах образцы? Можно ли получить их для изучения? Если нельзя сами образцы, то, может быть, пришлётте гипсовые слепки? Письма написать было не долго, гораздо сложнее было дожидаться ответов, и дело затянулось на годы.

Между тем вопрос добычи медной руды остро стоит перед страной, которая начинает второй год первой пятилетки. Ефремов с увлечением, со всем жаром пылкого сердца продолжает работу по обследованию меднорудных месторождений, но в новом году уже по поручению Инцветмета⁸⁹. В качестве прораба Каргалинской геолого-поисковой партии Иван вновь приезжает в хутор Горный и снова останавливается у Самодуровых. С горечью узнаёт он, что старый штейгер, с которым они прошли опасный путь под землёй, умер.

22 июля 1930 года двадцатидвухлетний Ефремов пишет академику А.А. Борисяку: «Недостаток материалов и рабсилы сильно тормозит развитие горных работ. Завтра начинаем вскрытие двух больших старых шахт, где можно ждать хороший палеонтологический материал, да и для изучения медистых песчаников будет получено не мало. В другое время занимаюсь геосъёмкой. В общем, я производитель горных работ и геосъёмки, официально – опробования. Кое-что из косточек уже найдено, пока немного. В начале августа уеду в Уфимскую губернию, а в конце будут готовы шахты, тогда проникнем в подземные выработки. На днях перекидаю все рудные штабеля на Кузьмолдовском руднике – обеспечено пудов 25 остатков амфибий и рыб. Разработка Левских, Щербаковских и Верхнеордынских рудников для опробования также даст возможность собрать материал по позвоночным... Собрал новые, интересные данные. Работа этого лета пройдёт для меня с пользой, так как ознакомлюсь с многими видами горных и разведочных работ непосредственно на практике. В начале я был ещё производителем работ алмазного и ударного глубокого и мелкого бурения. Видите, как полезно. В довершение специальностей работаю с теодолитом по маркшейдерской наружной и подземной съёмке. Вот пока все мои подвиги...»⁹⁰

Район поисков расширяется – за лето Иван успевает не только нанести на карту новые шахты Каргалы, но объехать и исследовать рудники Башкирии и Прикамья, выполняя необходимую работу по съёмке местности и собирая сведения о палеонтологических находках.

В 1965 году к Ефремову, уже известному писателю, обращается учитель из Оренбургской области по фамилии Зенов, который собрался с детьми в краеведческий поход. Ефремов пишет ему, что поход этот «должен пройти как раз по интересующим меня местам распространения рудников в Уфимской губернии».

«Эти рудники, – продолжает Иван Антонович, – работали раньше Каргалинских, в 1760–1790 годах, часть позже, в период 1820–1850. В них были найдены интереснейшие находки древнейших зверообразных пресмыкающихся и земноводных, огромные скопления древесных стволов и раковины моллюсков.

Я был на этих рудниках в 1930 году, когда брал пробы с отвалов рудников и руководил их нанесением на карту, исследовать их было очень трудно, так как рудники (вернее, то, что

⁸⁹ Институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина, созданный в Москве в 1917 году.

⁹⁰ Цит. по: Бодылевская И.В. Академик А.А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг. М, 2008. С. 26.

от них осталось) заросли густейшим дубовым лесом. Мне удалось найти только несколько открытых шахт и карьеров. Я спускался в них – они стоят очень прочно, совершенно сухие.

Мне думается, что Вы с ребятами могли бы пройти по отвалам этих рудников и посмотреть, в каком виде они сейчас находятся. Если лес, росший на них 35 лет назад, вырублен, то теперь они гораздо более доступны для изучения, и ученики смогут посетить их. Напишите мне, что Вы увидите, – сделаете полезное дело, а если на отвалах найдёте какие-либо окаменелости, стволы окаменелых деревьев, стяжения медных минералов – пришлите в Палеонтологический институт Академии Наук (Москва, В-71, Ленинский проспект, 16), Чудинову Петру Константиновичу. Определения будут Вам сделаны.

Главное поле этих рудников находится между горочками Стерлибашево и Киргиз – Мияки, на сыртах около деревень Казанка, Старая Родионовка, Дмитриевское – Болгарино – в среднем по 400 отвалов у каждой. Дальше идут штольни и отвалы у деревни Кочегановой и большой рудный карьер у деревни Семашево.

Огромные отвалы есть у деревни Яшляр и у Каркалинского завода в деревне Камышлы, там же были открыты шахты на глубине 10 метров.

Где-то около Камышлов есть (вернее, был) Ужов хутор, там тоже есть рудный карьер, как у дер. Семашкино. На Каркалинском заводе осталась большая куча рассыпавшейся в песок руды и такая же куча серного колчедана – пирита, почти тоже рассыпавшегося.

У дер. Ново-Генераловки – опять большое поле отвалов и открытая штольня на верхе сырта. Оттуда близко дер. Ключевка с одним из самых древних рудников – Ключевским, первые сведения о котором восходят к 1745 г. Там есть открытые шахты. Дальше по сырту идут отвалы у деревень Ново-Николаевка, Турган, Дурасова (тоже самый старый рудник – Дурасовский), Таняева и Федоровка – самая южная группа маленьких отвалов.

На 3-х верстной карте Европейской части Союза посёлок Камышлы находится в 2-х км на восток от Большой Каргалы. Дер. Яшлар в 10 км на юго-юго-восток от Б. Каргалы. Посёлок Казанка на карте – Ильиновка, дер. Алдарова (где тоже много отвалов) = Айдаралина. Дер. Болгарино, иначе назыв. Болгарова, на юго-юго восток от Дмитриевки и на запад от Ильиновки. Большие и Мал. Каргалы вблизи села Уязы-Башево Киргиз-Миякинского района»⁹¹.

Остаётся только поражаться памяти учёного, который мог в деталях рассказать о своих исследованиях тридцатипятилетней давности.

Осенью 1930 года, на заседании комиссии Инцветмета, защищая месторождения, на которых можно было поставить добычу медной руды, Иван увлечённо излагал свои доводы. Как неожиданный выстрел, прозвучал для него вопрос одного из членов комиссии: где вы получали образование, молодой человек? Ах, не закончили? А на каком основании вы считаете, что вы правы?

Иван смело ответил, что теорию он изучил самостоятельно, лучшая проверка теории – это практика, то есть результаты его работы. Там, в поле, он был безусловным авторитетом, опытным геологом и руководителем, но здесь, в столицах – он видел: значение имело иное. Вспомнились слова Сушкина: «Да и университет небесполезно окончить...»

Но для того, чтобы получить документ, не обязательно уныло ходить на занятия. Иван прекрасно знал это: сумел же он закончить школу, занимаясь самостоятельно! Диплом высшей школы тоже можно добыть экстерном. Только надо сначала с отчётами и текущими делами разобраться...

С особым чувством спешил Иван в Ленинград после полевого сезона 1930 года. В этот раз разлука с любимым городом казалась ему на редкость долгой. Ксения, милая, ласковая, жена...

⁹¹ Письмо И. А. Ефремова Зенову. Москва, 3 мая 1965 года. Из личного архива И. А. Ефремова.

Ксения Свитальская работала препаратором в ПИНе. Была она дочерью известного геолога Николая Игнатьевича Свитальского, профессора Горного института. Худенькая, миниатюрная, она вызывала в Иване чувство трогательной заботы. Когда они вместе возвращались домой, прохожие с улыбкой оглаживались: юная женщина казалась крохотной рядом с огромным, широкоплечим Иваном.

Злые языки говорили, что Иван женился на ней ради карьеры: профессор Свитальский одним из первых начал исследовать криворожские руды. На основании его исследований на Южном Урале, возле горы Магнитной, начали строить гигант первой пятилетки – Магнитогорский металлургический комбинат.

В ответ на слухи Иван морщился: люди судят по себе. Нет, не лавры отца покорили Ивана.

Кстати, о злых языках. Осенью Иван обнаружил, что в ПИНе появились новые сотрудники. Музею требовались препараторы. Александра Паулиновна, заместитель директора по научной части, приняла на работу сотрудников, которые беззастенчиво использовали ПИН как место, где можно было временно скрыться от политизации общества. Не имеющие ничего общего ни с геологией и биологией, ни тем более с палеонтологией, такие личности, как М. Ф. Косинский, вошли в число «научных сотрудников», совершенно равнодушных к науке. На место учёного секретаря по совету Косинского был принят его приятель – пианист Дмитрий Брониславович Ловенецкий. Он не имел никаких познаний в палеонтологии, однако Александра Паулиновна сочла, что люди, обязанные ей приёмом на работу, будут занимать её сторону. Вообще всех сотрудников она делила на «своих» и «чужих».

Препараторы и реставраторы составляли большую часть сотрудников, а при проведении партийных и комсомольских собраний были важны голоса каждого из участников.

Одним из препараторов музея был Николай Косниковский, дружбу с которым Ефремов сохранит до конца жизни. Вместе они выпускали юмористический журнал «ПИНоптикум». Иван сочинял короткие иронические стишки, а Николай рисовал картинки.

Для Ефремова образцом учёного являлись такие люди, как Пётр Петрович Сушкин, Александр Евгеньевич Ферсман, Владимир Иванович Вернадский, в которых любовь к науке сочеталась с высокой интеллигентностью и порядочностью. Общаясь с Александрой Паулиновной, Ефремов не мог взять в толк, как совмещаются в этой немолодой, не имевшей детей женщине страстная преданность науке – и невероятное честолобие, крайне ревнивое отношение к достижениям других, желание утвердить за собой безусловное первенство и влиять на судьбы других людей. Она мечтала о достойных учениках, но не находила таковых. Одно время она взяла шефство над спутником Ефремова на Богдо, препаратором Фёдором Кузьминым, хотела помочь ему получить образование. Но из этого ничего не вышло.

В начале тридцатых годов, когда в обществе говорили о равенстве мужчины и женщины, было принято здороваться за руку. Александра Паулиновна здоровалась именно так, но только с людьми, хорошо ей знакомыми. Посторонним руку не подавала. «Я могу пожать руку человеку, только будучи уверенной в его порядочности», – говорила она, а «порядочный» в её интерпретации означало «лояльный».

Ефремова Александра Паулиновна терпела с большим трудом, считая его выскочкой, дилетантом в палеонтологии, не имевшим научной школы, постоянно припоминая ему отсутствие диплома, и демонстративно не здоровалась с ним за руку. При встречах, правда, старалась относиться к нему максимально сдержанно, зная покровительственное отношение Борисяка: тот помнил, как юный искатель, мечтающий об охоте за ископаемыми, пришёл к нему в кабинет. Сам же Борисяк в институте появлялся редко по причине нездоровья.

В экспедиции все мелкие заботы отодвигались, действовал один мощный вектор научного поиска, неотделимый от самого тесного взаимодействия с различными силами природы. В городе внимание вынужденно дробилось, разбивалось на несколько потоков. В

чередѣ бытовых дел ещё более, чем в поле, нужно было держать цель, к которой стремились бы извилистые пути мысли. После смерти Сушкина Иван искал учителя, человека, которому он мог бы доверить самые важные свои мысли. Ни Гартман-Вейнберг, ни стареющий Борисяк на эту роль не годились...

19 ноября 1930 года двадцатидвухлетний Ефремов пишет письмо академику Вернадскому: «У меня есть некоторые новые взгляды на эволюцию наземных позвоночных в связи с равновесием CO_2 в атмосфере в разные геологические эпохи и ионизацией вод в присутствии различных элементов, например V, Cu, K. В настоящее время в СССР Вы единственный человек, от одобрения которого зависит судьба моих гипотез».

Ефремов посылает Вернадскому небольшую работу, перепечатанную на пишущей машинке. Ответа не было. Вполне возможно, что великий учёный при громадной занятости просто не смог прочитать присланную рукопись.

Размышляя о том, как образуются кладбища динозавров, какие диалектические закономерности лежат в основе разрушения пород и как эти породы осаждаются, Ефремов штудировал работы современных учёных-геологов. Иван живо интересовался новинками, не прошёл он мимо монументального труда профессора Михаила Михайловича Тетяева «Геотектоника». Исследуя формы складчатости, Тетяев считал, что в геологической летописи лучше сохраняются те породы, что накапливались в пониженных участках земной коры, не подвергавшихся разрушению. Значит, думал Ефремов, в каждом геологическом периоде будут сохраняться отнюдь не все типы осадков. Постепенно в сознании молодого учёного зарождалась идея будущей тафономии, накапливались всё новые и новые факты.

Палеонтология оставалась неизменной точкой притяжения мыслей Ефремова, но экспедиционная жизнь временно складывалась иначе.

Всех в институте взволновали результаты экспедиции Центрального геолого-разведочного института под руководством Б.А. Штылько: в 1930 году в Каменном овраге близ села Ишеево были найдены остатки улемозавров. Штылько был намерен продолжить раскопки и в 1931 году. Александра Паулиновна тоже собралась на Волгу, в междуречье великой реки и Свияги. В результате её экспедицией была собрана коллекция парейазавров.

Ефремов считал изучение захоронений под Ишеевом исключительно перспективным, несмотря на плохую сохранность самих костей: требовалось большое искусство препараторов, чтобы скелеты не рассыпались при первом прикосновении.

В новом полевом сезоне Ивана ждали Амур-батюшка и заманчивые дальневосточные земли, на которые ещё не ступала нога русского картографа.

Нижне-Амурская геологическая экспедиция

Проезжая на низкорослой бурятской лошадке по пологим увалам, где вольготно расположился Хабаровск, Иван мысленно призывал себя к терпению. Кончается июнь, две недели он торчит в этом городе⁹², теряя драгоценное время, хотя уже 28 мая экспедиция должна была выступить на маршрут. Но это из столиц всё выглядит гладко, а на месте приходится распутывать множество нитей, развязывать сотни узелков. Слишком далеко от Москвы до центра Дальневосточного края.

В 1930 году ВЦИК и правительство РСФСР приняли решение о культурном и хозяйственном строительстве Дальневосточного края. «Зажжём в тайге маяки индустрии!» «Дальний Восток станет валютным цехом страны!»

Но как же можно строить новые заводы и фабрики, развивать промышленность, если богатства края ещё не исследованы геологами, а некоторые территории даже не нанесены на карту? Прозвучал новый клич: «Не оставим «белых пятен» на карте Родины!»

Зимой 1931 года Москва решила организовать несколько экспедиций для общего геологического исследования Дальнего Востока. В них входили более восьмидесяти местных геологических отрядов. Всего же было организовано 160 изыскательских партий. Опыта такой масштабной полевой работы ещё не было, не хватало квалифицированных научных кадров. Вновь прибывающим геологам часто приходилось получать совсем иные задания, не те, на которые они рассчитывали, вглядываясь в карты новых маршрутов. Необходимые деньги для Академии наук задерживались, и даже в начале апреля организация всей исследовательской работы была под угрозой срыва.

В Совете по изучению производительных сил (СОПС) Союза ССР при Академии наук было решено, что Ефремов станет начальником отряда Иманской экспедиции на период с 28 мая по 31 октября 1931 года. Иван тщательно подготовился к маршруту. Бывалые люди посоветовали закупить в Бурятии лошадей и отправить их в Хабаровск поездом: местные геологи заранее разберут всех лошадей, и отряд, если не примет меры, останется без транспорта. И вот лошади есть, но маршрут, видимо, будет иным, нежели предполагалось.

Газета «Тихоокеанская звезда» писала:

«Из Центра прибыла экспедиция по исследованию верховий Имана. Такая же экспедиция стояла в плане наших местных научных организаций, и люди специально готовились для работы именно в этом районе. В последнюю минуту (начало июня) одной партии пришлось переключиться с исследований верховий Имана на исследование Горюно-Самагирского района, в районе озера Эворон и выше на север в сторону Амгуни, где они могут встретиться с работниками Селемджино-Буреинской партии экспедиции Академии наук»⁹³.

Прибывших из Москвы разместили в общежитии научных работников, которое чаще называли «бывшей пятой гостиницей Хабаровска». Отвратительные бытовые условия в ней не скрашивал даже блеск великолепного Амура.

Когда маршрут был определён, непросто было договориться об отправке по реке грузов и лошадей. Иван мог бы не раз выйти из себя, однако его сдерживала спокойная улыбка геолога Павловского. Евгений Владимирович, руководитель Нижне-Амурской экспедиции, был учеником Владимира Афанасьевича Обручева. Много дорог было пройдено молодым учёным, он хорошо знал особенности Сибири.

⁹² По мнению В.П. Бури, Ефремов прибыл в Хабаровск не ранее 10 июня.

⁹³ Чар Г.В. Приступаем к изучению богатств края // Тихоокеанская звезда (газета), № 141, 28 июня 1931 г. Цит. по: Буря В.П. Экспедиция в 1931 год. Штрихи к биографии Ивана Антоновича Ефремова. Рукопись.

22 июня 1931 года Дальневосточный краевой исполнительный комитет Хабаровска выдает удостоверение: «Начальник отряда Нижне-Амурской геологической экспедиции Академии наук СССР тов. Ефремов Иван Антонович командирован в Эворон-Лимурийский район во главе отряда экспедиции для производства геологических работ. Предлагается всем организациям оказывать всяческое содействие отряду экспедиции в его работе». Из-за вынужденной задержки срок командировки был увеличен до 15 ноября. В состав отряда вошли старший коллектор Н. Н. Ульянов и топограф И. П. Шилов.

На пароход, помнивший ещё времена капитана Лухманова, погрузили лошадей и снаряжение экспедиции, и могучий Амур понёс судно вниз по течению. Холодные быстрые мутные воды. Тёмным хвойным лесом заросли крутые обрывистые берега. Яркими цветами покрыты прогалины. Там, где берега вылаживаются, встречаются пашни и луга, на которых пасётся скот.

На левом берегу великой реки, на вытянутом валу, расположилось село Пермское, построенное выходцами из Пермского края. Пристани здесь не было, и пассажиры с любопытством наблюдали, как, развернувшись поперёк течения и двигаясь носом к берегу, пароход упёрся в грунт. Носовой проволоочный трос быстро закрепили за лесину, и пароход, маневрируя, встал параллельно берегу. Подали сходни. С волнением ступил Иван на колеблющиеся под ногами доски: наконец начинался его первый таёжный маршрут. Здесь отряды Павловского и Ефремова разделялись.

В 1933 году Академия наук СССР издала «Геологический очерк западной половины озёрного края Приамурья», написанный совместно Павловским и Ефремовым. Во введении сказано: «Отряд Ефремова прошёл от устья реки Горин вверх до слияния Горина с рекой Хуин (ныне р. Девятка). Затем вверх по Хуину до озера Эворон, вокруг всего озера Эворон с заходом в низовье р. Эвур. Другой маршрут того же отряда был проведён от селения Среднетамбовского на Амуре вниз по Амуру до селения Киселёво. Отсюда по выючной и приисковой тропе до прииска Спорного на реке Лимури; вверх по Лимури до вершины левой Лимури, далее – в верховья реки Боктор. Отсюда вниз по Боктору отряд вышел снова на реку Горин». Но это очень упрощённая нитка маршрута, протянувшегося на тысячу километров с лишним.

Задач у малочисленного отряда было несколько. Ефремов знал, что в просторной пойме Амура, на месте села Пермского и Дзёмги – стойбища гольцов (так тогда называли нанайцев) – предполагалось построить новый индустриальный центр Дальнего Востока. Необходимое составление топографических карт почти неизученного Амуро-Амгунского междуречья предполагало изыскание пути, по которому могла бы протянуться к новому городу линия железной дороги. Требовалось изучение геологии района, геологическая съёмка – и на всём протяжении маршрута опробование пород на золото промывкой в лотке.

Пробиваться к озеру Эворон напрямик через тайгу и сопки не имело смысла. Отряд, навьючив лошадей, пошёл к стойбищу Биди до устья реки Горин, вверх вдоль русла Горина, затем вверх по Куину. От жителей Пермского Ефремов знал, что на Куине, недалеко от озера, есть стойбища гольцов – Синдан и Кондон.

Лошади тяжело шли по таёжному бурелому и прибрежным камням. Взятый в Дзёмги проводник говорил, что Эворон легче будет исследовать на улимагде – лодке-долблёнке с острыми носом и кормой, – а лошадей временно оставить в Кондоне. Предложение было разумным: на севере и востоке берега озера были плоскими и топкими; покрытые мягким болотным ковром, с высокими кочками и редкими корявыми лиственницами. Такие места недаром носили название «марь»: передвигаться здесь с тяжёлой ношей было исключительно трудно.

Погружаясь в мир девственной тайги, где сотни лет жил в ладу с природой древний народ, Ефремов словно заново учился слышать и видеть. Отталкиваясь шестом, тихо сколь-

зил он по зеркальной глади мелководного озера на остойчивой улимаге, распугивая куликов и уток. С берега струился тяжёлый пряный запах цветущего багульника, похожий на аромат перебродившего вина. Зудела мошка. Нехотя взлетали из тростника серые гуси и цапли. В тёплой воде, как брёвна, стояли сомы, охотились щуки. Стремительно кидалась вниз хищная скопа, взлетая с трепещущей в клюве рыбой.

Это озеро и тайга сотни лет кормили простых людей, живших в приземистых фанзах. Они выделявали меха и шкуры, заготавливали на зиму рыбу – сушили её на вешалах, а затем хранили в небольших амбарчиках на сваях. Но рыбы гольды заготавливали столько, сколько могли съесть, дичи стреляли столько, чтобы быть сытыми. Исконная мудрость человека, осознающего лес, реку, озеро и себя единым организмом, поразила Ивана. Простота и знание сливались в нанайских песнях, звучали в незамысловатых рассказах.

С теодолитом и нивелиром начальник отряда и топограф обследовали Эворон. Овальное озеро имело площадь почти двести квадратных километров. С высокого западного берега, покрытого лесом, противоположный берег казался узкой сизой полоской, на которой едва заметными пологими холмами обозначались гольцы верховьев Эвура.

Нанеся на карту берега, только с помощью проводника Иван смог отыскать устье реки Эвур, которая закладывает невероятные петли при впадении в озеро. Но в болотистой котловине было трудно установить основные геологические породы.

Рассказ Ефремова «Алмазная труба», написанный во время войны, наполнен множеством деталей, позволяющих воочию представить трудности таёжного похода:

«В сердце тайги царит душная неподвижность. Ветер, отгоняющий назойливого гнуса, здесь редкий и желанный гость. На ходу мошка ещё не страшна: она облаком вьётся сзади путников. Но стоит остановиться, чтобы осмотреть породу, записать наблюдения или поднять упавшую лошадь, и туча мошки мгновенно окутывает вас, липнет к потному лицу, лезет в глаза, ноздри, уши, за воротник. Мошка забирается и под одежду, разъедает кожу под поясом, на сгибах колен и щиколотках, доводит до слёз нервных и нетерпеливых людей. Поэтому мошка является своеобразным «ускорителем», определяющим убыстренный темп работы на случайных остановках и сводящим к минимуму всякие задержки. И только во время длительного отдыха, когда разложены дымокуры или поставлена палатка, появляется возможность неторопливо оглянуться на пройденный путь».

Совершив переход к реке Мони, отряд изучил Наймуковский минеральный источник в Хорпичеканском водоразделе. В верховьях Мони построили плот, погрузили продукты и вещи. Горные реки с характером, и норовистая Мони перевернула плот. Геологи остались без продовольствия, одежда и вещи промокли. Как из-под земли, перед путешественниками появился гольд – лет тридцати, коренастый, крепкого сложения. Никифор Дзяпи, бригадир только что созданного колхоза «Сикау покто» («Светлый путь»). Никифор поделился продуктами с русскими геологами и вывел их кратчайшим путём в район Чукчагирского озера, где было пастбище колхозных оленей. Оленеводы, амгунские эвенки, дали геологам запас продовольствия, нашли для них лодки. Дальше отряд Ефремова двинулся в путь уже с проводником, представителем древнейшего нанайского рода Самар Григорием, в крещении Духовским.

На улимаге удобно плавать по озеру, но на извилистой реке такая лодка тяжела. Лёгкая берестяная оморочка – самая подходящая лодка для геолога, который решил подняться вверх по таёжной реке. Добравшись до вершины реки Хорпи (на современных картах – Харпин), Ефремов увидел всё ту же ровную котловину. Пройдя с оморочкой и полным грузом снаряжения километров двадцать за урочище Гиляхальжиктани, геолог спустился назад на Горин, а затем зашёл с севера, с Эвура, на его приток Хорпичекан, быструю речку с тёмной водой, струившейся между извилистыми берегами. На речке не было обнажений коренных пород,

даже гальки не нащупывалось на вязком, илистом дне. Пришлось подниматься в вершину реки Хорпи, «где нашлись интересные геологические штуки»⁹⁴.

На Эвороне, реликтовом по происхождению озере, трудно было рассчитывать на золото. Наметив возможную трассу железной дороги, к 30 июля долиной реки Горин отряд вернулся на Амур.

За селением Среднетамбовское пойма Амура резко сужается, и справа, и слева к реке подступают высокие сопки. Амур почти перестаёт петлять, течение убыстряется. Плыли на улимагдах, подходя к берегам, изучая геологическое строение, собирая образцы и фотографируя обнажения. На широких ветровых просторах Амура нанайские улимагды оказались неожиданно устойчивыми.

За селом Киселёво (ныне Кисёлевка) горы вновь расступились, река распалась на многочисленные протоки, а пойма блестела старицами. Здесь в Амур слева впадает резвая Лимури. В горах по её течению известно несколько приисков.

Но прежде чем отправиться на исследование приисков, отряд Ефремова, спустившись ещё ниже по течению, сделал боковой маршрут на озеро Кизи, в село Мариинское, после чего достиг берега Японского моря, побывав в заливе Де-Кастри.

От озера Кизи отряд поднялся вверх по Амуру. И вот выючный караван отправляется через сопки, уже тронутые осенней желтизной, по набитой тропе к реке Лимури. Копыта лошадей то чавкают по болотистой жиже, то звякают по камням, ремни и кольца выюков на сёдлах равномерно поскрипывают.

В прозрачной воде дрожит отражение Мартемьяновой горы. Недалеко, на ровной площадке – деревянная изба, коновязь, сарай. Прииск Спорный. Ох, видать, не зря его так называли... Развьючить лошадей – теперь им предстоит несколько дней отдыха. Молодым путешественникам – исследование окрестностей и гадание: мелькнули ли в лотке золотые крупинки. Иван рад возможности спокойно поработать в избе, привести в порядок записи в полевом дневнике, где на страницах – расплывчатые розоватые пятна от капель пота и прилипшей мошки.

Всё выше горы, всё гуще и глуше тайга, всё говорливее реки.

Резко испортилась погода. Сильнейший снегопад скрыл траву, которой питались лошади. Под полуметровым слоем снега трудно было различать, что перед тобой – топкая марь или каменистая осыпь. Мороз доходил до 12 градусов. Ефремов отправил топографа, коллектора и рабочих с лошадьми обратно на прииск, а затем в райцентр; сам с проводником двинулся дальше.

Через верховья левого истока Лимури путешественники перевалили через хребет в систему реки Боктор. Но от истока до устья – целая жизнь.

Ефремов вдвоём с проводником на оморочке начал было сплавляться по Боктору. Река то стремительно неслась узким коридором среди высоких, падающих в воду деревьев, образующих заломы⁹⁵, то резко поворачивала, упираясь в скалу, вспениваясь бурунами. Оморочку так швыряло, что не раз приходилось срочно чинить тонкую берестяную посудину. Какой утлой казалась Ивану их лодочка по сравнению с мощью дикой воды!

Поднялись на гребень сопки – отсюда река была видна на несколько километров. Стало окончательно ясно, что река перегорожена десятками заломов. Погибла надежда проплыть триста километров до устья. Караван лошадей ушёл на прииск уже неделю назад, их не догнать. Продукты кончились. Как быть?

«И оба мы – гольд и я решаем. Ставим палатку, обносим её обрывками материи на веревке, чтобы защитить от росомых и медведей, складываем туда имущество (оставшееся

⁹⁴ Семченко Н. Бывший нанец – писатель-фантаст Иван Ефремов. <http://www.proza.ru/2003/02/17-24>

⁹⁵ Залом – завал на реке.

снаряжение, большие образцы и фотоснимки на тяжелых стеклянных пластинках)... И мы идём без троп через множество перевалов, сквозь дождь и снег, без крошки пищи... Семь дней без еды, а амурская тайга не легка для пешего похода напрямик»⁹⁶.

Величаво молчала тайга, и на десятки километров вокруг не было ни единого жилья.

Семь суток без пищи шли по засыпанной снегом тайге Ефремов и Григорий Самар. Недаром в романе «Лезвие бритвы» герой вспоминает «время далеких походов маленьких геологических отрядов с небогатым снаряжением, когда все зависело от здоровья, умения, выдержки каждого из участников. Пути сквозь тайгу, по необъятным её марям, торфяным болотам, по бесчисленным сопкам, гольцам, каменным россыпям. Переходы вброд через кристально чистые и ледяно-холодные речки. Сплавы по бешено ревущим порогам на утлых лодках и ненадёжных карбазах. Походы сквозь дым таёжных пожаров, по костоломным гарям, высокому кочкарнику, по затопленным долинам в облаках гудящего гнуса».

Казалось, человеческих сил недостаточно, чтобы преодолеть огромные пространства труднопроходимых болот: «Самый сильный человек, самые привычные ноги смогут сделать за день по мягкому моховому покрову, хлюпающей грязи, цепляющейся траве и багульнику не более тридцати тысяч шагов. И если их нужно полмиллиона, чтобы выйти из этих болот, кричите, бейтесь в тоске, зовите кого хотите – ничто вам не поможет. Тридцать тысяч шагов, и из них ни одного неверного. Иначе, попав между кочками, корнями, в щели каменных глыб россыпей, треснет хрупкая кость. Тогда – гибель»⁹⁷.

Лёгкому гольду в мягких кожаных олочах, казалось, было легче, чем высокому и крупному геологу. На ходу, чтобы не сбиться с ритма, срывал он красные кислые ягоды и тонкие веточки с коричневой корой, жевал, подавал их Ивану. Терпкая и кисловатая кора лимонника бодрила, идти становилось легче. Однако к концу пути силы Ивана иссякли. Заслышав вдалеке лай собак Кондонского стойбища, он сел, прислонился к стволу, блаженно улыбнулся и забылся...

Маленький нанайский мальчик Ермиш смотрел из темноты на огромного бородатого русского, лежащего на канах⁹⁸. Был русский худым и страшным, тяжело дышал во сне. В дом вошли мать и её родственница с пучками сухого тархуна в руках, они отослали Ермиша покормить собак. Когда дверь за мальчиком закрылась, в доме раздалось тихое пение. Ермиш чувствовал тонкий горьковатый аромат свежих стружек черёмухи, затем запахло дымом багульника...

Как мало, до удивления мало знаем мы природу Земли!.. До этого похода Иван считал себя едва ли не знатоком полевой работы. Он словно очнулся от какого-то странного морока, когда вдруг увидел себя в дикой тайге без привычных вещей, без пищи, вне всяких условностей внешнего мира. Когда кожей, мышцами, тайными, глубинными струнами ощутил себя сыном природы, которому дано одновременно и ничего – и всё. Всё, что сделало человека господином: сила мысли и духа, воля и стремление, напор и страсть.

Очистить разум от суеты, освободить сознание, впустить в себя весь мир – с будоражащим запахом болот, лёгкими шорохами леса, шумом ветра и рёвом воды, с ночами на прелой листве, с криками пролетающих птиц, с неслышными, но явственными шагами тигра по склону ближней сопки.

Как мало, до удивления мало знаем мы природу человека! Как резко включаются в нас первобытные инстинкты, казалось бы, навсегда заглушённые ритмом цивилизации, и ухо вдруг начинает ловить звуки, которые не слышало ранее, глаз – видеть то, что не замечал, и вскипает в теле могучая сила жизни, и толкает человека вперёд, в нехоженое, неизведанное.

⁹⁶ Ефремов И. А. Предисловие к кн.: Осипов В. Тайна Сибирской платформы. М., 1958. С. 3–4.

⁹⁷ Цитата из рассказа И. Ефремова «Алмазная труба».

⁹⁸ Каны – у нанайцев низкие нары вдоль стен. Под ними обычно проходит дымоход, по которому идёт дым от очага.

Вот гольды – они ещё не отделили себя от природы резкой, узкой чертой города, энергия тайги и ветра свободно вливается в их жилы, позволяет им ощущать мир иначе – и, возможно, влиять на него? Какие вибрации пробудило древнее пение в его, Ивана, теле, в какую область проник запах багульника, что Иван вдруг почуял в себе силы новые, необыкновенные?

И что же теперь? Неужели для того, чтобы вновь слиться с природой, человеку необходимо погасить мощь интеллекта и вернуться в первобытное состояние? Нет, крупицы научных знаний, которыми обладает человечество, слишком дорого достались ему. Слишком большую цену заплатили мы за то, чтобы обрести способность мыслить. Выход один: гармонически развить в себе физические и умственные способности, так тонко настроить струны своего организма, чтобы он был способен на новом, более высоком уровне и чувствовать и воспринимать, мыслить и действовать.

...Урэктэ, мать Ермиша, и Наталья Самар выходили больного русского. Когда он улыбнулся мальчику, то показался ему совсем не страшным.

Однажды Наталья, отец и мать Ермиша надели нарядные халаты с широкой узорной оторочкой, а мальчику дали новое пальто с блестящими пуговицами и новую фуражку. Женщины встали по краям, а отец сел в середине, обняв сына. Серьёзно смотрели они, как русский геолог направляет на них коробку с круглым окошечком.

Так в отчёте экспедиции среди кадров с геологическими обнажениями и видами рек и сопот появилась фотография с подписью: «Гольды рода Самар в посёлке Кондон»⁹⁹.

Много позже, в повести «На краю Ойкумены», появится сцена исцеления главного героя, грека Пандиона, оказавшегося в африканском племени в центре чёрного материка. Пандион пострадал в борьбе с огромным носорогом, потерял силы и радость жизни. Женщины племени вылечили его с помощью древнего магического ритуала. Возможно, эта сцена была написана именно под впечатлением исцеления самого Ивана в Кондоне.

Кирзовые сапоги геолога сносились, наступала зима, и нанайские женщины подарили Ефремову высокие олочи из белой оленьей кожи, с носами, вышитыми национальными узорами, и с широкой каймой наверху из красного китайского сукна с цветами¹⁰⁰.

На прощанье русский подозвал к себе Ермиша:

– На, держи на память!

Несколько листков из блокнота и карандаши показали мальчику настоящим богатством. Главным сокровищем стал толстый карандаш – двухцветный, с одной стороны которого был синий, с другой – красный грифель...

Как познать силу импульса, передаваемого от человека к человеку? Какие чудеса творит энергия знания и мысли? Ермиш Владимирович Самар стал замечательным нанайским писателем, автором повести «Из жизни Кесты Самара» и книги «Трудные тропы».

Осенью бригадира Никифора Дзяпи вызвали в село Вознесенское, в райком ВКП(б), по делам колхоза. Там он неожиданно встретился с геологом, которому не повезло с плотом на Мони. Никифор не раз встречал геологов, но этого крепкого парня он запомнил хорошо. Узнал его и геолог, в знак благодарности снял с руки часы... Эти часы, уже старые, с испорченным механизмом, Никифор Дмитриевич хранил до конца своей жизни.

⁹⁹ На фотографии слева направо изображены: Самар Урэктэ Игиатиевна, Самар Олони (Владимир) Иннокентьевич, Самар Ермиш Владимирович и Самар Наталья Алексеевна. См.: Бура В.П. Таёжные тропы фантаста. Штрихи биографии учёного и писателя И. А. Ефремова / Дальневосточный Комсомольск (Комсомольск-на-Амуре). № 197 (от 11 октября), 1988. – С. 4. http://www.fandom.ru/about_fan/burya_4.htm

¹⁰⁰ Т.И. Ефремова, вдова писателя, передала олочи в «Музей истории БАМа» в Тынде, где они и хранятся в настоящее время.

Через несколько месяцев, весной 1932 года, возле села Пермское причалили пароходы «Коминтерн» и «Колумб». Около тысячи молодых строителей высадились на берег. Светлым майским днём закончилась история Пермского – началась история Комсомольска-на-Амуре.

В 1984 году, спустя более полувека после экспедиции Ефремова, через станцию Кондон до Комсомольска-на-Амуре прошёл первый поезд легендарной Байкало-Амурской магистрали.

Но уже тогда, в начале тридцатых, стремление сшить стальными стежками Сибирь и Дальний Восток жила в умах и сердцах советских людей. Спустя несколько месяцев Ефремов уже готовился к новой экспедиции, составлял смету, а друзья подшучивали над ним: «Зачем тебе, Иван Антонович, вообще получать продукты и таскаться потом с ними, если ты прекрасно ходишь голодом, налегке?...»

Олёкмо-Тындинская экспедиция

Недалеко от устья реки Талумакит, на пологих мшистых склонах, поросших лиственницами, паслись пригнанные с верховьев Алдана олени. Два эвенка день за днём наблюдали, как по утрам всё крепче замерзает вода в лужицах между камнями. Талумакит стал совсем узким. Может, малая вода и задержала русских в пути? Спокойно и терпеливо ждут эвенки вестей.

К северу от станции Могоча, в верховьях Тунгира, терпеливо, но беспокойно ждал воды Иван Ефремов. Нанятые в Могоче рабочие помогли членам экспедиции построить карбаз. Чтобы прийти в начальную точку маршрута, необходимо было сплавиться по Тунгиру и Олёкме. Лето в Забайкалье выдалось сухим и жарким, и воды для сплава было недостаточно. Ждали дождей.

Это в Ленинграде и Москве имеет значение фраза «научный сотрудник 1-го разряда Академии наук СССР». А здесь, на камнях Тунгира, ты только один из небольшой группы людей, которым зачем-то нужно попасть в факторию Нюкжа, что находится на Олёкме, в двух километрах выше устья реки Нюкжа.

Ещё 14 июля 1932 года в Иркутске Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет выдал удостоверение: геолог Ефремов в качестве начальника отряда «по изысканиям железнодорожной линии Лена – Бодайбо – Тында... командиром для производства изысканий от р. Олёкмы и до пос. Тынды. Предлагается всем советским организациям оказывать полное содействие в выполнении возложенного на начальника задания».

Прошло уже два с половиной месяца... Ожидание груза в Могоче, маленькой станции Транссибирской магистрали. По телеграфу удалось договориться с Нюкжинским оленеводческим колхозом о вьючных оленях, на которых экспедиция может отправиться в поход. Подъём с вьючным караваном лошадей на Становик – водораздел между реками, впадающими в Амур, и бассейном Олёкмы, далеко на севере сливающейся с Леной. Грань между Севером и Востоком оказалась неявной, словно бы стёртой – пологие склоны округлых массивных гольцов, вечная мерзлота, в верховьях рек – болота. Вспомнился другой хорошо знакомый Ивану водораздел между великими реками России – Северные Увалы. Там тоже переход между бассейном Волги и Северной Двины был неясным, плавным, но это не умаляло его роли на географической карте. Не всегда узловые, переходные моменты заявляют о себе острыми пиками.

Перевалив Становик, экспедиция оказалась в посёлке с говорящим названием Тупик. Построив карбаз, Иван отпустил рабочих с лошадьми в Могочу и стал ждать воды. Но природа – не советская организация, и оказать содействие в виде дождей она не пожелала.

Иван досконально изучил единственную печатную карту Олёкмо-Амурского водораздела. Она была составлена в 1915 году горным инженером Е.К. Миткевичем-Волочасским. Поразило его то, что инженер вынужден был производить съёмку местности с плывущего плота. Это заставляло думать, что при съёмке могли быть погрешности в определении расстояний. Так что начальник отряда даже не мог точно сказать, сколько километров предстоит пройти от устья Нюкжи до посёлка Тындинский (ныне город Тынды), который находится на важной автомобильной трассе – Амуро-Якутской магистрали (АЯМ).

Наконец ровная свинцовая пелена затянула небо, заморосил дождь. Через несколько дней можно было начинать сплав...

«18 сентября я выступил с начального пункта маршрута – фактории Нюкжа на р. Олёкме, в 2 км выше устья р. Нюкжа. В составе партии были: старший коллектор, студент Харьковского Географического института Г. А. Прошкурят, проводник и трое рабочих», –

писал Ефремов в «Геологическом очерке Олёкмо-Тындинского района»¹⁰¹. Ниже он, отмечая энергию и настойчивость своих товарищей, называет три фамилии: рабочие А.И. Яковлев, М. С. Карякин и тунгус (эвенк) Н. С. Непсердинов.

Небывало поздний выход заставил «максимально ускорить продвижение в пути», сократив до минимума численный состав экспедиции.

От устья Нюкжи небольшой отряд, захватывая попеременно оба берега, поднялся вверх до устья правого притока – реки Талумаки. Огромное облегчение испытал Ефремов, когда нашёл оленей там, где они должны были его ждать. «Здесь был сформирован вьючный караван, с которым я отправился параллельно долине реки Нюкжи по гольцовым водоразделам её правых притоков к устью р. Чильчи. Старший коллектор Г.А. Прошкурят отправился на лодке (бечевой) по реке Нюкже также до устья Чильчи, откуда мы прошли совместно по правому берегу Нюкжи до устья р. Верхней Ларбы».

Таёжные исследователи ощутили истинную радость, когда два отряда одной экспедиции встретились после долгой разлуки, после дороги, для каждого наполненной опасностями и препятствиями. Торжественно прозвучали выстрелы, и вскоре два маленьких отряда сидели у костра. В котелке закипал чай, в который проводник щедро бросил несколько горстей шиповника. Густые заросли шиповника по склонам сопков и у рек были серьёзным препятствием для путешественников, о чём свидетельствовали ободранная одежда и выюки, обвязанные измочаленными верёвками. Но крупные красные ягоды, тронутые морозом, казались ещё вкуснее, слаще, и дарили людям свою силу, накопленную за лето.

Путешественники делились наблюдениями и размышлениями. Несомненно, железнодорожная линия должна будет пройти вдоль берега Нюкжи. Однако серьёзную угрозу для трассы представляют «каменные реки» – подвижные россыпи, медленно сползающие по высоким крутым склонам в долины, прямо к воде. Для строителей борьба с ними будет делом весьма трудным.

Вместе со строителями на Нюкжу вновь придут золотоискатели. Исследователи не раз встречали остатки шурфовочных линий и заявочные столбы 1913 года Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Знаки золота встречаются здесь буквально на каждом шагу, прямо на поверхности кос и отмелей. Только добывать его будет ох как нелегко...

Когда ударили морозы и реки стали замерзать, старший коллектор даже обрадовался: теперь не надо продираться по берегу, густо заросшему деревьями, будучи ежеминутно готовым свалиться в воду, и тащить бечевой вверх по течению нагруженную снаряжением лодку, обдирая об камни её днище. И вообще – идти вместе с Иваном намного легче. Неразрешимые, казалось бы, вопросы становятся простыми и понятными.

Сначала под снегом скрылись кусты багульника с побуревшими вытянутыми листиками, затем – пушистые ветки кедрового стланика. Над метровым слоем снега адели ягоды шиповника. Передвижение по марям стало особенно опасным: снег покрывал местность ровным слоем, и невозможно было угадать, куда попадёт нога – на кочку или в яму. Идти же по льду было нельзя: быстрая горная река промерзала неравномерно, на быстринах долго оставались открытые участки.

Вьючный караван делал в среднем по 25 километров в день. На себе геологи несут снаряжение, которое постоянно должно быть под рукой: aneroid, съёмочная планшетка, фотоаппарат, винтовка. Каждое утро надо было собрать вещи, связать в тюки, навьючить их на оленей. Каждый вечер – развязать (а верёвки на морозе замерзали, не хотели развязываться), разложить, поставить палатки.

¹⁰¹ Здесь и далее цитаты приводятся по экземпляру, хранящемуся в Музее истории БАМа в Тынде.

Необходимо вести постоянные наблюдения и измерения, добывать образцы пород, брать пробы на золото, при этом мысленно прокладывая по долине Ньюджи железнодорожные пути.

В рассказе «Алмазная труба» автор говорит: «Движение выючного каравана сквозь тайгу, поход через неисследованные области, «белые пятна» географических карт... Казалось бы, что может быть романтичнее покорения неизведанных пространств! На самом же деле только тщательная организация и твёрдая дисциплина могут обеспечить успех подобного предприятия. А это значит, что обычно не случается ничего непредвиденного: день за днём тянется размеренная, однообразная тяжёлая работа, рассчитанная далеко вперёд по часам. Один день отличается от другого чаще всего числом преодоленных препятствий и количеством пройденных километров. В тяжёлом походе душа спит, впечатления новых мест скользят мимо, едва задевая чувства, и механически отмечаются памятью. Потом, в более лёгкие дни или после вечернего отдыха, а ещё вернее – после окончания похода, в памяти возникает вереница воспринятых впечатлений. Пережитая близость с природой, обогащая исследователя, заставляет его быстро забыть все невзгоды и снова манит, зовёт к себе».

Дойдя до устья Верхней Ларбы, партия вновь разделилась на два отряда, чтобы охватить съёмкой большую часть местности.

Два рабочих под началом Прошкурата, сделав несколько боковых маршрутов на гольцовую группу Янкан, поднялись долиной Уркумы в её вершину, к гольцовому массиву Амнуннакта – самой высокой точке местности. Уркума бежит на северо-восток, а на запад с гольца стекает Геткан. А дальше – вниз по Геткану, не заблудишься.

Отряд Ефремова прошёл по долине Верхней Ларбы до устья реки Амнуначи (на современных картах Амунакит), поднялся в её верховья.

В ясный морозный день далеко видно со склонов гольца. Руслa рек то глубоко врезаются в склоны, то закладывают крутые петли по долинам. Печать безмолвия лежит на тайге. Белое безмолвие... Студенты в Ленинграде увлекались книгами Джека Лондона, с удовольствием читал их и Иван. Что вело на Аляску предприимчивых американцев? Золото, которое люди жаждали добыть для собственного обогащения, ради которого не считались ни с чем: ни с понятием чести, ни с человеческой жизнью.

Здесь, на водоразделе Олёкмы и Амура, тоже скрыто золото – и не только оно. Но не ради личного обогащения, а ради создания нового облика страны придут сюда люди. Протянется через горы и мари железнодорожная магистраль, «могущество труда рассечёт непроходимые пространства дорогами, расчистит леса, высушит болота. Шум машин и яркий электрический свет нарушат тёмное молчание тайги»¹⁰².

Оставив округлые вершины Амнуннакты на юге, долиной ключа Тапаски отряд спустился к Геткану. Чуть ниже устья Геткана на речке Тынде – посёлок.

Мороз достиг двадцати восьми градусов в тот день, когда отряд Ефремова заметил следы оленей Прошкурата. Чувствуя близкое окончание пути, молчаливый проводник стал словоохотливее. Согревшись у костра, не спеша прихлёбывая чай, он говорил:

– Тында – «место, где распрягают оленей». Где распрягают оленей? В конце пути – дома. Тында – значит дом. Оленей распрягают, оннако, где еды много, где людям жить удобно. Плохой место оленей не распрягают.

Иван, едва улыбаясь, глядел на языки пламени, а в уме сами собой складывались строки будущего отчёта: «По всем маршрутам выполнена глазомерная компасная съёмка масштаба 1:500 000 с определением относительных высот барометром. Хорошее покрытие района обнажениями, большое количество точек и достаточное уравнивание съёмки между опор-

¹⁰² Цитата из рассказа И. А. Ефремова «Алмазная труба».

ными пунктами позволяют в порядке перевыполнения плана работ дать геологическую и геоморфологическую карты всего района в масштабе 1:500 000 вместо миллионного»¹⁰³.

Вечером 6 ноября в долине засветились огоньки посёлка – бревенчатые дома, где жили старатели, и несколько двухэтажных бараков, куда поселили раскулаченных из других областей страны. В одном из домов с нетерпением ждали маленький отряд три товарища.

7 ноября, в день пятидесятилетия Октябрьской революции, Иван отправил в Ленинград телеграмму о том, что экспедиция, пройдя 600 километров, вернулась из маршрута.

Через несколько дней, сдав колхозных оленей, погрузив снаряжение и добытые коллекции, Ефремов со старшим коллектором и рабочими поехал по Амуро-Якутской автомагистрали до станции Большой Невер. Путешествовали с неожиданным комфортом – в полугусеничном автобусе, салон которого был похож на старинный дилижанс. На борту красовалась надпись: «Почтовый». Водитель чрезвычайно гордился своим диковинным транспортом: мол, таких тарантасов всего полдюжины на страну¹⁰⁴.

Далее – путь, уже ставший привычным: по Транссибирской магистрали – домой, в Ленинград. Чтобы ещё раз, всего через полтора года, вернуться в эти места и пройти свой самый знаменитый маршрут – Верхне-Чарский.

¹⁰³ Ефремов И. А. Лена-Алданская геологическая экспедиция Академии наук СССР. Предварительный (полевой) отчёт Олёкмо-Тындинской партии. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 276.

¹⁰⁴ На трассе Большой Невер – Тында ходил шведский полугусеничный автобус со съёмными гусеницами Scania-Vabis 3241. В 1926 году СССР закупил для Сибири шесть таких автобусов.

Раскопки в Каменном овраге

После быстрых, каменистых рек Становика Нева казалась особенно величественной. Исполинские мосты обнимали её, покрытую толстым льдом. Местами лёд был изломан и торчал острыми глыбами, отсвечивая сине-зелёным, как кристаллы горного хрусталя. Ниже моста лейтенанта Шмидта река была свободна ото льда, по стальной воде шла быстрая рябь. Низкое небо пронзал золотой шпиль Адмиралтейства.

Ленинград, стынувший на морозном ветру, «был прекрасен особенной, хмурой красотой»¹⁰⁵.

В душе Ивана боролись разные желания. Прожить бы несколько дней, ничего не делая, просто гуляя по улицам, встречая улыбкой красивых женщин. Иногда он мечтал путешествовать по свету, иметь любовниц всех рас, воспринимая каждую женщину как чудо.

Хотелось не спеша, с наслаждением читать новые книги, твердить звучные стихи.

Что же предстоит? Сразу с головой кинуться в работу. Только на обработку собранных данных и написание подробного отчёта может уйти несколько месяцев. Как бы совместить одно и другое?

Ксения встретила его ласково, но сурово заявила, что больше его в такие длительные экспедиции не отпустит. Жена не должна оставаться одна, без мужа! Иван с грустью слушал её слова. Женщина, которая не живёт своей, полной и богатой жизнью, которая всё своё счастье полагает только в мужчине? Чеховская «Душечка» – такой ли должна стать женщина новой эпохи? Скорое расставание становилось неизбежным.

С нескрываемой радостью спешил Иван в гости к верному другу – Алексею Петровичу Быстрову, преподавателю Военно-морской медицинской академии. Он был сыном священника, за что получил прозвище Алёша Попович. В небольшой квартире жили Алексей Петрович с женой Гильдой Юрьевной, сестра жены с мужем и дочкой.

Ирма Викторовна Исси, племянница Быстрова, вспоминала: «Если разговоры велись на общие темы, мне разрешалось присутствовать с условием полного молчания. Для меня не было ничего интереснее экспедиционных впечатлений, артистически рассказываемых И. А. или О.М.¹⁰⁶ Взрослые засиживались до глубокой ночи, и моим родителям стоило больших трудов извлечь меня из дядиной комнаты и уложить вовремя спать. Вообще, от тех лет на меня до сих пор веет романтикой путешествий, высокой дружбы, любви к людям и ко всему прекрасному»¹⁰⁷.

В Палеонтологическом институте – большие изменения. Главное – ушла Александра Паулиновна Гартман-Вейнберг, «железная леди» палеонтологии, заведовавшая отделом позвоночных, тем самым, где числился Ефремов. Вслед за ней институт покинули несколько приближённых к ней сотрудников. В основном это были люди, которых наука совершенно не интересовала. Александру Паулиновну пригласили в Москву, в университет, на почвовенно-географический факультет. Очень скоро Ивану предстояло с ней встретиться – не как сотруднику, а как сопернику на палеонтологическом поле...

Вакансии в ПИНе оставались открытыми недолго. Внимание Ивана привлекла одна новая коллега – её звали Елена Дометьевна Конжукова. Строгая, серьёзная, она держалась подчёркнуто независимо, в суждениях её слышалось тонкое знание биологии, глубокий интерес к проблемам любимой Ефремовым науки.

¹⁰⁵ Цитата из рассказа «Афанеор, дочь Ахархеллена».

¹⁰⁶ Ольга Михайловна Мартынова, сотрудница ПИНа.

¹⁰⁷ Исси И.В. О моём дяде, Алексее Петровиче Быстрове. <http://iae.newmail.ru/Bystrow/issi.htm>

Кстати, поговаривали, что Академию наук будут переводить из Ленинграда в Москву, что ПИН назначен к переводу одним из первых. Эта новость заставила Ивана задуматься: надо срочно получать диплом. И так ситуация сложилась, мягко говоря, нестандартная: сотрудник Академии наук 1-го разряда – и при этом не имеет диплома об окончании высшего учебного заведения! В том, что знаний у него достаточно для квалифицированного выполнения своих задач, Иван не сомневался. Но необходимость оценки в ведомостях отменить было нельзя.

Величественное здание Горного института, выходящее фасадом на набережную Невы, хранит лучшие традиции геологов и горных инженеров России. Не только замечательные специалисты привлекали сюда Ивана, но и сокровища, хранящиеся в великолепных залах музея и в библиотеке. Это был настоящий храм науки, и шутки студентов, казалось, только подчёркивали сосредоточенность мысли, которая ощущалась в атмосфере института.

Лето и осень 1933 года Иван проводил в Ленинграде за учёбой и обработкой собранных материалов, вынашивая мысль об организации экспедиции в Монголию – американцам (сотрудникам Американского музея естественной истории) в 1929 году удалось сделать замечательные находки, но они проскакали галопом по Европам, взяли лишь то, что лежит на поверхности. Вот бы поставить серьёзные исследования в пустыне Гоби!

Были планы более детально изучить «динозавровый горизонт», направить в район Урумчи Джунгарскую экспедицию. Но в центре внимания оказалась Волга.

В 1930–1931 годах Ленинградский Центральный геолого-разведочный институт (ныне ВСЕГЕИ) вёл раскопки в Татарии, на правобережье Волги. Находки были такими интересными, что Палеонтологический институт не мог пройти мимо этих мест. Монголия оставалась мечтой, а постановка раскопок в междуречье Свияги и Волги стала насущной необходимостью.

Итак, на сезон 1934 года запланированы работы на Волге. Начинается подготовка, составлены сметы и список участников экспедиции. Но у геологов возникает предложение, от которого Ефремов не может отказаться: ему предлагают исследовать верховья Чары. Там тоже должен пройти один из участков будущей железной дороги, в одном из самых недоступных и малоисследованных мест Забайкалья. Но это-то и прекрасно! О Чаре Иван слышал от тунгусов Усть-Нюкжи: на топографической карте в этом месте находилось в буквальном смысле белое пятно, только несколько неуверенных линий обозначали направления рек и горные хребты. Естественно, что геологических исследований в месте, которое даже на карту толком не нанесено, ранее не проводилось. Неужели настоящий геолог откажется от возможности – в двадцатом веке, когда, казалось бы, исследована каждая пядь земли, – стать первопроходцем!

Но палеонтологическая экспедиция тоже должна состояться.

Подготовка двух экспедиций одновременно требовала предельного внимания. Только благодаря опыту Иван справился с этой задачей.

Весной, когда сошёл снег и земля немного подсохла, отряд Волжско-Камской палеонтологической экспедиции выехал в междуречье Свияги и Волги. Добирались поездом до Казани, оттуда пароходом на противоположный, обрывистый берег, в городок Тетюши. (Впечатления от Волги отразились позже в первых главах романа «Лезвие бритвы».)

Любопытные ребятишки возникали и на обнажённых волжских откосах, и на склонах оврагов, которые обследовали палеонтологи.

– Откудова вы? Из самого Ленинграда? – удивлялись пронырливые мальчишки, взявшиеся показать приезжим Сёмин овраг. – А о прошлом годе сюда из Москвы приезжали, да, копали туточки. Тётенька такая сухая, всё под зонтиком сидела. У ей палка с железным концом, она палкой машет, показывает, куда кости складывать.

Иван сразу узнал в портрете Александру Паулиновну Гартман-Вейнберг.

В Сёмином овраге Ефремов обнаружил прошлогодний раскоп. Здесь можно было получить хорошие результаты, но стоило поискать другое место.

Иван хорошо знал нрав Александры Паулиновны и её неприязненное отношение к себе. Она, бесспорно, относилась к тем людям, которые обладают врождённой способностью к внушению. Даже слабую способность можно усилить различными приёмами – для подчинения себе других людей. Спустя более четверти века Ефремов напишет: «Я знал одну учёную женщину, заведовавшую лабораторией, привлекательную и развратную, которая умело использовала внушение для самых разных целей»¹⁰⁸. Неприязнь к Ефремову порождалась его противостоянием воле бывшей начальницы.

У Ивана созрела идея. В тридцати пяти километрах к западу, недалеко от реки Сви-яги, находился тот самый Каменный овраг, где студент Носов нашёл в верхнепермских песках крупный скелет. Хрупкие кости рассыпались, однако местный краевед Князев успел его сфотографировать. Снимок был опубликован в журнале «Природа», и палеонтологи сделали вывод: скелет принадлежал хищному ящеру. Местонахождение получило название «Ишевское». В 1930–1931 годах здесь вёл раскопки Ленинградский Центральный геолого-разведочный институт, но значительных находок сделать не удалось.

С одной стороны от дороги стоял глухой, старый лес, с другой – невысокие голые холмы, изрезанные оврагами. Идешь среди холмов – и видишь, как за поворотом торчит, будто из-под земли, блестящий железный гвоздь. Подходишь ближе, постепенно открывается взору небольшая татарская деревня. Гвоздь оказывается обитым жестью шпилем небольшой мечети с жёлтым полумесяцем на верхушке.

Итак, Каменный овраг. Заложив шурфы, Иван уточнил: костеносный слой находится под пятиметровой толщей с одним или двумя слоями плотного известняка.

Сухая Улёма, что вытекает из лога, недаром так названа: летом она совершенно пересыхает. В лесостепном Поволжье, которое несколько лет терзают засухи, вода не будет мешать исследователям.

Если раскапывать самый край оврага, это даст только разрушенные от воздействия атмосферы скелеты. Надо пробиться в глубь, туда, где скелеты лежат нетронутыми, попытаться вскрыть костеносные слои крупными площадками.

Иван, предвкушая крупные находки, решил нанять местных татар. Люди, ещё не оправившиеся от недавнего голода, измучившего всё Поволжье, согласны были работать за макаронами. Раскопки велись кирками и лопатами. Сначала рабочие не вполне понимали, что от них требовалось, но постепенно дело наладилось.

Сняты известняки и мергеля, покрывающие красные рыхлые пески. В них обнаружены три скелета крупных пресмыкающихся – диноцефалов, черепа и множество отдельных костей пресмыкающихся и земноводных. Кости в рыхлых песках настолько хрупки, что на воздухе быстро разрушаются. Пески разбирали осторожно – большими ножами и шильями. Небольшие кости очищались, просушивались, пропитывались клеем и лаком. Глубокими траншеями со всех сторон обкапывали целые скелеты и крупные кости. Затем по контуру обделывался монолит. Чтобы песок не рассыпался, поверхность монолита пропитывалась клеем, после чего он заделывался в деревянный ящик, заливался гипсом и упаковывался. Вес ящиков доходил до двух тонн. Дальнейшая работа с ними велась уже в препараторской мастерской института.

Несмотря на то, что кости залегали гнёздами, было добыто большое количество костей пресмыкающихся южноафриканского типа, и работа путём вскрытия больших площадок полностью себя оправдала. Но к этому выводу руководство института пришло уже после препарировки.

¹⁰⁸ Цитата из романа «Лезвие бритвы».

...По вечерам Иван, ненадолго уходя от суеты лагеря, гулял вдоль кромки прекрасной дубравы, недалеко от которой разбили палатки. Поле и дубрава были полны звуков и запахов. Вскрикивали птицы, устраиваясь на ночлег, пел соловей; по полю пробегал лёгкий прохладный ветерок, а из глубины нагретого за день леса веяло теплом. В траве, где светились белые цветы земляники, шелестело, попискивало и стрекотало. Выходила луна. Иван невольно вспоминал, как эта же самая луна в ледяном молчании поднималась над округлыми вершинами гольцов, а вокруг неё ярко сиял морозный нимб. Тайга казалась безжизненной, и только совы, облюбовавшие соседние лиственницы, смотрели на путешественников круглыми светящимися глазами.

Собравшиеся у костра пекли в золе картошку, пели, и звонкие молодые голоса словно открывали дверь в новую, чистую жизнь.

Вскоре из Ленинграда приехал Юрий Александрович Орлов. Оставив его на хозяйстве, Ефремов поспешил в Ленинград: его властно звала Сибирь, манила недоступная красавица Чара.

Ксения печалилась: муж опять оставлял её одну на несколько месяцев. Отвечая на упрёки, Иван вспоминал медведя, прикованного во дворе отцовского дома. Говорил: «Пойми, медведь не должен сидеть на цепи!» Ксения отступала, но горькое чувство сохранялось, пока его не развеивал ветер дальних дорог.

Верхне-Чарская экспедиция

«Полевая геологическая практика была обязательной для студентов, закончивших III курс университета. Заведующий кафедрой исторической геологии профессор Павел Александрович Православлев беседовал с каждым из нас, спрашивая, куда и почему хотел бы поехать студент. У меня было большое желание поехать в Восточную Сибирь; геопрактика в этой области представлялась мне более разносторонней. Павел Александрович предупредил, что, может быть, не совсем по желанию, но ему удастся подыскать поездки для всех. Два дня спустя он направил меня к академику В. А. Обручеву, а тот после краткой беседы к И. А. Ефремову. Иван Антонович в то время еще не вернулся с палеонтологических раскопок в долине Свияги. Только в четвёртый или пятый визит я увидел спускавшегося по лестнице статного, молодого мужчину, и мы оглядели друг друга. «Вы – Иван Антонович Ефремов?» – спросил я. «А вы Нестор Иванович Новожилов», – утвердительно ответил он и пригласил подняться в его кабинет. Так мы познакомились»¹⁰⁹.

Экспедиции была поставлена следующая задача: геологическое маршрутное исследование Верхне-Чарской котловины – стокилометрового отрезка долины реки Чары от истоков до порожистой части с целью выявления признаков нефти и других полезных ископаемых.

...«Все обернулись к окну... Хорошо, ясно, как на ладони, виднелись все корабли: стройная “Марианна”, длинный “Президент” с высоким бугшпритом; “Пустынник” с фигурой монаха на носу, бульдогообразный и мрачный; лёгкая, высокая “Арамея” и та благородно-осанистая “Фелицата” с крепким, соразмерным кузовом, с чистотой яхты, удлинённой кормой и джутовым снастями, – та “Фелицата”, о которой спорили в кабаке, есть ли на ней золото»¹¹⁰.

Если посмотреть в раскрытую дверь сарая, увидишь огородик с грядками редиски и капусты, коровник, чуть ниже по склону – ещё сарай, где должен был быть склад продуктов и снаряжения. Но там пока пусто, и томительные дни ожидания груза приходится проводить в сарае, лёжа на жёстких топчанах.

Если не смотреть на Ивана Антоновича, кажется, что он читает по книге – не рассказывает наизусть, на память, а именно читает. Пятнадцать названий записано в полевой книжке Нестора Ивановича, среди них – «Борьба за огонь» Ж. Рони-старшего, «Конец сказки» Джека Лондона, «Дитя из слоновой кости» Райдера Хаггарда, «Горизонт» Роберта Кэrsa, любимые произведения Александра Грина – «Алые паруса» и «Корабли в Лиссе». Польза была обоим: Иван Антонович сохранял то, что имел, а Нестор Иванович приобретал то, чего не знал.

Сюда, в Могочу, начальник экспедиции Ефремов, старший коллектор Новожилов и петрограф Арсеньев приехали из Иркутска в конце июня, подыскивали базу недалеко от вокзала. База – громко сказано: простой бревенчатый сарай рядом с коровником и отхожим местом во дворе одного из частных домов. От мысли снимать комнату в жилом доме пришлось отказаться: безбожно донимали клопы.

Трое мужчин шутили: внизу у нас будет гостиная, а сверху, под крышей – дортуар. Освещения в сарае не было, и жильцы занимались «сычиным спортом» – во время дождей, когда было темно, и в сумерках пытались двигаться и находить нужное в полутьме. Дожди лили каждый день, и члены отряда с тоской смотрели на барометр-анероид.

Во дворе жил пёс Алёшка, без его присутствия не обходилось ни одно дело.

¹⁰⁹ Воспоминания Н.И. Новожилова, коллектора Верхне-Чарской экспедиции, сотрудника ПИНа с 1935 по 1973 годы, были опубликованы в журнале «Студенческий меридиан».

¹¹⁰ Цитата из рассказа А. Грина «Корабли в Лиссе».

Старший коллектор был ровесником начальника отряда, и между ними установилось взаимопонимание – но без панибратства. Новожилов с глубоким уважением относился к знаниям и полевому опыту товарища, называя его Симбой – «Львом».

Дни проходили за днями, а груз не прибывал. Нестор Иванович вспоминал: «Питались хлебом и длинной сочной редиской, которую я покупал утром и вечером у огородника-китайца прямо из грядок. Днем пили чай или молоко. Иван Антонович любил хорошие конфеты и просил покупать ему в вагонах-ресторанах проходящих поездов “сливочную коровку”».

Ждали коллекторшу с деньгами и продовольственным багажом из Иркутска. Каждый день ходили на станцию встречать иркутский поезд – напрасно. Наконец из Иркутска сообщили, что груз отправлен полностью – тремя партиями. С помощью Транспортного отдела ГПУ удалось получить две партии.

Иван ругался, называя порядки на железной дороге «кабаком».

Прибыла коллектор Эльга Николаевна Лесючевская – с ничтожной против обещанной суммой денег.

В Иркутске забыли укомплектовать экспедицию накомарниками – и Лесючевская купила в местном магазине тюль шириной восемь метров. Сарай сотрясся от хохота: путешественники представляли, как она волокла этот тюль по огороду.

В 1987 году П. Ф. Николаев, сотрудник Государственного Исторического музея, собирал материал о начальных этапах строительства БАМа. Ему удалось встретиться с Алексеем Александровичем Арсеньевым, петрографом Верхне-Чарской экспедиции, и записать его воспоминания.

«Много читали и спорили, говорили о предстоящем маршруте, о местах, в которые предстояло идти. В этой связи неоднократно читали статью профессора П. Л. Драверта «Дикие люди мюлены и чучуна», опубликованную в журнале «Будущая Сибирь».

На основании многих свидетельств местных жителей Драверт утверждал, что где-то в районе Станового хребта существуют своеобразные представители человеческой породы, близкие по образу жизни к людям каменного века. Аборигены, страшно боящиеся их, называют представителей неизвестного племени «мюленами» и «чучунами». Они страшны на вид: лицо покрыто сильно развитым волосным покровом, членораздельной речью не владеют, ведут бродячий образ жизни, свойственный первобытным охотникам; передвижение совершают в одиночку или небольшими группами, придерживаясь малонаселённых и пустынных мест. В качестве оружия используют лук со стрелами и копьё; известно им и употребление огня. Мюлены и чучуна нападают на отдельных охотников, если чувствуют себя в опасности, а также побуждаемые желанием овладеть одеждой и снаряжением путников. Подкравшись к ночлегу путешественника или к чуму туземных жителей, они обстреливают их из лука или забрасывают камнями. При этом стреляют без перерыва, пока не кончится запас стрел. После этого обычно убегают. Нередко перед нападением они издают оглушительный свист, который на время парализует волю противника.

В результате столкновений с людьми более высокой культуры мюлены и чучуна находились на пути полного исчезновения. Поэтому Драверт призывал спасти древнейшие человеческие существа Северной Азии, взять их под охрану советского закона.

Мужчины частенько возвращались к разговору о статье Драверта, по-первых, потому, что партии предстояло идти в места, почти не исследованные и необитаемые, во-вторых, маршрут экспедиции пролегал не столь уж и далеко от западных отрогов Станового хребта; и, в-третьих, эти разговоры удручающе действовали на Э. Н. Лисучевскую, которая совсем

не жаждала встречи с первобытными пращурами, что вызывало весёлые шутки мужской части партии.»¹¹¹

19 августа праздновали именины Арсеньева, прозванного Чингис-ханом: в его лице были явные восточные черты. Новожилов написал стихотворные характеристики на каждого участника экспедиции. Раззадоренный его примером, Ефремов решил не отставать и сочинил поздравление товарищу. Эльга Николаевна украсила лист со стихами изображением Чингис-хана: в тюрбете и полосатом халате, перехваченном широким зелёным поясом, в красных, с загнутыми носами сапогах, возлежит он на пёстрой войлочной тахте, облокотившись на левую руку. Вокруг него танцуют рабыни – белые, чёрные и жёлтые. Текст поздравления обличает Ефремова как довольно искусного поэта:

В день ангела, светлейший хан,
Примите наши пожеланья –
Петрографический туман
Вам променять на жён лобзанья,

И Лейтца строгий окуляр
С течением лет Вас окривящий,
На ветра свист, степной пожар,
На скачку с саблею блестящей.

Какая скука ортоклаз
И призмы Николя вращенье!
Сердца прекрасных дам о Вас
Хранят иное представление.

В кругу почтительных рабынь
И жён нагих и робко-страстных,
В палатке на краю пустынь
Вы возлежите так бесстрастно.

И так чарующе хорош
В подушках профиль Ваш разбойный,
За поясом гиссарский нож,
Блестящий в полумраке знойном.

В степи, отвагою полны,
Войска стоят, готовясь к славе,
Ну, право, Вы не рождены
Для изучения древней лавы.

Итак, было решено отправить Лесючевскую и Арсеньева на телеге с грузом в посёлок Тупик, откуда должен начаться сплав. Ефремов и Новожилов оставались ждать третий груз. Телеграммы летели из Могочи в Иркутск и Москву, оттуда – в Могочу.

¹¹¹ Николаев П.Ф. Земные корни фантастики. (К 80-летию писателя И.А. Ефремова.) // Байкал, № 6, 1987. В тексте этой статьи фамилия «Лесючевская» написана иначе: «Лисучевская». В этой же статье впервые приведены текст «Верхне-Чарского гимна» и поздравительные стихи А. А. Арсеньеву.

Наконец выяснилось, что третий груз благополучно проследовал Иркутск, но до Могочи не добрался: пропал, исчез, потерян железной дорогой – или кем-то украден? Это так и осталось невыясненным.

Новых средств институт не давал, Иван Антонович проявлял чудеса изобретательности, подыскивая замены снаряжению.

Нужно было два листа железа, чтобы изготовить печки для палаток. Новожилов отправился с отношением к начстройучастка. Тот ответил, что железа выделить не может, но дал совет: подите, мол, к складу и украдите! Увы, будущий горный инженер и выдающийся палеонтолог оказался бездарным вором.

В сарае лежали полученные продукты – мука, крупы, сахар. Однажды, закончив пересчитывать снаряжение, Ефремов и Новожилов легли спать в три часа ночи. Вдруг кто-то начал тихо ломать крышу. Охраняя свою «факторию», владельцы продуктов держали пистолеты заряженными. Симба начал стрелять через крышу – и грабитель, скатившись в город, удрал через забор. Утром оказалось, что доски крыши изрядно пробиты стрельбой – прямо-таки решето.

Однако не ждёт, тает короткое забайкальское лето... Можно было бы вернуться, но Ефремов знал: в 1935 году Палеонтологический институт переводят в Москву, а на тридцать седьмой год намечен XVII Международный геологический конгресс, на котором непременно будет секция палеонтологов. Предстоит колоссальная работа: перевезти в Москву экспонаты музея и на новом месте смонтировать их, провести подготовительную работу по приглашению гостей, обработать собранные палеонтологические материалы, чтобы представить их коллегам. Другой экспедиции в Сибирь могло не случиться. Иван шестым чувством ощущал, что в третий раз, как в сказке про Ивана-царевича, чудо-юдо должно быть самым страшным – о двенадцати головах, но Иван-царевич обязательно победит его.

Новожилов писал: «Как-то в августе мне вспомнилось об университете, и стало ясно, что я надолго отстану от курса, а уехать к началу занятий и оставить партию без коллектора-геолога недопустимо и к тому же самому остаться без практики не лучше. Мы обсудили эту проблему. Иван Антонович начал с того, что отпустить меня не может... Столковались вот на чем: 1) Иван Антонович прочтёт мне некоторые лекции из программы 4-го курса и что лучше эти лекции иллюстрировать фактическими разрезами, когда будем уже в пути к месту работы, 2) пока не разделимся, я буду вести съёмку вместе с ним, 3) по возвращении в Ленинград он, кроме отзыва о геопрактике, даст справку о прочитанных мне лекциях из программы текущего курса...»

И практика началась.

Ефремов и Новожилов отправились на Тупик – пешком. Пройдя за день по извилистой горной дороге сорок семь километров, они решили заночевать в зимовье, которое значилось на карте. Подошли к дому, мечтая о горячем чае и постели – и вдруг из темноты:

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду!

– Зимовать! – ответил без колебаний Иван Антонович.

Ответ обескуражил хозяина: он первый раз слышал, чтобы к нему шли зимовать!

Оказалось, в темноте путники прошли мимо зимовья и приняли за ночлег золотоскупку. Сторож ужасно нервничал – пришлось быстро уйти, но возвращаться назад не хотелось, и ночевали на улице.

(В 1935 году Новожилов написал целую поэму о Могочинском сидении и пути на Тунгир – оригинал с вклеенными фотографиями и рисунками автора хранится в семейном архиве И. А. Ефремова и Т. И. Ефремовой.)

В конце августа маленький отряд: Ефремов – начальник партии, петрограф Арсеньев, сотрудник треста «Востокнефть» старший коллектор Новожилов, студентка четвёртого курса Ленинградского горного института Лесюческая, которая исполняла обязанности

и художника, и старшего коллектора – воссоединился в Тупике, том самом, где Иван Антонович два года назад ждал большой воды, чтобы отправиться в Усть-Нюкжу. В этот раз Тупик буквально плавал в остатках наводнения – дожди в горах не прошли даром, и Лесючевская с Арсеньевым дожидались друзей, сидя на крыше.

Наняв трёх рабочих, построили карбаз, погрузили на него дополнительно лёгкую лодку. Иван Антонович предложил придумать кораблю имя, выбрали то, которое придумал начальник: «Аметист». Новожилов на борту написал это имя голубой краской, быстро поставили мачту, приснастили парус, из платка сделали вымпел.

В полдень 4 сентября карбаз поплыл по сливу струй – вниз по шумному Тунгиру, затем по широкой Олёкме, правому притоку величественной Лены. Команда дружно распевала сочинённый Иваном «Верхне-Чарский гимн»:

Время пролетело,
Груз всё не идёт,
Партия без дела
Песенки поёт.

Денег не прислали,
Здесь их не найти;
До тайги осталось
Столько же пути.

Время мчится лихо,
А тайга молчит,
Только Тунгир тихо
О мечтах шумит.

О мечтах прелестных,
Наших прежних днях,
О Токко безвестном,
О кембрийских снах.

Время пролетело,
Некогда мечтать,
Только б сделать дело –
Чару нам заснять.

Ночи ледяные,
Снег уж на носу.
Может, молодые
Силы нас спасут.

Каждый знал, что вместо 80 тысяч рублей, положенных на экспедицию по смете, у отряда на всё про всё только четыре тысячи, что наступает осень, а впереди их ждёт тяжелейший путь. Но весело было на карбазе – весело не от бездумности и беспечности: душа звенела от радости долгожданного труда, от сознания, что мы, люди, можем преодолеть любые трудности.

Камертоном для каждого в дружном коллективе был Ефремов. Нестор Иванович вспоминал, как описывал Грин одного из своих любимых героев – лоцмана по имени Битт-Бой:

«Теперь нам пора объяснить, почему этот человек играл роль живого талисмана для людей, профессией которых был организованный, так сказать, риск.

Наперекор умам логическим и скупым к жизни, умам, выставившим свой коротенький серый флажок над величавой громадой мира, полной неразрешённых тайн, – в короткой и смешной надежде, что к флажку этому направят стопы все идущие и потрясённые, – наперекор тому, говорим мы, встречаются существования, как бы поставившие задачей заставить других оглядываться на шорохи и загадочный шёпот неисследованного. *Есть люди,двигающиеся в чёрном кольце губительных совпадений. Присутствие их тоскливо; их речи звучат предчувствиями; их близость навлекает несчастья.* Есть такие выражения, обиходные между нами, но определяющие другой, светлый разряд душ. «Лёгкий человек», «лёгкая рука» – слышим мы. Однако не будем делать поспешных выводов и рассуждать о достоверности собственных догадок. Факт тот, что в обществе лёгких людей проще и яснее настроение; что они изумительно поворачивают ход личных наших событий пустым каким-нибудь замечанием, жестом или намёком, что их почин в нашем деле действительно тащит удачу за волосы. Иногда эти люди рассеянны и беспечны, но чаще оживлённо-серьёзны. Одна есть верная их примета: простой смех – смех потому, что смешно и ничего более: смех, не выражающий отношения к присутствующим»¹¹².

Нестор Иванович уже ощущал, что судьба его неожиданно поворачивается: с 1935 года студент-геолог поступил работать в Палеонтологический институт – и покинул его только в 1973-м, выйдя на пенсию.

В Усть-Нюкже, в колхозе, Иван Антонович рассчитывал взять в аренду оленей. Не удалось. Тогда команда сплавила до устья Хани, где была фактория, откуда выючной тропой через отроги хребта Удокан планировалось выйти в район Верхней Чары – но в Хани олени были слишком дороги. По слухам, якуты кочевали где-то не очень далеко. Арсеньев вызвался было найти у них выючных лошадей, но надеяться на это не стоило.

Ефремов принял, возможно, единственно верное решение: пробиться к Чаре кружным путём, через Якутию, сплавившись ещё ниже по Олёкме, затем поднявшись по реке Токко. Говорили, что оленей там гораздо больше.

Пока стояли в посёлке, удалось захватить съёмкой низовья речки Хани.

Ниже Хани Олёкма бурлила порогами, которые по низкой осенней воде считались непроходимыми. Длина порожистого участка составляла сто семьдесят километров.

Как переоборудовать карбаз – неуклюжее судно, этот «утюг на воде», для плавания в порогах?

«Аметист» надо было разгрузить для надстройки бортов и двускатной носовой кровли. «Груз перетаскивали по косоугору, работали все. Оставалась самая тяжёлая ноша – 80-килограммовый ящик с сахаром; нужно было нести его вдвоём, но Иван Антонович подставил спину и приказал взвалить ящик; нёс его он как будто без усилий»¹¹³.

По команде Ефремова отряд взялся нашивать борта и укреплять нос, вдобавок обтянув его брезентом, и 3 октября партия двинулась вниз – туда, где Олёкма с рёвом прорывается на север через отроги хребта Удокан, где вода бьётся о скалы – «чёртовы зубы» и бушуют пороги Болбукта, Олдонгсо и Махочен.

«Поверхность воды начала вспучиваться длинными и плоскими волнами. Карбаз – тяжёлый плоскодонный ящик с треугольным носом – стал медленно поворачиваться и нырять. Под носом захлюпала вода. Рёв приближался, нарастая и отдаваясь в высоких скалах. Казалось, самые камни грозно ревели, предупреждая пришельцев о неминуемой гибели.

¹¹² А. Грин. «Корабли в Лиссе».

¹¹³ Воспоминания Н.И. Новожилова.

Лоцман подал команду, гребцы заворочали тяжёлыми веслами. Карбаз повернулся ныряя. Река входила в узкое ущелье, сдавившее её мощный простор. Гигантские утёсы, метров четырёхста высотой, надменно вздымались, сближаясь всё больше и больше. Русло реки напоминало широкий треугольник, вершина которого, вытягиваясь, исчезала в изгибе ущелья. У основания треугольника высокий пенистый вал обозначал одиночный большой камень, а за ним треугольник пересекался рядом острых, похожих на чёрные клыки камней, окружённых неистово крутящейся водой. Ущелье вдали было заполнено острыми стоячими волнами, точно целый табун вздыбленных белых коней протискивался в отвесные тёмные стены. Налево в каменную стену вдавался широкий полукруглый залив, искривляя левую сторону треугольника, и туда яростно била главная струя реки, взмётывая столбы сверкающих брызг. <...>

Карбаз взлетел на гребень высокого вала – за камнем вода падала в глубокую тёмную яму. Карбаз рухнул туда. Раздался тупой стук днища о камень, рывок руля едва не сбросил Никитина и лоцмана с мостков, но оба крепко упёрлись в бревно и пересилили. Судно слегка повернуло и несло теперь под тупым углом к берегу, отклоняясь к грозным каменным клыкам. Карбаз, заливаемый водой и пеной, отчаянно дёргался, прыгая на высоких волнах», – так Ефремов описал прохождение Олёкминских порогов в рассказе «Тень Минувшего».

В кипящей воде порогов «Аметист» разогнался до 40 километров в час. Кораблекрушения удалось избежать только благодаря капитану.

На Олёкме началась посменная геологическая служба – выезд на лодке для описания обнажений и сбора образцов. Местность вокруг не баловала геологов ярко выраженными обнажениями. Чаще всего берега были покрыты крупной и мелкой галькой, многочисленные заливы забиты плавником – деревьями и ветками, которые река несла с верховьев. На берегах путешественника поджидали топкие болота с ледяной водой, горелый лес и проклятье путника – ёрник. Этот берёзовый кустарник высотой от метра до двух, где кусты состоят из множества отдельных тонких стволов, переплетающихся между собой, делал долины и рек и ручьёв практически непроходимыми.

Поэтому геологи так ценили обнажения, по которым можно было выделить отдельные горизонты и сделать нужные замеры.

Выезжали по очереди: один день – Ефремов с Новожиловым, другой – Арсеньев и Лесючевская. Как правило, обрывы высотой до тридцати метров состояли из отложений четвертичного периода: сверху плотными известняками с прослоями песчаников и глинистых сланцев. Внизу громоздилась осыпь – хаос рыхлых кусков, гальки, песка – продуктов выветривания. Не раз учёные могли сорваться и упасть с крутых, почти отвесных склонов. Но судьба благоволила им.

Этот труднодоступный район был исследован геологами впервые¹¹⁴.

Как только появлялась возможность, Иван Антонович со свойственной ему обстоятельностью читал Новожилову обещанные лекции, попутно проводя практические занятия по тектонике, геоморфологии и фациям, с описанием разрезов и всеми сопутствующими наблюдениями и документацией.

Ударили морозы.

В отчёте Ефремов писал: «Ввиду особенно раннего ледостава в текущем году партии удалось только круглосуточным плаванием с густой шугой доплыть к 16 октября до якутского посёлка Кудукель, расположенного на левом берегу Олёкмы, всего в 100 км от устья, где карбаз и вмёрз окончательно. Несмотря на то, что в последние дни плавания по Олёкме шуга пошла сплошной массой, при дружной и упорной работе всей партии от начальника до рабочего карбаз всё же доплыл до первого жилого якутского посёлка.

¹¹⁴ Авторы благодарят гидрогеолога А.Б. Егорову за предоставленные материалы.

При этом плавании пришлось много льда прорубить под носом карбаза и зачастую проталкивать его в густой шуге, напивавшей со всех сторон, особенно в узких протоках реки или на тихом плёсе.

Из-за отсутствия тёплой одежды (главное обуви) выстоять на руле больше 1½–2 часов не было возможности».

Ранняя якутская зима заставила плыть даже по ночам. Греться приходилось, ломая баграми лёд перед носом карбаза. Но уныния не было: «Верхне-Чарский гимн» по-прежнему звучал бодро. Когда же в Кудукёле, маленьком посёлочке, рассечённом пополам глубоким оврагом, удалось наконец договориться с проводником и раздобыть оленей, настроение и вовсе поднялось, и маленький отряд отважно двинулся от Олекмы к неведомой речке Токко.

Переход оказался весьма тяжёлым. Взятые в посёлке олени не отличались силой и крепостью. На нарты погрузили по 150–200 килограммов – такой груз был бы велик даже для хороших оленей на наезженной дороге. На мягком, ещё не слежавшемся снегу нарты глубоко проваливались, и оленям приходилось помогать почти на каждом, даже небольшом, подъёме.

По склонам высились острые тёмные ели, стройные кедр, сбросившие хвою лиственницы. Дикой, суровой казалась эта местность. Лишь однажды отряд оказался в небольшой берёзовой рожице – даже в пасмурный день она казалась светлой и живо напомнила Ефремову родные места.

На перевале из долины Олёкмы в речку Тяню (правый приток Токко) глубина снега достигла двух метров. Тут от каждого члена отряда потребовалась недюжинная выносливость: пришлось тропить дорогу, идя впереди оленей. Несмотря на это, часть Ленско-Алданской плиты была захвачена топографической и геологической съёмками.

Иван Антонович вёл отряд настолько спокойно и уверенно, что казалось, будто он идёт по знакомой местности. Если бы не твёрдое знание, что начальник здесь впервые, Нестор Иванович готов бы был подумать иначе. Не раз – когда издали доносился волчий вой, когда, засыпая палатку, кружила метель, или морозная луна светила нестерпимо ярким светом – Новожилов вспоминал слова Ефремова: стыдно человеку склоняться перед мощью природы.

Однажды к стоянке отряда вышел бурый медведь-шатун. Поднявшись на задние лапы, он устремился к вышедшему из палатки Ивану. У того у руках было ружьё, но он пожалел лесного гостя. Не поднимая оружия, он грозно рыкнул на медведя – так, что тот мгновенно опустился на все четыре лапы и показал хвост. Видимо, зверь решил, что встретился с настоящим хозяином тайги.

Наступил декабрь, когда отряд наконец вышел к эвенкийскому посёлку Тяня, где находилась пушная фактория. Здесь отряд разделился, основная партия из трёх человек – Ефремов, Арсеньев и промывальщик И. А. Яковлев – пошла на юг, вверх по долине Токко. Новожилов отправился на север, в Олёкминск. Ефремов передал ему несколько писем, среди которых – письмо директору института А.А. Борисяку. Иван пишет, что финансовая организация экспедиции отвратительная: имея на свою партию 67 000 рублей, он вынужден был всю основную работу проводить на 4500 рублей! «Вследствие всего этого я решил раз навсегда оставить работу в экспедициях в Сибирь и ДВКрай, а также окончательно прекратить всякие поездки по чистой геологии»¹¹⁵.

Осёдлого населения в долине Токко не было, здесь эвенки и якуты только кочевали. Ещё никто не составил карты этой реки.

При работе в Токкинском ущелье, в районе порогов, самым большим препятствием неожиданно стал ветер. Как в колоссальной аэродинамической трубе, ветер дул здесь посто-

¹¹⁵ Из письма И. А. Ефремова А.А. Борисяку от 16 сентября 1934 года. Личный архив семьи Борисяк и Бодылевских. Материал предоставлен И.В. Бодылевской.

янно, достигая такой силы, что снег начисто сдувало, оставались лишь чистый, словно стекло, лёд да голые камни. Требовалось предельное напряжение всех сил, чтобы двигаться против такого ветра: «Наутро, едва мы прошли три-четыре километра, за поворотом ущелья прямо в лоб ударил нам сильный и непрерывный ветер. На льду, на крутых скалах, среди редких голых деревьев – нигде не было ни одного местечка, в котором можно было бы укрыться от полёта бесчисленных копий мороза. Мы шли, наклоняясь вперёд, закутав лица так, что оставались лишь узенькие щёлки для глаз. Олени низко спустили головы, почти касаясь снега чёрными носами. Сильный ветер при шестидесятиградусном морозе почти непереносим. Через несколько минут я почувствовал, что вся передняя половина тела застывает до полного онемения. Приходилось поворачиваться спиной, идти пятясь, пока не согреешься. Шум и свист ветра заглушали все звуки...»¹¹⁶

Поднимаясь вверх, к хребту Удокан, на северных склонах которого берёт начало Токко, отряд обнаружил обширную котловину: «К вечеру мы вышли из страшного ущелья в громадную котловину – впадину с плоским дном, окружённую ступенчатыми горами. Перед нами расстиралось ровное снежное, сияющее в сумерках поле, окаймлённое чёрной полосой леса. После шума ветра в ущелье тишина и покой поразили нас. Мы назвали эту впервые открытую нами котловину Верхне-Токкинской, пересекли её по глубокому снегу и достигли в темноте опушки леса».

На всём протяжении маршрута велись геологические наблюдения.

В отчёте Ефремов писал: «В морозы ниже 40 градусов, т. е. больше половины времени всей работы, приходилось туго. Пришлось срочно приспособлять все приборы и инструменты. Обшивали все металлические приборы, чтобы к ним можно было прикасаться, не рискуя отморозить пальцы. Все компасы были обшиты кожей. Сконструировали упрощённую планшетку, прикреплённую на гужи для топографической съёмки. В запас заготавливались рукоятки на геологические молотки. При таких морозах на кристаллических архейских породах ручки у молотков выдерживали очень короткий срок, а часто и сам молоток обламывался по кусочкам»¹¹⁷.

Читая описания пятидесятиградусных морозов, представляешь такие морозы невероятными на широтах Нижнего Новгорода, Твери и Риги. Тем не менее, эта часть Сибири характеризуется необычайно суровым климатом, а в межгорных котловинах наблюдается температурная инверсия: на дне котловины холоднее, чем на склонах окружающих её хребтов. В рассказе «Голец Подлунный» Иван Антонович говорит о якутском выражении «шёпот звёзд»: «пар дыхания, вырываясь изо рта, сразу превращается в мельчайшие льдинки». Трение льдинок на лету друг о друга производит характерное тихое шуршание, которое означает: мороз больше сорока пяти градусов.

Ефремов жалел, что не успевает дойти до легендарной Мамонтовой горы¹¹⁸ в гольцовой группе Тынтур. О ней впервые удалось собрать интереснейшие сведения. Местные жители говорили о целом кладбище мамонтов! Только ради этой горы стоило бы организовать отдельную экспедицию!

¹¹⁶ Цитата из рассказа «Голец Подлунный».

¹¹⁷ Цит. по: *Шмулович С.* Их имена должен знать весь коллектив Академии наук // Газета «За социалистическую науку», 1935. воспроизводится по экземпляру, хранящемуся в Музее истории БАМа в Тынде.

¹¹⁸ «На левом берегу р. Алдан, в 310 км выше устья, между поселком Крест Хальджай Титтинского района и устьем р. Татты, расположено уникальное местонахождение комплекса среднемиоценовых растительных остатков и остатков среднеплейстоценовых млекопитающих. Разрез Мамонтова Гора является опорным для неоген-четвертичных отложений Верхояно-Чукотской области; входит в маршруты международных геологических экскурсий. Предлагается в качестве палеонтологического ГПП мирового ранга с заповедным режимом охраны. По мнению ряда геологов, объект заслуживает статуса палеонтологического заказника». *Карпунин А.М. и др.* Геологические памятники природы России. СПб., 1998 (ГПП – геологический памятник природы).

Отряд добрался до устья ручья Ульгулук, оттуда перевалил через речку Тарын и оказался на южном склоне хребта Удокан, в долине Чары, после чего выполнил боковой маршрут к Чарским порогам – на север, туда, где река пробивает себе путь через отроги Кодара. Идя по льду против течения реки, отряд поднялся в вершину Чары и изучил её истоки – озера Большое Леприндо и Леприндокан, образованные в результате тектонической активности. Исследования охватывали всю Верхне-Чарскую котловину, хребты Кодар и Удокан, долины рек Нижний и Средний Сакукан, Апсат, Кемен, Нерунгнан, Калер, озера Леприндо, Амудиси...

К тому времени продукты почти закончились. Оставались лишь хлеб, лепёшки, чай, сахар и ячка. Несмотря на то, что Пётр I называл ячневую кашу «самою спорою и вкусною», Иван Антонович говорил, что эта каша не вызывает у него аппетита.

Новый год партия встретила в пути. Исследования закончились лишь 12 января 1935 года в долине Чары, где в обширной котловине, между хребтами Удокан и Кодар, находился небольшой населённый пункт с факторией и радиостанцией.

Теперь надо было вернуться на железную дорогу. Пробиваясь на юг вверх по течению реки Кемень (на современных картах Кемен), отряд перевалил в долину озёрной цепи Амму-дига, добрался до реки Калар и достиг прииска «XI лет Октября» в Китемахтинской котловине. От прииска до хорошо знакомой Могочи вела конно-зимняя дорога.

Что может быть приятнее – после месяцев пути в мороз, по глубокому снегу, через опасные перевалы и обледенелые пороги оказаться в мягко обволакивающем тепле ладно срубленной высокой избы! Раздеться, умыться тёплой водой и вытереться белым полотенцем! Тяжёлый полушубок и полевая сумка висят на стене, на широком дощатом столе – огромный самовар, медный чайник с крепкой заваркой и несколько кружек. Вдоль стен – широкие лавки, застеленные чистыми одеялами, на которых так приятно выспаться после оленьих шкур, постланных на лапник. В окна льётся яркий утренний свет. Там, за окном, суровая забайкальская стужа, а здесь весёлые товарищи и новые друзья – старатели, готовые помочь словно с неба свалившимся геологам.

Сотрудники треста «Верхамурзолото» снабдили Ефремова деньгами. Иван Антонович рассчитался с проводником за аренду оленей.

24 января партия отправилась в новую дорогу. За неделю благополучно добрались на санях до Могочи. Телеграммы полетели в Москву и Ленинград, где радовались друзья, уже считавшие отряд Ефремова погибшим.

Новожилов, торопясь в университет, отчитался в расходе денег, сдал снаряжение. Теперь надо было купить билет до Ленинграда – сделать это было сложно, а после таёжной чистоты – весьма противно. Пришлось немало заплатить носильщику, чтобы он через знакомых купил Нестору Ивановичу билет в купейный вагон скорого поезда. Прощаясь, молодой геолог предложил Ивану Антоновичу своё меховое полупальто, чтобы тот мог доехать в нём до дома: в своей издававшей виды спецовке Ефремов выглядел «вербованным» и мог вызвать подозрение. Иван Антонович без отказа взял полупальто до Ленинграда.

Ефремов сдержал своё слово: написал Новожилову справки о прочитанных лекциях и практике. Обширная полевая геологическая практика с самостоятельной геологической съёмкой долины Токко признана была отличной. По лекциям Ефремова Нестору Ивановичу были зачтены тектоника, морфология и методы исследования фаций.

Казалось бы, в этом нет ничего удивительного. Однако стоит вспомнить, что в 1935 году у самого Ефремова ещё не было диплома о высшем образовании. Важнейшая деталь, характеризующая время: подлинные знания, доказанные практикой, в тот момент ценились выше бумаги с гербовой печатью.

Дождаясь в Могоче денег для расчёта с проводниками, для отправки в Академию собранных коллекций и снаряжения, Иван Антонович систематизировал полевые матери-

алы, обобщал наблюдения и писал отчёт по строго заданному плану: обзор литературы по району (он был готов ещё в Ленинграде), морфологический и геологический очерки, схема геологической истории района, описание полезных ископаемых¹¹⁹.

Сейчас, по окончании пути, он отчётливо понимал, что летом партия не смогла бы пройти от 120-го до 150-го меридиана к востоку от Гринвича и от 54-го по 61-й градус северной широты, охватить исследованиями такой огромный район: болотистая местность котловин, обилие рек и озёр делали Верхне-Токкинскую и Верхне-Чарскую котловины практически непроходимыми. Одним словом, не было бы счастья, да несчастье помогло.

В беседах со старателями Иван Антонович убеждался, что ничто так не развивает наблюдательность и смекалку, как жизнь в тяжёлых условиях тайги. Техники на приисках и старатели прекрасно знали каждый свой район, и Ефремов в беседах с ними собирал крупицы знаний, из которых потом сложилась яркая мозаика. Иван Антонович обобщил материал по Могочинскому золотоносному и редкометалльному району, наметив новую оценку природных богатств этой части Забайкалья.

Коллеги в Ленинграде стремились выволить Ивана из невольного плена, хлопотали, чтобы финансовые документы быстрее прошли необходимые согласования и деньги были скорейшим образом перечислены в Могочу.

Домой Ефремов вернулся только 7 марта.

Свой предварительный отчёт – свыше ста страниц – партия сдала через пять дней после приезда в Москву. Он одобрен академиком Андреем Дмитриевичем Архангельским и принят Советом по изучению производительных сил.

Вскоре в газете Академии наук СССР «За социалистическую науку» появилась статья под названием «Их имена должен знать весь коллектив Академии наук». Подзаголовок гласил: «Верхне-Чарская партия Прибайкальской экспедиции работала героически». Корреспондент С. Шмулович писал:

«В лютую стужу партия начала работу. Это тогда, когда другие уже вернулись в институты и начала спокойную, размеренную «камералку».

Можно было бы поставить крест на работе и вернуться с первой же оказией на железную дорогу, сославшись на объективные причины.

Но так не поступают советские люди.

Стальной молоток разлетается от удара о камень на якутском морозе. А люди, наши молодые советские учёные, ведь они сделаны из того же материала, что и героические строители Кузбасса, что и полярные мореплаватели советской страны, что и дозорные на советских рубежах. Наши люди не отступают, а берут любые крепости! Этой дерзости учит весь коллективный опыт миллионов трудящихся нашей родины! Это крепкая воля советских людей, вдохновляемая великим вождём.

Верхне-Чарская партия сделала своё дело скромно и хорошо. Но дело это героическое. <...>

Вот образец настоящей героической, большевистской работы! Имена товарищей, сделавших эту работу, должен знать весь коллектив работников Академии.

В повседневной работе миллионов трудящихся героизм проявляется каждодневно на тех участках, где тяжелее всего, где больше препятствий, где нужнее всего упорство, выдержка, творческий энтузиазм и где яснее сознание великой чести трудиться и побеждать под знаменем Сталина».

Ефремов подал заявление на вступление в ВКП(б) – Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков. Однако ему было отказано: в графе «происхождение» стояло: «из куп-

¹¹⁹ Ефремов И. А. Прибайкальская геолого-петрографическая экспедиция, Верхне-Чарская партия. Отчёт о работах в Верхне-Чарской котловине в 1934–1935 гг. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 288–312.

цов», именно эта строка оказалась определяющей, несмотря на все заслуги молодого учёного.

Рассказ «Голец Подлунный», написанный Ефремовым в 1942–1943 годах, хронологически и топографически точно описывает путь отряда по долине Токко. Обладая мощным магнетизмом, зачарованный мир горных хребтов и котловин, мастерски нарисованный художником, притягивает к себе современных путешественников. Люди стремятся добраться до Чары и долины Токко, увидеть своими глазами голец Подлунный – вершина с таким названием действительно нанесена на географические карты. А оставшаяся недоступной для Ивана Антоновича Мамонтова гора превратилась в рассказе в таинственную вершину с пещерой, где лежали гигантские бивни слонов.

В честь недоступной и прекрасной таёжной реки получила своё имя одна из героинь знаменитого романа Ефремова «Туманность Андромеды» – Чара Нанди.

Горы, ставшие фактически персонажами ефремовского рассказа, тоже получили значимые имена. Недалеко от реки Итчиляк, в 30–35 км к северу от линии БАМа, над горным хребтом резко возвышаются два пика – 3000 и 3200 метров абсолютной высоты. Один из них сейчас носит имя Усольцева, второй называется Подлунным.

Верхне-Чарская экспедиция Ефремова для многих исследователей стала образцом самоотверженного научного поиска.

В 1982 году читинские учёные А. Трубачёв, кандидат геолого-минералогических наук, и А. Котельников, кандидат географических наук, изучили предварительные отчёты Ефремова и петрографа партии А. А. Арсеньева, хранящиеся в архиве Читы. Под впечатлением от отчётов они выступили со статьёй «Забайкальские маршруты писателя Ефремова» в газете «Читинский рабочий»:

«Полуголодные люди прошли по “белым пятнам” Восточной Сибири втрое больше заданного (2750 километров, из которых 1600 – с геологической и топографической съёмкой) и обнаружили признаки знаменитых теперь месторождений: удоканской меди, каменного угля, золота и железной руды, открытых позже другими геологами в Чарской котловине.

Когда читаешь эти труды, поражают изящный слог, меткость наблюдений, тщательность обработки материала, смелость в выводах. В “Очерках рельефа района” подробно охарактеризовано строение речных долин Верхне-Чарской котловины и её бортов – хребтов Кодар и Удокан. Кроме описания рельефообразующих форм, даётся описание их происхождения. Суждения Ефремова и Арсеньева о рельефе и четвертичных отложениях согласуются в целом с нынешними представлениями, полученными с применением современных геофизических методов. <...>

Геология севера Читинской области изложена в отчётах на уровне тех теоретических взглядов, которые тогда господствовали, и, конечно же, эти сведения в наши дни представляют главным образом исторический интерес. Поиск полезных ископаемых вёлся по принципу: ищи всё, что встретишь. Серьёзных методов прогноза большинства рудных скоплений тогда практически не существовало. И всё же И. А. Ефремовым и А. А. Арсеньевым верно предсказывалось направление поиска рудного золота в кварцевых жилах. Находки железа самими авторами оценивались невысоко, так же, как и угольные пласты в районе Читканды считались ими пригодными только для местных нужд. Что же касается нефти, то доказательств её наличия обнаружить не удалось. Это тоже был один из ответов на поставленные перед исследователями вопросы»¹²⁰.

Карта района, составленная партией Ефремова, была позже использована при составлении «Большого советского атласа мира».

¹²⁰ Трубачёв А., Котельников А. Забайкальские маршруты писателя Ефремова // Читинский рабочий, 2 июля 1982 г. Печатается по экземпляру, хранящемуся в Музее истории БАМа в Тынде.

Экспедиционные записи – ценнейшие документы эпохи. Однако, видимо, не только биографам они интересны. В записной книжке с советами жене, найденной после смерти Ивана Антоновича, написано: «Экспедиционные дневники самой большой и интересной экспедиции 1934–1935 гг. – Чарской – таинственным образом исчезли с картами в геологическом институте Академии наук...» А ведь на картах были отмечены обнаруженные месторождения золота.

В 1987 году Алексей Александрович Арсеньев свидетельствовал:

«– Да, материалы Чарской экспедиции погибли. Сам видел, как летом 1941-го их жгли во дворе ленинградского Геологического института.

– Но ведь что-то всё же могло сохраниться на руках, у частных лиц? – уже без всякой надежды, чисто автоматически, говорю я.

– И сохранилось, – скупой улыбнувшись, роняет Алексей Александрович.

Дальше всё происходило как во сне: первой передо мной легла карта Олёкмо-Чарского района. Она была выполнена тушью на батисте Ефремовым и Арсеньевым. Размер 68×67. В верхних углах помещено её полное наименование. В левом – на русском языке, в правом – на английском. В правом углу дано название экспедиции. На оборотной стороне – автограф Ефремова. Размашистая роспись сделана карандашом.

Затем на столе появились: тетрадь Новожилова, толстая папка и рисунки. На папке было написано: «Краткий геолого-петрографический очерк Верхне-Чарской котловины». Она содержала 183 страницы машинописного текста.

– Отчёт об экспедиции, – пояснил Арсеньев. – Написан Иваном Антоновичем и мной.

– А что это за рисунки? – кивнул я на молодых олежков, разбежавшихся по прямоугольникам ватмана.

– Наброски Эльги Николаевны Лисучевской, художницы, четвёртого члена нашей экспедиции.

– Почему четвёртого, а не первого – ведь она же женщина?

– Прибыла в Могочу позже всех, потому и считалась четвёртой»¹²¹.

Возможно, сотрудникам будущего музея Ефремова удастся найти наследников А. А. Арсеньева и обнаружить те драгоценные документы, о которых рассказал Павел Фёдорович Николаев.

¹²¹ Николаев П. Ф. Земные корни фантастики. (К 80-летию писателя И. А. Ефремова.) // Байкал, № 6, 1987.

Станция «Иван Ефремов»

Великая Отечественная война помешала строительству железнодорожной магистрали в Забайкалье и Приамурье. В 1942 году уже уложенные звенья пути и фермы мостов были сняты и отправлены на запад для строительства Волжской рокады. Только в 1974 году возобновилось строительство Байкало-Амурской магистрали.

В 1978 году в честь семидесятилетия Ефремова во многих городах проводились встречи и литературные вечера, посвящённые его памяти. Тогда же возникла идея увековечить его имя в районе трассы БАМа, где он когда-то проводил исследования.

21 сентября 1978 года Постоянная Межведомственная комиссия по географическим названиям вынесла такое решение:

«Согласиться с предложением Тындинского райисполкома Амурской области, Амурского облисполкома, Дирекции строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и Государственного проектно-изыскательного института “Ленгипротранс”, поддержанным Госпланом РСФСР, о переименовании на участке Чара – Тында станции с проектным названием “Усть-Нюкжа” в станцию “Иван Ефремов” (в память об Иване Антоновиче Ефремове, учёном-палеонтологе и писателе-фантасте).

Председатель А.С. Земцев.

Секретарь Т.В. Савина»¹²².

В центре Усть-Нюкжи хотели установить памятник Ефремову.

Теперь требовалось дожидаться одобрения свыше. В поддержке никто не сомневался – ведь Ефремов на протяжении четверти века был лучшим советским фантастом.

1 ноября 1979 года комсомольцы строительно-монтажного поезда – 594-го треста «Тындатрансстрой» – постановили:

«Мы, члены бригады монтажников, строящих станцию “Усть-Нюкжа”, которая будет называться “Иван Ефремов”, принимаем почётным членом бригады первооткрывателя трассы БАМ, писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова».

Под протоколом – 13 подписей. Такие решения не принимаются по указке сверху, они идут от сердца, поэтому так важно перечислить эти подписи: бригадир Н. Матвеев, комсорг Л. Анганзоров, члены бригады: В. Ахмедов, С. Шестаков, И. Радул, Э. Эралиев, В. Зеликович, А. Щукин, Б. Соколовский, Б. Алдохин; начальник СМП–594 В.Б. Осенчук, секретарь партбюро С. З. Цуркан, секретарь комитета комсомола Т. А. Кореннова.

Однако сверху одобрения почему-то не было.

В 1980 году в «Советской России» – одной из крупнейших газет страны – выступили академики АН СССР Владимир Васильевич Меннер и Александр Леонидович Яншин. Они писали:

«Предложение о присвоении имени Ефремова одной из станций на БАМе впервые высказал главный инженер головного проектного института “Мосгипротранс” Михаил Леонидович Рекс. Комсомольцы-строители с энтузиазмом восприняли это предложение. <...> В прошлом году научный совет по проблемам БАМа при АН СССР (в который входят 44 известных учёных страны) также единодушно присоединился к этому ходатайству. А в начале 1980 года эту же просьбу поддержали челябинцы, которые шефствуют над строительством Усть-Нюкжи. Таким образом, к настоящему времени уже 12 организаций одобряют и поддерживают инициативу комсомольцев, но решение этого вопроса почему-то затягива-

¹²² Выписка из протокола № 24 заседания Постоянной Межведомственной комиссии по географическим названиям от 21 сентября 1978 г. Машинопись. Хранится в Музее истории БАМа в Тынде.

ется. Уверены, что отклики читателей после этого письма помогут завершить благородное начинание молодых строителей магистрали»¹²³.

Спустя два года читинские геологи А. Трубочёв и А. Котельников опубликовали большую статью, в заключении которой – такие слова:

«Многие герои И. А. Ефремова – сильные и смелые люди. Их прототипом, видимо, надо считать самого писателя, который обладал огромным мужеством. Будучи руководителем экспедиции в пустыне Гоби, он на ногах перенёс инфаркт миокарда. Если именем этого замечательного человека будет назван посёлок или станция на нашем участке БАМа, то этим мы выразим самое глубокое уважение человеку, который так много сделал для того, чтобы наш мир стал ещё лучше»¹²⁴.

Видимо, дело хотели спустить на тормозах. У власть предержащих, тех, кто отдавал команду об обыске в квартире Ивана Антоновича и запрещал его роман «Час Быка», было упорное желание замолчать тему. Сначала смерть Брежнева и смена генсеков, а затем и вихри перестройки заставили забыть об этой идее.

Сегодня на Байкало-Амурской магистрали нет станции «Иван Ефремов», нет даже станции Усть-Нюкжа. Само село находится на левом берегу Нюкжи, а станцию с проектным названием Усть-Нюкжа с 1977 года строили на правом. Однако в 1979 году её почему-то переименовали в Юктали: слово «юктэ» в переводе с эвенкийского обозначает «ручей, источник».

Однако сам Ефремов, его жизнь и творчество, для тысяч людей остаются источником вдохновения. И, возможно, когда-нибудь на новой трассе – межпланетной или межзвёздной – в честь человека, впервые описавшего «Эру Великого Кольца», будет смонтирована станция «Иван Ефремов».

¹²³ Меннер В., Янишин А. Фантаст прокладывал тропу // Советская Россия, 29 октября 1980 г., № 298. Печатается по экземпляру, хранящемуся в Музее истории БАМа в Тынде.

¹²⁴ Трубочёв А., Котельников А. Указ. соч.

Кандидат биологических наук

Река, берущая начало высоко в горах, может течь единым потоком, может разбиваться на множество рукавов, уходить под камни, образовывать озёра, но при этом она неуклонно стремится выполнить своё предназначение – собрав свои воды, достичь долины, чтобы по ней вольготно и свободно направляться к морю.

Жизнь Ивана Антоновича после возвращения из Забайкалья была чрезвычайно насыщена самыми разнообразными событиями. Кропотливая сосредоточенная работа – написание отчёта по Верхне-Чарской экспедиции. До начала нового полевого сезона оставалось всего полтора месяца. Этого времени было совершенно недостаточно для всестороннего отчёта: надо было дожидаться лабораторных материалов.

Выезд же в поле отложить было нельзя: раскопки 1934 года в Каменном овраге дали такие удачные результаты, что нужно было досконально узнать, что скрывает этот костеносный пласт.

Июнь начался, как обычно, с экспедиции. С 21 июня по 15 июля Иван Антонович провёл в знакомом Ишееве – официально: принял участие в «Волжско-Каспийской экспедиции Палеозоологического музея в Апастовский р-н Татарской Республики».

Опираясь на данные прошлого года, Ефремов заложил площадки раскопок более удачно, там, где пески были наиболее богаты костями.

Пришлось снимать более мощный слой кровли, однако овчинка выделки стоила: были добыты скелет крупного хищного диноцефала, сходного с добытым в 1934 году, однако гораздо более крупной величины, череп и часть скелета *in situ* огромного улемазавра, части черепов лабиринтодонт и множество отдельных костей различных родов рептилий.

Стояло вёдро. Работали в одних трусах, и бронзовый от загара Иван мог бы служить отличной моделью для ваятеля.

Николай Николаевич Косниковский, препаратор Геологического музея, вспоминал: «Вечерами собирались вокруг обязательного костра. Пекли картошку, жарили яичницу (Иван Антонович предпочитал ей гоголь-моголь из одних желтков). Высокие яркие звёзды на чёрном небе и взлетающие высоко искры, тишина и ощущение полной оторванности от остального мира – всё это располагало к беседе, иногда к тихому пению. Иван Антонович не говорил много, но никогда не выглядел безучастным. Меткими замечаниями он как бы поддавал жару в общий разговор и смеялся со всеми характерным отрывистым смехом»¹²⁵.

Природа и размеренная физическая работа помогли снять психологическое напряжение последних месяцев.

Нестор Иванович Новожилов, под влиянием рассказов Ефремова полубивший палеонтологию, летом 1935 года отправился в Архангельскую область, на Мезень. Там геолог Я. Д. Зеккель обнаружил кости в пермских отложениях. Новая фауна тетрапод, добытая на Мезени, оказалась принципиально новой: её отличали уникальные условия захоронения и географическая специфика. Это заставило Ивана Антоновича некоторое время даже посомневаться: а пермь ли это?

«Удивительна эта фауна и в зоогеографическом отношении: одни формы связывают ее с пермскими фаунами Северной Америки, другие – с раннепермской фауной Западной Европы, третьи – с позднепермскими (раннетатарскими) фаунами Восточной Европы, содержащими гондванские элементы»¹²⁶.

¹²⁵ Косниковский Н. Палеонтологический старт // Сверхновая, № 41–42, 2008. С. 119.

¹²⁶ Раутян А.С. Ефремов Иван Антонович. <http://iae.newmail.ru/about/Rautian.htm>

К середине 1935 года Иван Антонович был автором семнадцати палеонтологических и геологических трудов и производственных геологических отчётов. В августе по совокупности работ, без защиты, ему была присвоена учёная степень кандидата биологических наук.

Удивительно было то, что двадцатисемилетний кандидат не имел диплома об окончании высшего учебного заведения!

В этом же году кандидатом биологических наук – также по совокупности работ – стала и Елена Дометьевна Конжукова. К тому времени они с Ефремовым уже жили вместе – первый брак Ивана Антоновича распался.

Вскоре, после двух с половиной лет учёбы экстерном в Горном институте, Ефремову было присвоено звание горного инженера. Однако диплом он получил лишь в 1937 году.

В 1987 году в доме номер 45 по набережной лейтенанта Шмидта, в величественном вестибюле была установлена мемориальная доска. Надпись, выбитая в граните, гласит: «В Горном институте учился и окончил в 1937 году Иван Антонович Ефремов, профессор, лауреат Государственной премии СССР, известный геолог, палеонтолог и писатель-фантаст».

Новый материал требует основательного осмысления. Этому помогает книга Карла Альфреда Циттеля «Основы палеонтологии», которая в 1935 году готовилась к изданию на русском языке. Анатолий Николаевич Рябинин, профессор Ленинградского Горного института, под чьим руководством велась работа, поручил Ефремову подготовить к публикации раздел «Позвоночные. Класс амфибий». Иван Антонович дополнил раздел новой информацией¹²⁷.

Опыт геолога настойчиво говорил Ефремову о необходимости шире применять палеонтологические знания в прикладных областях: «Постепенно в его научном творчестве центр тяжести смещается от описания остатков позвоночных к их практическому использованию как «руководящих ископаемых» для стратификации отложений. Тем самым учёный закладывает основы стратиграфических схем для расчленения континентальных пермских и триасовых отложений СССР. И здесь И. А. Ефремов оказывается в центре разработки важнейших практических задач: его схемы расчленения континентальных отложений по смене фаун позвоночных повсеместно применяются геологами при геологических съемках для поисков нефти в районах Второго Баку»¹²⁸.

В 1935 году Иван Антонович подошёл к основам тафономии¹²⁹.

Пётр Константинович Чудинов так пишет об этом в своей книге: Ефремов «сформулировал главные положения, вытекающие из условий захоронения наземных позвоночных: 1) со времени существования огромных материков палеозоя (арены жизни наземных позвоночных) до современности сохранилась лишь незначительная часть континентальных пресноводных отложений; 2) остатки позвоночных рассеивались по субаэральной поверхности древних материков; 3) значительная часть площади древних материков недоступна исследованию, поскольку закрыта более поздними геологическими напластованиями или скрыта под водами моря. Кроме того, значительная часть осадочных толщ уничтожена длительным размывом в течение мезозоя и кайнозоя; 4) из всей массы древних наземных животных в условия, благоприятные для захоронения, попадает лишь небольшая часть их остатков. Сохраняются преимущественно остатки животных, обитавших вблизи водных бассейнов. Обитатели равнинных и степных пространств сохраняются реже. И, наконец, исключи-

¹²⁷ Работа над книгой была закончена, однако война помешала осуществить издание.

¹²⁸ Чудинов П.К. К портрету современника. <http://www.noogen.su/iefremov/Academy/pred.htm>

¹²⁹ Основные положения будущей тафономии содержатся в статьях «Два поля смерти минувших геологических эпох» («Природа», 1933, N 7, с. 61–63), «Выпадение переходных форм в условиях захоронения древних четвероногих» (Труды ПИН. 1935. Т. 4, с. 281–288), «Закономерности захоронения в палеозоологии древнейших Tetrapoda» («Природа». 1936. № 4, с. 108–111).

тельно редки остатки животных горных областей, где преобладали процессы денудации, измельчение и снос продуктов разрушения литосферы.

Отсюда следовало, что остатки древних позвоночных могут сохраняться до современности лишь в определенных условиях: 1) количественного расцвета форм и наличия большого числа особей; 2) массовой гибели количественно богатой фауны при усилении неблагоприятных условий или миграциях; 3) наличия в данном пункте поверхности материка условий, способствующих концентрации скелетных остатков (дельты рек, заводы, многочисленные временные потоки, снос в озёрные бассейны и т. п.) и достаточной скорости процесса захоронения во избежание разрушения остатков; 4) нормального хода процессов литификации или окаменения, обеспечивающих полную минерализацию остатков; 5) сохранения костеносных толщ в литосфере и их последующего выведения на дневную поверхность.

Следовательно, необходимо совпадение многих обязательных условий, чтобы остатки животных попали в руки исследователя. Поэтому понятно, почему в пермских фаунах позвоночных обычно сохраняются водные и полуводные формы. Они достигли количественного расцвета, как формы специализированные, т. е. хорошо приспособленные к определенным условиям существования. При резком изменении условий в силу своей глубокой специализации, они становятся боковыми, вымирающими ответвлениями в длительном развитии той или иной группы наземных позвоночных. Поэтому И. А. Ефремов придавал особенно важное значение так называемым переходным формам, не достигавшим количественного расцвета и существовавшим в течение короткого отрезка геологического времени. Эти формы, малочисленные в общих комплексах наземной фауны, были обычно обитателями более высоких участков суши. Вместе с тем именно эти переходные формы представляют исключительный интерес для палеонтолога: они являются связующими звеньями при установлении родственных, филогенетических отношений в различных эволюционных рядах.

Таким образом, отсутствие или малочисленность в геологической летописи переходных и редких форм объяснялась закономерностями сохранения остатков. Обнаружение этих редких форм во многом определяется тщательностью исследований континентальных толщ, образовавшихся в благоприятных для сохранения остатков условиях»¹³⁰.

Завершив дела в Ленинграде, собрался в Москву и Ефремов. Но не один. Сдав свои комнаты, он и Елена Дометьевна Конжукова – как муж и жена – получили квартиру в Большом Спасоглинищевском переулке, возле Китай-города, в сердце Москвы.

Можно ли схватить стрелу в полёте так, чтобы она продолжала лететь?

Необходимо развивать свои душу и мысль, чтобы следовать за жизнью великого человека.

¹³⁰ Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М., 1987. С. 101–103.

Глава пятая. Москва (1935–1941)

Сумбурна жизнь, но всё же она полна осязательного смысла. Вся она, с её любовью, голодом, смехом, сражениями, – как непрерывные и внятные толчки к созданию самого себя.

К.Г. Паустовский. Романтики

Большой Спасоглинищевский

Прямые, как стрела, проспекты Ленинграда остались словно в прошлой жизни.

Маросейка, Лубянка, Солянка окружают Ивановскую горку – один из семи холмов старой Москвы. Среди разномастных домиков и особняков, взбирающихся по склонам горки вдоль извилистых переулков, стоит пятиэтажное здание, построенное в двадцатых годах XX века. Видимо, в нём планировалось разместить какое-то учреждение¹³¹. Высокие, почти четыре метра, потолки, огромные залы. Фасад здания выходил на Большой Спасоглинищевский переулок.

В начале тридцатых годов почти все дома, находящиеся между Лубянкой и этим переулком, перешли в ведение центрального комитета партии. Когда в Москву начали переводить институты Академии Наук СССР, требовалось срочно расселить людей. Дом № 8 по Большому Спасоглинищевскому решено было отдать под квартиры научных работников. Огромные помещения наскоро разделили тонкими перегородками. Получились квартиры с необычайно высокими потолками и окнами. Сюда и поселили несколько семей сотрудников ПИНа. Квартира из двух просторных комнат на пятом этаже, в торцевой части здания, досталась Ивану Антоновичу Ефремову и его жене Елене Дометьевне Конжуковой. На левой створке высокой двери прикрепили дощечку, на которой значилось: «И. А. Ефремов».

Немало времени потребовалось, чтобы обжить новое место. К обустройству быта необходимо было отнестись серьёзно: Елена Дометьевна, любимый Ежонок, ждала ребёнка.

Иван Антонович, шутя называя жену Ежом за колючий характер, уважал её смелый, резкий ум, обширные знания. Она владела несколькими иностранными языками, увлекалась археологией, культурой Востока, любила стихи поэтов Серебряного века, была страстной театралкой, умела слушать музыку.

Если купеческое происхождение подводило даже Ефремова, то о своём происхождении Елена Дометьевна предпочитала умалчивать. Она родилась в 1902 году в Павлограде¹³², в семье, корни которой восходили к польским панам и греческим монахам. Отец её рано ушёл из жизни – ему было всего 49 лет. В феврале 1911 года весь Павлоград оплакивал кончину Дементия¹³³ Пантелеевича Конжукова, купца, мецената, церковного старосты и благотворителя.

Конжуков окончил коммерческое училище и получил в наследство от отца чуть больше трёхсот пятидесяти рублей. Приняв участие в постройке Владикавказской железной дороги, он значительно увеличил своё состояние, а вскоре, поселившись в Павлограде, купил каменноугольные копи. На доходы он начал строить в городе первое шоссе, затем «абиссинский колодец» – скважину для снабжения населения хорошей водой. Он завершил строительство

¹³¹ А.И. Ефремов вспоминал, что в подвалах их дома было сложено множество чертёжных досок. По-видимому, учреждение, располагавшееся здесь, занималось инженерными проектами.

¹³² Ныне райцентр Днепропетровской области Украины.

¹³³ По неизвестным причинам отчество Елены записано как «Дометьевна», а не «Деметьевна».

церкви, начатое его дядей Яковом Фёдоровичем Голубицким, построил церковноприходскую школу, на свои средства содержал хор, много лет был попечителем Александровского высшего училища. В 1898 году, 16 октября, протоиерей Иоанн Кронштадтский во время приезда в Павлоград лично крестил новорожденную дочь Дементия Пантелеевича Надежду, старшую сестру Елены.

...Посвящая учебный год занятиям, Елена ждала лета. Летом снимали дом в Крыму, куда перебиралась вся большая семья, приезжали в гости двоюродные братья и сёстры, друзья и подруги. В саду слышался весёлый смех, обитатели дома устраивали игры и розыгрыши. По ночам любили изображать привидения. Однажды девушки нарядились привидениями, брат стрелял в них холостыми выстрелами, девушки же кидали в него патроны, будто бы пули отскакивают от них. Переполошили всю округу.

Часто выезжали в город – на концерты, в театр, в оперу. Любовь к музыке Елена Дометьевна унаследовала от отца.

Образованная девушка с приданым, вероятно, стала бы женой состоятельного промышленника, очаровательной хозяйкой дома.

Елена Дометьевна помнила тот день, когда она, восьмилетняя девочка, смотрела в окно на огромную, залившую все улицы пятнадцатитысячную толпу, сопровождавшую гроб с телом отца. Впереди шло духовенство и оркестр местного полка. Таких похорон в городе не было со дня его основания.

Старшая сестра недавно вышла замуж и уехала в Италию, и маленькая Елена и другие сестры остались с матерью.

Революция и Гражданская война окончательно разрушили спокойный ход жизни, заставили выбирать иную дорогу. После окончания войны, когда Иван из Херсона направился на север, Елена поступила в Крымский университет в Симферополе, откуда только что уехал в Петроград профессор П. П. Сушкин. Окончив в 1926 году естественный разряд физико-математического факультета, она стала зоологом и занялась изучением современных брахиопод, морских донных животных в двустворчатых раковинах, затем заинтересовалась брахиоподами карбона.

Ленинград, Палеозоологический институт Академии Наук. Невысокая стройная красавица с ясными внимательными глазами, тонким носом и чувственными губами, с тёмными пышными волосами, зачёсанными на косой пробор, сразу привлекла внимание вернувшегося из экспедиции Ивана Антоновича. Она с интересом слушала рассказы молодого голубоглазого и широкоплечего палеонтолога, вставляла дельные замечания. В её поведении не было легкомысленного кокетства, за внешностью нежной, хрупкой девочки скрывалась страстная, сильная натура.

Как особую драгоценность, Елена хранила «Романтические цветы» – третье издание стихов Николая Гумилёва, выпущенное в Петрограде в 1918 году. Цветы гумилёвской поэзии были не блёклыми и слезливо-сентиментальными, но яркими, отважными, устремлёнными к подвигу:

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растёт туман... но я смеюсь и жду,
Я верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

Елену захватила героика первых советских экспедиций. В 1926 году она сумела попасть на «Персей», первое в СССР научно-исследовательское судно, в качестве лаборантки. В этом году «Персей» проводил океанографические работы в Белом море и Чешской губе. Под звёздно-синим флагом Елена встретила мужественных, сильных и надёжных мужчин, женщин, ставших достойными подругами и соратницами своих избранников. В кают-компании «Персея» она познакомилась с геологом Сергеем Владимировичем Обручевым, автором гимна корабля, перекликавшегося с гумилёвскими строками:

На звёздном поле воин юный
С медузой страшною в руках.
С ним вместе нас ведёт фортуна
И чужд опасности нам страх.

Сергей Владимирович был сыном знаменитого исследователя Владимира Афанасьевич Обручева. Его брат Дмитрий Владимирович, палеонтолог, работал под руководством А. А. Борисяка. Возможно, благодаря этим знакомствам Елена пришла в палеонтологию. К моменту знакомства с Ефремовым она была участницей нескольких экспедиций, в том числе на Алтай.

Иван, желая стать достойным любви этой молодой женщины, готов был посвящать ей свои научные подвиги. У Елены не на шутку разболелось сердце, когда в 1934 году он пропал в заснеженных горах Чарской котловины, до Нового года не подавал вестей.

Теперь они живут вместе – уже в Москве. И ждут ребёнка.

Елена Дометьевна – рост метр шестьдесят, чёлочка на прямой ряд, косынка «татарочкой» повязана, сумка через плечо, папироска в руке – мечтала не бросать научную работу, не становиться домохозяйкой. Заботы по хозяйству, стирка, уборка, хождение по магазинам, приготовление пищи занимали так много времени. Елена Дометьевна считала, что вести дом – не есть главная женская доблесть.

Пришлось взять домработницу. В семьях многих учёных в то время это было обычным делом. Девушки, приехавшие в город из голодающих деревень, часто нанимались в частные дома ради жилья и питания¹³⁴.

Домработница тогда не была признаком роскошной жизни, особенно если учесть, что жалование научных сотрудников отнюдь не было высоким. Иван Антонович говорил, что его зарплата меньше, чем у шофёра Борисяка.

¹³⁴ А.И. Ефремов рассказывал, что первое его младенческое воспоминание – две молодые женщины, одна из них в русском деревенском сарафане. Они держат его на руках, и от них вкусно пахнет манной кашей.

Письмо Сталину и восстановление музея

Елене Дометьевне не надо было объяснять, в какой сложной ситуации при переезде оказались Палеонтологический институт и сам Иван Антонович.

Институт разместили в наскоро оборудованных помещениях по Большой Калужской улице, 16, на окраине Москвы, возле Нескучного сада. Выбор места объяснялся тем, что в 1934 году особняк в Нескучном саду занял Президиум Академии наук, и остальные институты планировалось устроить поблизости.

В 1936 году Академия начала подготовку к грандиозному мероприятию – Всемирному геологическому конгрессу, в рамках которого должна была работать и палеонтологическая секция. В начале сентября Ефремова выбрали учёным секретарём института. Иван Антонович, только что вернувшийся из Каргалы, вынужден был оставить почти всю собственно научную работу – написание статей, подготовку к печати научных сборников – и сосредоточиться на организационной деятельности: «бросить все дела и всеми силами вывозить институт»¹³⁵.

В Ленинграде тщательно упаковали и отправили в Москву бесценные экспонаты Палеонтологического музея, но в новой столице музею пока не находилось места. Ящики гнили в подсобках, вызывая в учёных чувство беспомощности и досады. Часть коллекции оставалась в Ленинграде.

¹³⁵ Письмо И. А. Ефремова А.Н. Рябинину от 22 сентября 1936 г. В кн.: *Ефремов И. А. Собрание сочинений* в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 355.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.